КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 марта 1901 года.

Вышла мартовская (третья) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„Русская Мысль“.

Содержаніе: I) Жестокіе. Ром. въ двухъ частяхъ.—П. Д. Боборыкина. Продолженіе. II) Съ разныхъ дорогъ. Новелла. Элизы Ожешковой. Пер. съ польск.—В. М. Л. III) Башкирскіе сказки.—Н. Крашенинникова. IV) Изъ современной хроники. Ром. Густава Вида. (Пер. съ датск.)—А. и П. Ганзенъ. Продолженіе. V) Разсказы о прошломъ. Изъ автобіографіи моего пріятеля.—С. Я. Елпатьевскаго. Продолженіе. VI) Штернштейнгофъ. Деревенская повѣсть. Людвига Анценгрубера. Пер. съ нѣм.—А. И. К—нъ. Продолженіе. VII) А. Н. Островскій въ «кружкѣ молодого москвитянина».—Ѳ. Ѳ. Нелидова. VIII) Возрастъ земли.—А. П. Соколова. IX) Рабочій вопросъ въ помѣщичьихъ вожделѣніяхъ.—А. В. Еропкина. Окончаніе. X) Лѣто на Кавказѣ.—М. Б. XI) Успѣхи нервной терапіи въ концѣ XIX вѣка и ея ближайшія задачи.—Л С. Минора. XII) Французскій критикъ о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого.—Т. Г. XIII) Неизвѣстный пѣвецъ народнаго горя. (Поэтъ крестьянинъ Гервасій Псальмовъ † 2 октября 1900 г.)—А. И. Яцимирскаго XIV) Національный вопросъ въ XIX в. (Изъ политическаго наслѣдства прошлаго столѣтія).—В. А. Гольцева. XV) Александръ Яковлевичъ Конисскій. (Некрологъ).—Л. Ч. XVI) Внутреннее обозрѣніе. XVII). Иностр. обозрѣніе.—В. А. Г. XVIII). Письма о современномъ искусствѣ: «Михаилъ Крамеръ», драма Гергерта Гауптмана.—Я. А. Ф—ина. XIV). Библіографическій отдѣлъ. XX). Объявленія.

Продолжается подписка на 1901 годъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 мѣс. 12 руб. 9 м. 9 р. 6 м. 6 р. 3 м. 3 р. 1 м. 1 р. Заграницу 12 мѣс. 14 руб. 9 м. 10 руб. 50 коп. 6 м. 7 р. 3 м. 3 р. 50 к. 1 м. 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр. 1-го іюля, 1-го окт. по 3 р. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала. Шереметевскій пер., д. гр. Шереметова. кв. 30; въ СПБ. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. Халатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. магазинъ принимаетъ на коммиссію постор. и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народныхъ дешевыхъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ**.

Изъ недавняго прошлаго.

Крайне рѣдко пока приходится изслѣдователю наталкиваться на бумаги и документы, которые давали бы возможность ознакомиться въ деталяхъ съ характерными чертами крѣпостного права, какъ оно проявлялось и существовало въ первую половину истекшаго столѣтія въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ. Большею частью они, эти документы, хранятся въ немногихъ уцѣлѣвшихъ еще частныхъ архивахъ, откуда лишь случайно появляются на свѣтъ Божій.

Совершенно случайно одинъ изъ такого рода документовъ удалось получить и пишущему эти строки,[1]) документъ, не лишенный интереса и значенія и вскрывающій многія стороны въ многострадальной жизни крестьянъ XIX в. Это—небольшая рукопись [2]), заключающая въ себѣ рядъ приказовъ въ деревню Луговецъ, мглинского уѣзда черниговской губерніи, адресованныхъ помѣщикомъ, извѣстнымъ въ исторіи украинской литературы, Павломъ Павловичемъ Бѣлецкимъ-Носенко, изъ Прилукъ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ велъ хозяйство въ сосѣднихъ селахъ, принадлежавшихъ ему наслѣдственно, къ его луговецкимъ прика-

[1]) Приносимъ искреннюю благодарность А. А. Савичу, любезно предоставившему рукопись въ наше распоряженіе.

[2]) Она озаглавлена: «Приказы въ деревню Луговецъ». Рукопись in fol., fols. 1—93.

щикамъ. Приказы эти обнимаютъ, къ сожалѣнію, далеко не весь періодъ, въ теченіе котораго онъ управлялъ деревней Луговцомъ: они ограничиваются лишь промежуткомъ времени съ 1822 по 1847 годъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ болѣе чѣмъ достаточно для обрисовки какъ отношеній помѣщика—и притомъ помѣщика вполнѣ по тому времени образованнаго,—къ подвластнымъ ему крестьянамъ, такъ и положенія самихъ крестьянъ. Мы въ настоящей замѣткѣ и воспользуемся ими.

Заброшенная въ глубь мглинского уѣзда деревня Луговецъ, послѣ длиннаго ряда перемѣщеній изъ рукъ однихъ владѣльцевъ въ руки другихъ, попала около начала XIX ст. во владѣніе новой семьи, нѣкогда козачьей, но волею судебъ достигшей высшаго ранга, попавшей въ ряды старшины, а затѣмъ и въ родословныя книги. Къ концу XVШ в. новый владѣлецъ, Бѣлецкій-Носенко, уже являлся представителемъ „стариннаго“ дворянскаго рода, ссылавшагося при Екатеринѣ, когда отъ его отца потребовали доказательствъ дворянскаго происхожденія, на то, что его предкомъ былъ „Луцкій князь Александръ Носъ, потомокъ коего, князь Іоаннъ Носъ въ 1650 г. присягнулъ на вѣрность Малороссіи“, въ 1694 г. получилъ с. Голубовку, а въ 1708 г. назначенъ прилуцкимъ полковникомъ [1]). Потомки нѣкогда бывшаго запорожскаго козака, извѣстнаго современника Мазепы, Ивана Носа, еще въ концѣ XVШ в. отбросили, поэтому, старые свои козачьи титулы, и сынъ послѣдняго сотника, Георгія Бѣлецкаго-Носенка, Павелъ уже отбывалъ свою дворянскую повинность въ арміи, гдѣ достигъ въ 1784 чина капитана. То былъ зажиточный помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими деревнями въ прилуцкомъ повѣтѣ, не малымъ количествомъ крѣпостныхъ и стариннымъ наслѣдствен-

---

[1]) Подробности о родѣ Б.-Носенковъ, см. въ исторіи прилуцкаго полка А. Лазаревскаго, помѣщ. въ Кіевской Старинѣ 1900 г., іюнь, іюль-августъ, 29 и сл., ноябрь и декабр, стр. 127 и сл.

нымъ домомъ въ Прилукахъ, этомъ главномъ родовомъ гнѣздѣ. Но, повидимому, не все старое было имъ забыто, не всѣ старыя традиціи, нашедшія себѣ выраженіе въ наказахъ черниговской старшины, были имъ отброшены. Своему сыну, тоже Павлу, онъ далъ хорошее воспитаніе, открылъ ему возможность усвоить современныя знанія, сдѣлаться человѣкомъ замѣтнымъ въ тѣ времена, человѣкомъ съ энциклопедическими знаніями, литераторомъ. Молодой Носенко очень скоро промѣнялъ шпагу на перо и педагогическую указку. Онъ бросилъ около 1798 г. военную службу, вернулся въ родныя мѣста, съ 1800 года вступилъ въ управленіе своими маетностями и предался педагогіи и хозяйству, наукѣ и литературѣ. Живя въ Прилукахъ, онъ основалъ тамъ двухклассное народное училище, преобразовалъ его въ трехклассное уѣздное въ 1812 году и затѣмъ сталъ выпускать одно произведеніе за другимъ. И чего только не касался онъ: и логики, и пчеловодства, и поэтики, и леченія холеры, и исторіи, и римскаго права, и филологіи, и народной поэзіи и т. д., и т. д. [1]). Энциклопедистъ, воспитанный въ духѣ XVIII в., онъ выработалъ цѣлую схему представленій о справедливости, и эту свою, какъ увидимъ, своеобразную, но въ высокой степени любопытную для характеристики міровоззрѣній того времени, теорію справедливости всецѣло примѣнилъ и къ той подвластной ему массѣ, которая была подчинена ему, какъ *„ея господину“* [2]). Педагогъ въ школѣ, онъ явился педагогомъ и въ крестьянской средѣ, и въ его лицѣ мы имѣемъ предъ собою типъ sui generis помѣщика первой половины XIX в., у котораго идеи XVIII в., взятыя на прокатъ изъ Европы, сочетались самымъ тѣснымъ и нераздѣльнымъ образомъ съ условіями тогдашней жизни, всецѣло обоснованной на крѣпостномъ

---

[1]) О произведеніяхъ П. П. Бѣлецкаго-Носенко см. Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы, стр. 36—56, и біографію его въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, т. IX, 187.

[2]) Большую часть приказовъ прикащикамъ онъ подписывалъ кратко, но вразумительно: „твой господинъ“.

правѣ, не противорѣча другъ другу, дружелюбно укладываясь въ немъ. Въ этомъ отношеніи приказы рисуютъ намъ его вполнѣ. Рѣдкій изъ нихъ не заключалъ въ себѣ какой-либо сентенціи философически-моральнаго содержанія, опредѣляющей его воззрѣнія на то, что разумѣлъ онъ подъ справедливостью.

Помѣщикъ-педагогъ, знакомый въ добавокъ съ римскимъ правомъ, П. П. Бѣлецкій-Носенко былъ человѣкомъ грознымъ и требовательнымъ, вникавшимъ во всѣ самыя мелкія стороны хозяйства и поведенія крестьянъ-крѣпостныхъ, не пропускавшимъ безъ педагогическихъ внушеній самаго ничтожнаго проступка крѣпостного. Высокаго мнѣнія держался онъ относительно своей роли, какъ владѣльца крѣпостныхъ, владѣльца, которому, какъ онъ самъ выразился въ любопытномъ письмѣ къ мглинскому становому приставу, „высочайше ввѣрена власть надъ крестьянами", т. е. дано „то священное право", которое „всякій благородный человѣкъ и дворянинъ будетъ защищать до послѣдней минуты своей жизни". Это, такъ сказать, „обязывало" его, и онъ систематически старался не отступать ни въ какомъ случаѣ отъ наложенныхъ на него его званіемъ „священныхъ" обязанностей.

„Вообще ты долженъ, пишетъ онъ то тому, то другому изъ своихъ прикащиковъ въ д. Луговецъ, принять за правило: чужого не тронь, а своего не попускай. Ибо кто чужое взялъ неправо, тотъ и отдай вдвое". Или, какъ въ другихъ приказахъ, еще рельефнѣе: „чужого не займи на волосъ, но и своего отнюдь не попускай, а особливо такимъ, которые хотятъ отнять силою" (f° 35). Въ этихъ словахъ его—вся суть выработаннаго имъ кодекса справедливости, который лежитъ въ основаніи всѣхъ его дѣйствій. Въ 1823 году нѣсколько человѣкъ его крѣпостныхъ д. Луговецъ не отдали кому-то изъ сосѣдей занятаго хлѣба. Ему донесли о томъ въ Прилуки, и тотчасъ же онъ шлетъ энергичный приказъ: „немедленно возвратить долгъ, а буде того не сдѣлаютъ, продать ихъ лошадь или скотину, „а за ослушаніе всыпать „по пятидесяти розогъ" (f° 30). Позже, въ 1845 г., когда оказалось, что одинъ изъ его крѣ-

постныхъ, взявшій подъ залогъ пары коней и трехъ кобылицъ 250 р. у крестьянина сосѣдняго помѣщика съ обязательствомъ вернуть деньги полностью и оставить кредитору приплодъ, не выполнилъ условія, Бѣлецкій-Носенко спѣшитъ послать прикащику грозный приказъ. „Ты вѣдаешь, пишетъ онъ, что я не люблю неправды, а потому распроси свидѣтелей, и буде договоръ былъ точно таковъ и деньги не всѣ отданы, то заставь расплатиться по уговору, потому что уговоръ лучше грошей и заключаемый при свидѣтеляхъ долженъ быть святъ и между честными людьми не нарушимъ“ (f° 87). Отсюда, и его стремленіе не доводить своихъ крѣпостныхъ до полнаго разоренія, не требовать съ нихъ чего либо лишняго, не попускать ихъ ни къ дѣйствіямъ, вреднымъ для нихъ самихъ, ни къ лѣности и уклоненію отъ ихъ обязанностей. Въ голодный 1822 годъ онъ, напр., отдаетъ половину денегъ, вырученныхъ за продажу срубленныхъ по его приказу громадой старыхъ деревьевъ въ его лѣсу, „на надобности громады при теперешнихъ скудныхъ обстоятельствахъ“, отказывается отъ всей суммы, слѣдуемой за его шинокъ, „ибо мнѣ не кстати брать съ тѣмъ, чтобы допустить крестьянъ своихъ разореніе“ (f° 8). Позже, въ повторившійся голодный 1833 годъ, онъ освобождаетъ бабъ отъ приготовленія мотковъ пряжи, „дабы бабы имѣли случай себѣ заработать на хлѣбъ“ (f° 48). За все время съ 1822 по 1847 г. не подымаетъ онъ оброка съ крѣпостныхъ и всякій разъ пишетъ прикащику: „оброкъ и на сей годъ пока останется тотъ же“ [1]). Какъ бы предчувствуя будущее, то и дѣло ему

---

[1]) Въ копіи письма Носенка къ какому то Ильѣ Петровичу онъ еще яснѣе проводитъ ту-же мысль (письмо отъ 8 апр. 1837 г., f° 63): „извините, что не могу согласиться на предложеніе Ваше; хотя я получаю самый малый оброкъ съ крестьянъ моихъ и нѣкоторые другіе выгоды, также не важные, но въ замѣнъ я утѣшаю себя тѣмъ, что благосостояніе ихъ улучшается. Я, благодаря Бога моего, не имѣю нужды въ извлеченіи для себя новыхъ не важныхъ доходовъ съ крестьянъ моихъ, что могло бы иногда подвергнуть ихъ разстройству“.

кажется необходимымъ предписывать прикащикамъ, чтобы они воспрещали крестьянамъ уплачивать „лихоимцамъ-жидамъ и ростовщикамъ болѣе указного процента въ годъ“ и въ тоже время старались „не позволять никому грабить ихъ“ (f° 3). Если до его свѣдѣнія доходило, что прикащикъ, или кто либо изъ крѣпостныхъ его, взымаетъ „наспу“ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ нужно за ссуженный хлѣбъ,—опять приказъ и повелѣніе: „не смѣть брать жидовскаго процента“ (f° 32). „Принесъ мнѣ жалобу, такъ пишетъ Б.-Носенко въ 1828 г. 20 апрѣля, одинъ изъ крѣпостныхъ, что ты, по какому то жидовскому ращету, за 8 чвертокъ гречки и только за 4 года нащиталъ наспы на наспу 60 чвертокъ и такимъ образомъ попускаешь его совершенно разворить. Между тѣмъ какъ, щитая за 4 года за 8 чвертокъ съ наспою и наспы на наспу, находится только 18 чвертокъ, 3 мѣрки и 5 гарцовъ, въ число коихъ уже уплачено, при твоихъ глазахъ, 7 чвертокъ гречки и одна чвертка конопель“. Отсюда и приказъ прекратить взысканіе, какъ несправедливое, и „немедленно возвратить забратые у крестьянина 5 коней“ (f° 32). Съ неменьшимъ усердіемъ старался Носенко оградить крѣпостныхъ отъ злоупотребленій какъ прикащиковъ, такъ и болѣе зажиточныхъ изъ крѣпостныхъ во всемъ, что касалось либо пользованія землей, которую онъ почти всю отдавалъ громадѣ, такъ какъ самъ не велъ хозяйства въ д. Луговцѣ, либо платежа чиншей и повинностей. „Изъ вѣдомости о людяхъ я увидѣлъ, пишетъ онъ 1825 г. 28 сентября, что бѣдные, которые не имѣютъ скота ни шерстины, обложены на смѣхъ большимъ оброкомъ, а богатые, чтобъ меньше платить чепши и подати, господской земли взяли какъ можно менѣе. Ты прикащикъ! Чего ты смотрѣлъ за такимъ безпорядкомъ“. И вотъ приказъ: „съ полученіемъ сего, чтобы земли рѣзовыя были взяты отъ тѣхъ, кои не въ состояніи ихъ обработывать, и отданы богатымъ. У самыхъ бѣдныхъ оставить столько земли, сколько они сами въ состояніи обработывать» (f° 22). Въ другомъ случаѣ онъ пишетъ: „до моего свѣдѣнія дошло, что земли рѣзовыя пашутъ не тѣ, кому они даны, чтобъ было съ чего опла-

чивать подати и ченшъ, а другіе тѣ земли захватываютъ, подати же взыскиваются съ тѣхъ, кто землею не корыстуется". И тотчасъ же повелѣніе, прекратить подобныя безпорядки (f° 16). Одинъ изъ его крѣпостныхъ завелъ шинокъ, но уклоняется отъ платежа денегъ вмѣсто громады въ казну за винокуреніе. Въ глазахъ Носенка это—вредное злоупотребленіе: шинкарь „шинкуетъ для своей одной пользы" и что же еще выходитъ? Онъ на ряду съ самыми бѣдными даже чинша не уплачиваетъ (f° 11), а посему приказъ—обложить его непремѣнно и неукоснительно. Не позволялъ Носенко, равнымъ образомъ, взыскивать недоимки, если взысканіе такое, при отсутствіи какихъ либо зловредныхъ или злонамѣренныхъ со стороны крѣпостного стремленій не платить, могло грозить ему разореніемъ. Его собственный прикащикъ, вопреки приказу помѣщика, забралъ за недоимку у одного изъ крѣпостныхъ пеньку. „Такъ ты не далъ ему льготы, какъ тебѣ приказываемо было, и, мстя и не уважая моихъ приказовъ, наважилъ его разорять!"—пишетъ Носенко въ своемъ грозномъ посланіи. „Ты вѣдь, не далъ ему самому продать пеньки, за которую ему давали по 70 р. за берковецъ, а самъ продалъ по 60 р., слѣдственно сдѣлалъ ему убытку 57 р. И тоже за сѣно. Тебѣ не должно было хозяйничать въ чужомъ добрѣ, а повременить, пусть бы онъ его самъ продалъ за 20 р., а ты взялъ за него 10 р.". И, разгнѣванный столь великою несправедливостью, Носенко приказываетъ: „и такъ, что ты осмѣлился не уважать моихъ приказаній дать ему льготу, отдай ему ети 67 р. непремѣнно" (f° 13). Всемѣрно, отсюда, заботился онъ объ устраненіи поводовъ со стороны крестьянъ, его крѣпостныхъ, подвергать себя и свои хозяйства разоренію. Пьянство преслѣдовалъ онъ всѣми силами. То и дѣло шлетъ онъ приказы: „всякаго пьянаго и буйнаго наказывать розгами и ничемъ другимъ и болѣе 100 ударовъ не давать" (f° 30). „Смотри, писалъ онъ раньше, въ 1822 г., чтобъ пьянства, дракъ, праздности не было; таковыхъ наказывать розгами предъ сельскимъ судомъ и давать, смотря по винѣ, отъ 10 до 100 ударовъ розгами" (f° 6). И когда одинъ

изъ присланныхъ къ нему изъ Луговца въ Прилуку крѣпостныхъ плотниковъ оказался постоянно пьянствующимъ, Носенко отослалъ его обратно въ Луговецъ съ педагогическимъ внушеніемъ и приказомъ прикащику: „Глазъ съ него не спускать; всякой разъ, что напьется пьянъ, сѣчь розгами“ (f° 42—43). А если и послѣ того не исправится, то добавочное повелѣніе: „отдать въ рекруты“. Отсюда и введенный имъ порядокъ въ его деревнѣ въ видѣ строгаго предписанія: крѣпостнымъ водки изъ шинковъ господскихъ въ долгъ ни подъ какимъ видомъ не давать подъ угрозой жестокаго наказанія [1]). Порядокъ этотъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ онъ пытался распространить и на чужихъ шинкарей. „Вообще, писалъ онъ прикащику (1822 г. 28 генваря), объяви чужимъ шинкарямъ, чтобы они моимъ крестьянамъ въ долгъ горѣлки ни кому не вѣрили, что я дамъ знать суду о томъ“ (f° 4).

Строгій и неуступчивый во всемъ, касавшемся интересовъ крѣпостныхъ, онъ, съ истинно-педагогическою суровостью и настойчивостью относился и къ исполненію обязанностей крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ и дѣйствовалъ со всею прямолинейностью стариннаго педагога. И это не только потому одному, что въ данномъ случаѣ онъ осуществлялъ свое „священное право“, но и потому, что для него крѣпостной былъ тотъ же ученикъ, за поведеніемъ

---

[1]) „Пишутъ мнѣ, что ты грабишь, читаемъ мы въ приказѣ отъ 9 февр. 1829 г., крестьянъ чрезъ шинкованье: забралъ у нихъ пеньку по низкимъ цѣнамъ и проч. Я запрещалъ неоднократно, чтобы въ долгъ горѣлки никому изъ крестьянъ не давать, а всякой пилъ бы только за наличные деньги; въ противномъ случаѣ, это явной поводъ къ раззоренію, къ дракамъ и всякимъ безпорядкамъ отъ пьянства. Во вторыхъ, откуда крестьяне возмутъ заплатить подати и ченшъ, если ты будешъ напередъ отбирать свои кабацные долги?—Ето послѣднее дѣло! Отъ нынѣ запрещается тебѣ, подъ строгимъ взысканіемъ, отнюдь не давать крестьянамъ нашимъ горѣлки въ долгъ болѣе одной кварты въ годъ, и объявить приказчикамъ сосѣдей, чтобы они также не пускали имъ въ долгъ, въ противномъ случаѣ имъ не заплатятъ“ (f° 27).

и исполнительностью котораго онъ считалъ себя обязаннымъ неукоснительно слѣдить. А, вдобавокъ,—съ его точки зрѣнія,—крѣпостной былъ по натурѣ склоненъ ко злу и въ такомъ качествѣ требовалъ неусыпнаго надзора, который, наконецъ, являлся и прямо выгоднымъ для педагога-помѣщика, обезпечивалъ исправность въ поступленіи податковъ и т. п. „Мужикъ простъ, какъ ворона, писалъ онъ своему прикащику въ 1837 г. 15 августа, а хитрый какъ чортъ“, и въ этомъ—суть его воззрѣній на порядокъ поведенія крѣпостныхъ и отбыванія ими службъ.

При томъ высокомъ мнѣніи, которое онъ имѣлъ о своей власти, правахъ и обязанностяхъ, объ авторитетности и непререкаемости его мнѣній и приказовъ,—не даромъ изучалъ онъ римское право и даже сочинилъ о немъ книжку,—Носенко не могъ допустить и мысли о возможности не признавать его авторитета, нарушать его приказы. Всячески онъ старался оберегать его въ глазахъ подвластныхъ. „Приказъ мой долженъ быть немедленно исполненъ, безотговорочно; когда я приказываю, то сужденіе сторонняго не умѣстно“ (f°. 27),—вотъ тѣ стереотипныя формулы, съ которыми онъ постоянно обращался къ своимъ прикащикамъ и къ громадѣ. И съ особенной энергіей, постоянно требовалъ онъ, чтобы всѣ приказы его исполнялись „немедлѣнно“, „сейчасъ же“ и т. д. Горе было тому, кто хоть въ малой степени осмѣливался нарушить его авторитетъ и должное къ нему, какъ власти, уваженіе. Узнаетъ онъ, что приказъ его, отправленный въ Луговецъ чрезъ плотниковъ, „былъ распѣчатанъ кѣмъ то и приписано на немъ и потомъ опять припѣчатанъ“ (f° 30). То была неслыханная дерзость, и Носенко издаетъ распоряженіе: „за такую дерзость всѣхъ кто участникъ былъ въ разламаніи *господской* печати высѣчь розгами, дать по 50 ударовъ каждому» (Ib.). И хуже всего доставалось за неисполненіе барскихъ повелѣній прикащикамъ. На нихъ выливались цѣлые ушаты энергическихъ кличекъ, имъ то и дѣло напоминалъ ихъ господинъ о своей власти. „Ты видно зажилъ за панибрата, да только гуртомъ запиваешь могоричи! Такъ плохо будетъ“, пи-

шетъ онъ посланіе одному изъ своихъ прикащиковъ и твердитъ ему: „смотри, братъ, будь исправнѣе, чтобъ намъ съ тобою не поссориться“ (f° 10—11). А то, вѣдь, продолжаетъ онъ, „я пріймусь за тебя, за перваго, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ безпорядковъ“ (f° 12). Преемникъ „развратника“—прикащика заслуживаетъ не менѣе лестные эпитеты за свою неслыханную смѣлость не исполнять приказовъ и дѣйствовать по личному усмотрѣнію. „Виноватъ (въ безпорядкахъ) ты одинъ, какъ нерадивый враль и злонамѣренный, глупый и безтолковый пустословъ, который менѣе всего думаетъ о своей обязанности, а только занимается мстить своимъ непріятелямъ“ (f° 21). И это—еще лучшій исходъ: въ другихъ случахъ 50, 56 ударовъ ожидали „нерадиваго“ и „непослушнаго“. Съ другой стороны, во имя тѣхъ же принциповъ, Носенко жестоко преслѣдовалъ и наказывалъ и тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые обнаруживали дѣйствіями и словами недостаточное уваженіе къ представителямъ власти его, ихъ «господина», къ назначеннымъ имъ лично прикащикамъ. «Прикащикъ поставленъ отъ меня, пишетъ Носенко между прочимъ въ письмѣ своемъ прикащику отъ 2 февр. 1825 г., письмѣ, которое онъ приказываетъ „вычитать передъ всею громадою“ (f° 16); „прикащикъ поставленъ отъ меня и потому всякъ ему обязанъ повиноваться, выполнять всѣ требованія его для пользы господской... подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Никто да не дерзаетъ его ругать или бить“. И вотъ, чтобы „и другимъ было неповадно“, Носенко распоряжается одному изъ крѣпостныхъ, который „осмѣлился не только ругать, но и ударить прикащика“, дать 50 ударовъ розгами передъ громадой въ примѣръ прочимъ“ (Ib.) И если прикащикъ, какъ то было съ однимъ изъ нихъ, жалуется на непослушаніе крѣпостныхъ, то этимъ вызываетъ лишь удивленіе у своего господина. „Тебѣ стыдно писать, что тебя не слушаютъ, внушаетъ онъ прикащику: всякаго ослушника призвать къ судьямъ и его наказать по приговору судей и громады (т. е. высѣчь) и на пай виноватаго судей и громаду почастовать“ (f° 19). И такой же авторитетъ старался придать Носенко и суду сельскому, пред-

писывая неоднократно безусловное послушаніе ему. „А за ослушаніе суду, приказываетъ Носенко, взыщи немедленно 1 рубль на церковь штрафу и дать 25 розокъ предъ судомъ, чтобы впредь неповадно было дѣлать ослушности и самоуправіе“ (f° 27). За то, также какъ и относительно прикащиковъ, былъ онъ неумолимымъ педагогомъ-помѣщикомъ и для судей.„ Антонъ Недбай, приказываетъ Носенко, будучи избранъ судьей, долженъ былъ хранить правосудіе, но онъ, забывши страхъ Господенъ, не только не защищалъ невиннаго, но, напротивъ, первый наложилъ на него руки, и для того, какъ негодной и недостойной, сейчасъ смѣняется и впредь его никогда судьею не избирать, недопускать ни на какой совѣтъ въ громаду, какъ буйнаго и безумнаго“ (f° 19). И это повторялось нерѣдко за время съ 1822 по 1847 г.

Находясь постоянно въ Прилукахъ, почти не заглядывая въ отдаленное свое помѣстье, Носенко не могъ самъ лично преподавать подвластнымъ ему крѣпостнымъ нужные уроки. Съ сожалѣніемъ, которое проскальзываетъ не разъ въ его письмахъ—приказахъ, говоритъ онъ о томъ, что ему невозможно обучать лично, и что, поэтому, онъ вынужденъ передавать исполненіе и судъ въ чужіе руки. Уже съ самаго почти вступленія въ управленіе деревней Луговцемъ, онъ попытался организовать для крестьянъ крѣпостныхъ особый спеціальный судъ, какъ орудіе для выполненія его педагогическихъ мѣропріятій. Ежегодно сельская громада обязана была, по его приказу, избирать изъ своей среды двухъ судей, утверждаемыхъ имъ, судей, которые „совмѣстно съ громадою и должны въ свободное отъ работы время всѣ спорные дѣла и тебя (прикащика) судить и считать за всѣ поборы и воровскіе дѣла изъ господскаго лѣса. Ты обязанъ имъ повиноваться и давать имъ отчеты“ (f° 68). Безъ суда прикащикамъ воспрещено было наказывать: наказаніе, какъ средство исправленія и наставленія на путь истинный, дѣло однихъ судей. Но компетенція суда ограничена въ одномъ отношеніи: судьи вмѣстѣ съ громадой должны разслѣдовать дѣло, допросить свидѣтелей, представить все господину, который и назначалъ мѣру наказанія, если не

предоставлялъ сдѣлать это самому суду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слухи о какомъ либо проступкѣ доходили до Носенка, онъ, по своему усмотрѣнію, назначалъ мѣру наказанія, предоставляя примѣнить ее суду, если по разслѣдованію послѣдняго виновность даннаго или данныхъ крѣпостныхъ окажется подтвержденною. Но само собой разумѣется, что судъ не могъ ни въ какомъ отношеніи стѣснять и не стѣснялъ воли господина, который не разъ распоряжался и помимо суда. Крѣпостные, такимъ образомъ, поставлены были подъ двойную ферулу, и обученіе ихъ нравственности и выполненію нравственныхъ поступковъ и обязанностей совершалось постоянно и неукоснительно, обученіе, понятно, однообразное, но педагогическое, въ формѣ сѣченія. Съ точки зрѣнія Носенка, какъ педагога, это—наилучшая мѣра наказанія и вполнѣ человѣчная. Да и какъ можетъ быть иначе! Вѣдь, писалъ онъ становому приставу, „56 розогъ не могутъ даже ребенка изувѣчить“ (f° 77), а военное наказаніе, за первый побѣгъ, а именно: проведеніе виновнаго сквозь строй шпицъ—рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ 4000 ударовъ, вѣдь «никто не осмѣлится назвать *безчеловѣчнымъ*“ (Ib.). И розга царила въ деревнѣ во всю и за все. Баба напряла мотки «мошенически и не додала требуемаго ихъ количества», и ей приказано дать 30 лозановъ, если въ 2-недѣльный срокъ не напрядетъ недостающихъ мотковъ изъ своей уже пряжи (f° 22). Одинъ крѣпостной нанесъ тяжкіе побои другому: виновный призванъ въ судъ и по приказанію владѣльца получилъ сто розогъ (f° 13). Сынъ въ другой разъ побилъ престарѣлаго отца и выгналъ его изъ дому: дать при цѣлой громадѣ 200 розогъ и посадить на 12 часовъ въ колоду» (f° 13). Крѣпостной нанесъ оскорбленіе прикащику,—50 розогъ (f° 19). Крѣпостной оставилъ данную землю впустѣ, а снялъ и пашетъ землю на чужинѣ, не платя чинша: взыскать чиншъ втрое и „предъ громадой наказать его розгами“ (f° 22). Крѣпостной вырубилъ въ господскомъ лѣсу больше лѣсу, чѣмъ сколько ему то было дозволено господиномъ: за ложь и порубъ дать предъ громадой 50 розокъ“ (f° 24). Одинъ изъ плотниковъ, присланныхъ къ панскому

двору въ Прилукахъ, „4 сутокъ курилъ и моталъ тутъ по шинкамъ въ городѣ съ своею любовницей, и, какъ слышно, промоталъ съ нею деньги, которые принесъ, и для того“,—издается панскій приказъ,—„по прибытіи его въ Луговецъ, собравши людей, дать ему 50 розокъ за мотовство и пьянство, а за прочее судитъ Богъ“ (f° 62—63). За кражу изъ господскаго лѣса сыновьями прикащика,—по 30 розокъ (f° 71). Бабу—мать „за побѣгъ и укрывательство своихъ сыновей отъ рекрутства“, предписано „высѣчь розгами при всей громадѣ, потому она уклоняла сыновей своихъ отъ государевой неизбѣжной повинности“ (f° 86).

И съ совершенно такою же аккуратностью, съ какой раздавались и мужчинамъ, и женщинамъ удары розокъ для исправленія, требовалось владѣльцемъ и неукоснительное отбываніе наложенныхъ имъ на нихъ повинностей и податей. Дѣлалось это и въ видахъ пріученія ихъ къ порядку, и съ цѣлью не давать оскудѣвать карману владѣльца.

Деревня Луговецъ находилась въ особыхъ отношеніяхъ къ владѣльцу. Какъ мы говорили уже, здѣсь у Бѣлецкаго-Носенка не было ни собственнаго двора, ни самостоятельной запашки. Управлялъ онъ ею издалека при помощи часто смѣняемыхъ прикащиковъ. Поэтому его крестьяне не несли на мѣстѣ барщины, а обязаны были только оброкомъ, который состоялъ изъ чинша (ченша), ягодъ, грибовъ, рыбы, дегтю, журавины, пряжи въ видѣ мотковъ, земляники и т. п. продуктовъ, составлявшихъ главный предметъ доходовъ дворянъ временъ крѣпостного права. Вокругъ нихъ сосредоточивался главный интересъ, ихъ тщательно исчисляютъ, провѣряютъ, запираютъ въ амбары, продаютъ, и на нихъ же изощряютъ сельско-хозяйственныя способности. Пошехонская дворянская старина была стариной дворянской и въ прилуцкомъ, и въ мглинскомъ уѣздахъ, и нашъ герой,—литераторъ и ученый Бѣлецкій-Носенко,—являлъ собою всѣ черты исконнаго пошехонца. Заботы о доставленіи всего и вся полностью, безъ ущерба, не сходятъ съ строкъ его приказовъ. „Крестьяне должны исправно платить подати и оброки“—такова его теорія, и онъ предписывалъ прикащику, чтобы тотъ „не смѣлъ писать впередъ

такія глупости", какія помѣщены имъ въ его донесеніи, гдѣ онъ проситъ о пониженіи и облегченіи платежей. Не любилъ Носенко неправды, но и не любилъ ущерба въ своихъ доходахъ, и это тѣмъ болѣе, что послѣдніе—живые символы обязанностей его крѣпостныхъ. Если всего, что слѣдуетъ, недоставлено, вина прикащика; это—слѣдствіе его „нерадѣнія", его потворства пьянству, лѣни и ничего недѣланію „хитрыхъ чертей" и, глупыхъ воронъ". „Немедленно взыскать", „безотговорочно доставить", „беречься въ перѣдъ, чтобъ никакихъ недоимокъ не было", охранять имущество, лѣса и т. п. „господина" и т. д. (fol 13 и др.),—таковъ обычный припѣвъ къ его приказамъ. „Старайся доставлять деньги поскорѣе, потому что онѣ не собраны по твоему нерадѣнію", пишетъ Носенко прикащику въ 1822 г. (f° 1). Приказы не дѣйствуютъ. Поступленія идутъ вяло. И вотъ прикащикъ съ трепетомъ читаетъ новое полученное отъ „господина" повелѣніе: „ты совершенно запустилъ людей, что никто не думаетъ о работѣ, а только пьянствуютъ, и черезъ ето ты запустилъ чинши, что мужики у тебя безъ малѣйшаго страха и поэтому все запущено. Я непремѣнно пришлю осмотрѣть, и если огороды и поля найдутся въ запустѣніи или безпорядкѣ, то я пріймусь за тебя за перваго, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ безпорядковъ" (f° 12). Грозное видѣніе въ видѣ розокъ и, особенно, систематическихъ вычетовъ съ прикащика и за недосланные продукты, и за непомѣрно, по мнѣнію Носенка, высокія цѣны, выставленныя прикащикомъ и за прядиво, и за бочку подъ олею, деготь и т. п., и за ваганы и т. п. произведенія, уменьшаютъ недоимки: прикащики изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы выполнить волю „господина", и отъ времени до времени получаютъ благодарность (крайне рѣдко), а иногда и деньги въ видѣ награды за хорошее поведеніе (еще рѣже)[1]) А

---

[1]) Въ 1832 г. прикащикъ получаетъ слѣд. посланіе: «деньги и все посланное тобою я получилъ исправно; также и мотки напрядены хорошо. За ето тебѣ спасибо» (f° 45). „Даю тебѣ 20 р. особо изъ рекрутскихъ денегъ, которые ты взыщешь» (f° 46).

у Носенка оказывается хорошій хозяйственный глазъ. Всѣ поступающіе продукты одинаково интересуютъ его. Прикащикъ присылаетъ рыбу, которую ловятъ въ господскомъ прудѣ. Ловля строго регламентирована помѣщикомъ,—она допущена лишь всей громадой. Послѣдняя должна имѣть свой неводъ, громадскій (f° 3, 18, 19, 26, 89), который обязательно хранится у прикащика, а уловъ долженъ дѣлиться пополамъ: половина пану, половина на необходимости громады, особенно въ неурожайные годы. Строго воспрещено имѣть невода и другія орудія отдѣльнымъ крестьянамъ. Носенко неукоснительно приказываетъ „неводъ у такого то отобрать, ибо какъ осмѣлился самоправно пользоваться господскими правами!“ (f° 89). Онъ знаетъ, въ силу такихъ распоряженій, какъ великъ можетъ быть ежегодный уловъ, всему этому ведутся точныя записи, и потому настойчиво требуетъ исправной присылки всего положеннаго количества рыбы. „Рыбы мало, и та самая должна быть, и потому прислать непремѣнно еще“, предписываетъ онъ прикащику (f° 26). Въ 1839 году Носенко уже посылаетъ выговоръ за недосланную рыбу: „за рыбу присланную ты не стоишь и доброго слова“ (f° 56). „Гдѣ тутъ совѣсть, бездѣльникъ, гдѣ тутъ рыба?—когда, внушаетъ онъ прикащику,—негодной щучины присылано было тобой по 15 ф., которая вся не стоила и 1 р. 5 к., а на соль для этого особо показано 1 р. 5 к.“ (f° 72). Какъ истый хозяинъ, онъ не допускаетъ и мысли о возможности недополученія слѣдуемаго ему и съ прикащика предписываетъ взыскать сумму недостающаго. Еще раньше за рыбу накопилась недоимка и штрафныя деньги, не внесенныя прикащикомъ ни въ 1834, ни въ 1835 гг. Помѣщикъ издалъ въ 1836 г., въ февралѣ, приказъ: „ты не прислалъ всѣхъ штрафныхъ денегъ за рыбу! Люди, разживаясь, прибавляютъ оброкъ господину, за которымъ живутъ въ добрѣ, а ты гнешь, какъ бы убавить. Надо помнить, сентенціозно прибавляетъ онъ, что есть Богъ“, и предписываетъ немедля уплатить всю недоимку. „Ты не мысли, добавляетъ Носенко въ видѣ угрозы, чтобъ объ этомъ когда либо было забыто, и заплатишь съ процентами“ (f° 61). И то не было лишь пустой фра-

зой съ его стороны. Носенко, вѣрный своимъ принципамъ, выработаннымъ имъ понятіямъ о справедливости, воспитанный на римскомъ правѣ, не останавливается предъ продажей всего имущества прикащика, разъ послѣдній „гнулъ“ слишкомъ сильно къ убавкѣ платежей въ пользу господина и, особенно, къ прибавкѣ ихъ въ свою пользу.

Вниманіе къ рыбѣ не было исключительнымъ. Въ совершенно равной мѣрѣ заботился Носенко и о томъ, чтобы грибы, да притомъ самые хорошіе, да рыжики, „да непремѣнно бѣлые“ [1]) да боровики по 1 ф. съ двора, доставлялись полностью подъ тѣми же угрозами; и о томъ, чтобы и мотки изъ конопли и пеньки присылались въ установленномъ имъ количествѣ, опредѣленной величины и вѣса, указанняго качества, безъ обмана и „не мошеннически“ натканные. „Мотки, чтобъ были, настаиваетъ онъ постоянно, напрядены хорошо и вѣрно по данному мотовилу изъ бѣлыхъ конопель и чтобъ были карточки при каждомъ моткѣ, а также смотрѣть, чтобъ счетъ пасомъ былъ вѣренъ“ (f° 61). И объ обманѣ его не могло быть и рѣчи. Онъ зналъ, и кто изъ бабъ, сколько мотковъ обязаны были доставить, и кто изъ нихъ не доставилъ всего, и за все это взыскивалъ онъ съ прикащика, а если оказывалась виновной баба, то приказывалъ, какъ мы знаемъ, сѣчь ее. „Мотки доставлены, пишетъ Носенко въ 1838 г. (ib.), неисправно. Пять бабъ, изъ которыхъ двѣ въ твоей семьѣ, не доставили по нѣсколько пасомъ, а именно: одна—3 пасмы, другая—2, третья—2, четвертая—5, шестая—11. Это—мошенничество, и съ твоей стороны недосмотръ. А потому приказать имъ строжайше недостающее число пасомъ допрясть и сказать, что впередъ они будутъ наказаны“. Въ 1830 г. прикащикъ доставилъ всего 91 мотокъ. „Слѣдственно, заявляетъ аккуратный Носенко, меньше противъ прошлогодняго

---

[1]) «Ты осмѣлился, пишетъ Носенко въ 1839 г., паругаться, бездѣльникъ, надъ своимъ господиномъ и вмѣсто дѣжки рыжиковъ прислалъ полъ-ведра гнилыхъ, черныхъ и зеленыхъ; грибы чтобъ были все бѣлые, а отнюдь не бабки и не менѣе пуда вѣсу» (f° 69).

14 мотковъ, да и напрядены и намотаны на такое короткое мотовило, что не прибрать витушки". „А по сему,"—приказъ его: „за недостающіе 14 мотковъ мнѣ слѣдуетъ получить 14 рублей по цѣнѣ, какъ здѣсь (въ Прилукахъ) продаются на прямое шестипядное мотовило, а не плутовское" (f° 40). Затѣмъ онъ взыскиваетъ все-таки слѣдуемое полностью. Да и вообще для недоимокъ, для взысканія недосланнаго, все равно въ формѣ ли рыбы, ягодъ, журавины, мотковъ, грибовъ и проч., у него выработалось и прямое средство. Разъ оказываются недоимки такого рода,—отвѣчаютъ деньгами прикащикъ и громада. „Тебѣ приказано было, повелѣваетъ въ 1835 г. Носенко, много разъ, когда не будетъ выслана рыба или грибы или другое что, то вмѣсто того должны вы всѣ платить за недосланное по 25 р. за каждый предметъ; а безъ етого ты, пожалуй, и не подумаешь о томъ, чтобы отдать то, что слѣдуетъ. И такъ за недосланное собрать со всѣхъ людей 50 р. и деньги непремѣнно доставить" (f° 58). И о томъ, чтобы не уплачивать этихъ денегъ, нечего было надѣяться. На просьбу такого рода одной бабы, Носенко прислалъ въ отвѣтъ такую сентенцію: „нельзя прожить безъ уплаты податей" (f° 34). Единственная льгота, которую разрѣшалъ и допускалъ Носенко, заключалась лишь въ замѣнѣ платежа натурой платежемъ деньгами, или обратно. Такъ, вмѣсто денегъ дозволялось давать, напр., деготь, но при цѣнѣ за пудъ не дороже 80 к. (f° 56), или „кто не хотѣлъ давать журавины, тому объявлялось, что онъ можетъ платить деньгами" (f° 3).

Въ дѣлѣ взысканій всѣхъ и всякаго рода платежей порядокъ былъ установленъ предусмотрительнымъ и разсчетливымъ помѣщикомъ самый строгій. Во первыхъ, всѣ разнородные виды платежей обязаны были вносить помѣщику чрезъ прикащика всѣ крестьяне безъ исключенія, все равно, были ли они надѣлены землей или нѣтъ. Во вторыхъ, за поступленія отвѣчала вся громада, такъ какъ только съ нею въ полномъ составѣ имѣлъ дѣло помѣщикъ, а не съ отдѣльными лицами. Такой порядокъ заведенъ былъ Носенкомъ съ 1803 года, и онъ упорно придерживался его во все время правленія д. Луговцомъ. „Впередъ, такъ

писалъ онъ, напр., въ 1824 г. (f° 15), съ мелкими расчетами, что тотъ или другой не заплатилъ, ты мнѣ не смѣй входить и писать! Я положилъ оброкъ на цѣлую громаду, а не на души порознь, а потому цѣлая громада мнѣ должна отвѣчать за все сполна, какъ его прежде всегда бывало". Кромѣ платъ натурой (съ правомъ замѣнять ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ деньгами), Носенко взыскивалъ со всѣхъ крѣпостныхъ и то, что онъ называлъ „ченшомъ", т. е. платежъ преимущественно деньгами, опредѣленный имъ въ 300 р. Взыскивался онъ два раза въ годъ, и прикащикамъ было особенно строго предписано присылать его аккуратно, въ два срока, которые, впрочемъ, не были строго установлены. Носенко лишь въ нѣкоторые годы требовалъ доставлять ему чинши, первую часть до Пасхи, вторую—до Василія. Такъ какъ хозяйства своего Носенко въ Луговцѣ не велъ, то и барщины въ деревнѣ не существовало вовсе. Крестьяне лишь обязаны были платежомъ натурою и деньгами въ видѣ чинша. Избавить отъ уплаты чинша могъ лишь одинъ помѣщикъ. Исключительно отъ его воли зависѣло или потребовать чинша деньгами, или заставить отработать его. Къ послѣднему способу онъ прибѣгалъ нерѣдко, но и то лишь потому, что въ д. Луговцѣ крестьяне были хорошими плотниками. Почти ежегодно, въ томъ или иномъ количествѣ, призывалъ онъ ихъ въ Прилуки или въ села прилуцкія, принадлежавшія ему, для всякаго рода построекъ Они должны были работать даромъ за освобожденіе отъ части чинша, по разсчету же помѣщика. Но и здѣсь педагогическія требованія стояли не на послѣднемъ планѣ: дозволялось являться на плотничьи работы лишь трезвымъ, не лѣнивымъ и непроштрафившимся крестьянамъ. Присылка гультяя вызывала настоящую грозу. „Какъ ты осмѣлился перемѣнять то, что уже мною утверждено, съ раздраженіемъ пишетъ Носенко своему прикащику въ 1837 г. (f° 65). Если Степанъ (крестьянинъ) безъ вѣдома твоего осмѣлился самъ отъ себя послать сюда, на смѣну, то дать ему 50 розокъ среди громады, если я самъ съ нимъ не перевѣдаюсь. И кого дерзнулъ ты сюда прислать мнѣ на глаза? Вора, негодяя, пьяницу, который за безчисленные

проказы отосланъ былъ къ тебѣ. Приказы мои отмѣнять не смѣй подъ опасеніемъ наказанія".

Какъ основное правило, господствовала въ Луговцѣ система неукоснительнаго взысканія во что бы то ни стало и „сполна" (f° 15, 18, 55, 57 и др.). Малѣйшая отсрочка вызывала рядъ повторныхъ и настойчивыхъ требованій о немедленной присылкѣ всей суммы или недоплаченной части. Лишь для „гультяевъ" и „лѣнивцевъ", которые упорно отказывались отъ уплаты и съ которыми безсильны были справиться прикащики и громада, была придумана Носенкомъ спеціальная кара: прикащики должны были высылать такого рода лицъ на время косовицы, жатвы и другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ ко двору помѣщика, гдѣ ихъ заставляли отбывать барщину (f° 57). „Всѣ неисправные плательщики, издаетъ въ 1835 г. свой приказъ Носенко, пьяницы, лѣнивцы будутъ работать здѣсь панщину, а земли ихъ и особливо пенечные огороды должны будутъ за нихъ же выплачивать всѣ подати и чинши" (f° 58). Это,—по мысли Носенка,—наказаніе крѣпостнымъ его за то, что, какъ онъ пишетъ въ томъ же приказѣ,—„вы только лукавствуете и хитрите" (Ib.).

Заботы о поддержаніи доходности имѣнія, о правильномъ поступленіи платежей идутъ у Носенка еще далѣе. Не желая увеличивать оброки, онъ ищетъ другихъ источниковъ доходовъ, создаетъ новые поборы. Такъ, напр., слѣпыя бабы обязаны были наравнѣ съ другими доставлять ко двору помѣщика причитающееся съ нихъ количество мотковъ. Въ 1824 г. онѣ уже увольнены были помѣщикомъ отъ приготовленія мотковъ, и, по его приказу, приготовленіе ихъ въ томъ количествѣ, какое должны были выполнить слѣпыя, возложено на молодыхъ. недавно вышедшихъ замужъ (f° 17). Но въ 1838 г. помѣщикъ постановляетъ, чтобы „съ ослѣпшихъ бабъ въ передъ взыскивать за мотки деньгами, по чемъ продается мотокъ," а прикащику поставлено въ непремѣнную обязанность „смотрѣть строго, чтобъ никакой недоимки не было" (f° 65). Въ тѣхъ видахъ, чтобы ущерба чиншамъ не было, издаетъ Носенко приказъ, безусловно воспрещающій

его крѣпостнымъ брать землю на сторонѣ. Имъ предписано обработывать лишь землю, принадлежащую помѣщику, дабы не причинить ему ущерба [1]).

Съ другой стороны, съ неменьшимъ вниманіемъ относится Носенко и къ вопросу объ удержаніи на мѣстахъ своихъ крѣпостныхъ, этихъ главныхъ источниковъ дохода его въ д. Луговцѣ. Сохраненіе существующаго количества рабочихъ крѣпостныхъ, ихъ увеличеніе постоянно заботили его, и онъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не потерпѣть и въ этомъ отношеніи какого-либо убытка. Съ ушедшихъ безъ разрѣшенія крестьянъ и отысканныхъ гдѣ-либо у сосѣдняго помѣщика взыскивалось пожилое (f° 41). Относительно женщинъ онъ всячески старался о томъ, чтобы охранить свое право и не потерпѣть ущерба отъ выхода ихъ замужъ за чужого человѣка, въ чужую деревню. Такъ, въ 1822 г. Носенко предписываетъ своему крестьянину жениться на своей крестьянкѣ, но, буде онъ не захотѣлъ бы этого, то и на чужой, но подъ условіемъ замѣны (f° 6). Позже настаиваетъ онъ на соблюденіи неукоснительномъ своего права, чтобы „безъ воли и вѣдома его никто не выдавалъ замужъ, и не выходилъ замужъ, или не женился (f° 62). За неисполненіе указа Носенко подвергалъ виноватыхъ штрафу. Когда въ 1837 г. ему донесли, что одинъ мглинскій священникъ обвѣнчалъ безъ его вѣдома и позволенія женщину, его крѣпостную, онъ приказалъ или потребовать отъ священника куницу, или подать на него жалобу въ духовное правленіе (f° 64). Какъ общее правило существовалъ обычай уплачивать „куницу“ въ размѣрѣ 13 р. за отдачу дочери въ замужество за посторонняго человѣка. „Дочь свою, пишетъ Носенко прикащику въ 1847 году, выдать за сто-

---

[1]) «Кто осмѣлится, гласитъ приказъ 1825 г. (f° 22), взять землю и пахать на сторонѣ, когда своя въ пустѣ, и когда онъ имѣетъ земли столько, сколько всякій бѣднякъ (вслѣдствіе того, что уклоняется отъ чинша), то съ такого мошенника взыскать чиншу въ трое и наказать его предъ громадой розгами, и сей приказъ тотчасъ привести въ исполненіе».

ронняго можно не иначе, какъ со взносомъ за нее куницы тринадцати рублей серебромъ“ (f° 91—62, 65 и др.).

Строго охраняя свое „священное право“ распоряжаться по своей волѣ крестьянами, слѣдить за ихъ поведеніемъ, подвергать ихъ тѣлесному наказанію, Носенко, съ другой стороны, уже въ силу своего высокаго мнѣнія о роли дворянина, не допускалъ и мысли о возможности какого-либо посторонняго вторженія въ его отношенія къ крестьянамъ, отношенія, основанныя, по его убѣжденію, на присущемъ ему правѣ, особенно вторженія полицейской власти. Въ такомъ вторженіи онъ усматривалъ явное нарушеніе своего „священнаго права“ и либо просто отмѣнялъ приказы и распоряженія какого-нибудь станового пристава, либо протестовалъ противъ дѣйствій его, противъ „незаконнаго“ его вмѣшательства. Въ 1842 г. онъ получилъ жалобу отъ своихъ крестьянъ на обремененіе ихъ подводами по распоряженію станового. Разузнавши, что съ крестьянъ другихъ владѣльцевъ въ Луговцѣ подводъ не берутъ, а только съ его крѣпостныхъ, что вымогаютъ съ нихъ насильно подводы и задерживаютъ иногда по недѣлѣ у станового для собственной его ѣзды, Носенко пишетъ прикащику приказъ, прекратить все это. „Я не дѣлалъ, пишетъ онъ, никакого контракта содержать почту для возки станового пристава и содержать тройки коней и погонщиковъ въ его дворѣ для раззоренія моихъ крестьянъ, а потому приказываю тебѣ подать куда слѣдуетъ жалобу о прекращеніи такого самоправнаго разоренія крестьянъ нашихъ, и притомъ объявить, что впредь безъ письменнаго отъ земскаго суда приказа, законнымъ порядкомъ подписаннаго, никакія подводы выдаваться не будутъ, а также по запискамъ на лоскуткахъ бумаги, потому что такія вымогательства—противо законные, а подводная повинность должна быть общественная цѣлаго уѣзда и слѣдовательно должна соблюдаться очередь по числу ревизскихъ душъ въ каждомъ владѣніи“ (f° 83). Нѣсколько раньше, въ 1839 г., Носенко вступилъ въ еще болѣе рѣшительную борьбу съ становымъ приставомъ для защиты своего „священнаго права“. Назначенный имъ прикащикъ оказался виновнымъ въ похищеніи немалаго количества дерева изъ помѣщичьяго

лѣса, въ недобросовѣстномъ веденіи дѣлъ, неправильной присылкѣ чиншей и т. п. Кое-кто изъ крестьянъ донесли о порубкахъ Носенку, и послѣдній, выразивши „великое спасибо“ симъ крестьянамъ и подаривши одному 25 р., а другимъ по 15 р., предписалъ суду произвести дознаніе. По дознанію прикащикъ съ сыновьями оказались виновными, и Носенко присудилъ ихъ ко взысканію около 4 тыс. рублей и постановилъ продать все ихъ имущество въ пополненіе долга, если они не уплатятъ слѣдуемаго въ мѣсячный срокъ. А такъ какъ при составленіи описи имущества громадою, по порученію помѣщика, бывшій прикащикъ оказалъ сопротивленіе и дрался, да и крадъ лѣсъ, то Носенко въ дополненіе приказалъ высѣчь и его, и его сыновей, дать каждому по 56 розогъ (f° 66 по 74). Высѣченные крестьяне обратились съ жалобой къ становому за увѣчья, нанесенныя имъ, и становой отправилъ къ Носенку повѣстку и потребовалъ у него объясненій. Повѣстка привела въ страшное негодованіе помѣщика Носенка, и онъ разразился ядовитымъ и насмѣшливымъ протестомъ противъ „явно“, съ его точки зрѣнія, „незаконныхъ дѣйствій станового, осмѣлившагося затронуть и его „господина“ особу, и его „священныя права“.

Мы приводимъ in extenso это письмо Б.-Носенка къ становому, какъ не требующее комментаріевъ и рисующее его во весь ростъ.

Письмо адресовано такъ: „отъ помѣщика коллежскаго ассесора, двухъ императорскихъ Россійскихъ ученыхъ обществъ члена и проч., и кавалера Павла Павлова сына Бѣлецкаго-Носенка, отвѣтъ на повѣстку его благородію г. приставу 3 стана Левицкому мглинскаго уѣзда“.

„Повѣстку вашу отъ 27 ноября за № я имѣлъ честь получить чрезъ почту; и спѣшу предостеречь васъ.—Вы, милостивый государь мой, совсѣмъ меня не знаете, я человѣкъ довольно грамотный, читаю толстыя книги, никогда не отговариваюсь не знаніемъ законовъ; очень знаю свои права помѣщика и крѣпостныхъ людей; живу по русской пословицѣ: „ѣду тихо не свищу, кто жъ наскочитъ не спущу“.—Въ теченіе почти

40-ка лѣтъ, крестьяне мои никогда... не впадали въ недоимку, потому что я непрестанно о томъ заботился, и даже въ дорогой годъ не заимствовались на продовольствіе отъ казны. Для разбора ихъ исковъ, споровъ, дракъ и протчего, за отдаленностью моего жительства, установленъ былъ отъ меня сельской судъ изъ двухъ избранныхъ ими судей и громады, они собирались всякой праздничной день послѣ обѣда и судили и рядили дѣла по святой правдѣ, какъ нельзя лутше, и за дерзкія дѣла приказчиковъ судили и штрафовали съ 1803 года. Но Иванъ Сигуль съ сыновьями своими... осмѣлились самоправно эту спасительную мѣру уничтожить и присвоили себѣ, какъ это доказано, самовластіе надъ моими крестьянами, начали тирански ихъ наказывать, отнимали у нихъ поля, сѣнокосы, огороды и проч., безъ здирства съ крестьянина не выдавали ему свидѣтельства для полученія покормѣжной; потомъ стали вымогать и брать съ крестьянъ лишніе ноборы будто бы въ казенные податки; эту лихву присвоили себѣ и никогда не отдавали громадѣ отчета, пока не дошли до меня общія жалобы о всѣхъ ихъ злоупотребленіяхъ. Вотъ какимъ образомъ Сигули разбогатѣли! Наконецъ, они, накупивши много лишнихъ лошадей и нанявши наймитовъ, не смотря на то, что своя семья многочисленна, зимнимъ путемъ иногда на 20 подводахъ крали мой лѣсъ и возили продавать его въ г. Мглинъ; и сверхъ того самоправно крали себѣ на постройки, и въ ослушаніе моего строгаго приказа Сигули не захотѣли идти съ громадою считать выкраденные ими деревья, за которыя я положилъ самую бѣдную плату, какая была установлена отъ меня назадъ тому около 40 лѣтъ, а не ту цѣну, которую предписано брать за покраденные сосновые деревья въ сводѣ законовъ.—Теперь позвольте вамъ, М. Г. мой, напомнить, что я рѣшилъ все это дѣло, какъ владѣлецъ *окончательно*, на основаніи т. IX, статьи 594-й..., слѣдовательно безъ всякой апеляціи къ кому либо.—Далѣе. Свода Законовъ въ томъ же томѣ статья 596: для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, онъ (т. е. владѣлецъ или помѣщикъ) имѣетъ право употреблять до-

машнія средства исправленія и наказанія, по его усмотрѣнію, но безъ увѣчья и проч.". Изъ этого вы усмотрѣть можете, что написанные вами 56 ударовъ розгою совсѣмъ не безчеловѣчно и не можетъ даже ребенка изувѣчить; вамъ угодно было назвать розгу по-нѣмецки *шпицъ-рутеномъ*, что все таки значитъ хлыстъ; но всякій знаетъ, кто служилъ въ военной службѣ, что военный судъ присуждаетъ за первый побѣгъ дезертира пройти сквозь строй шпицъ-рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ по теперешнему счету 4000 ударовъ, и это никто не осмѣлится назвать *безчеловѣчнымъ*.—Что касается до 75 рублей за лишній ударъ, это праведная гроза для исполнителей судебныхъ приговоровъ при наказаніи уголовнымъ палачемъ.—Вы поступили, М. Г. мой, очень неосторожно, въ противность закона т. X ст. 1614, п. 2: „запрещается давать судъ крѣпостнымъ людямъ противъ своихъ помѣщиковъ, кромѣ дѣлъ объ отыскиваніи законной свободы отъ укрѣпленія", и того же С. З. въ т. IX ст. 597 узаконяетъ: „запрещается принимать отъ крѣпостныхъ какіе либо на ихъ владѣльцевъ доносы и проч.";—слѣдовательно, вы не имѣли никакого законнаго права принимать просьбъ отъ преступныхъ крестьянъ моихъ, Сигулей, чтобы тѣмъ возбудить въ нихъ дерзость законопреступную противъ высочайше ввѣренной мнѣ власти, когда я рѣшилъ дѣло *окончательно*, по силѣ закона.—Всякой благородный человѣкъ и дворянинъ вѣрно будетъ защищать это священное право до послѣдней минуты своей жизни.—Какъ законное повиновеніе отъ крестьянъ моихъ, Сигулей, нарушено, и какъ не мудрено предвидѣть послѣдствій этого приключенія, то я одолжаюсь покорно просить васъ обратить возмутившихся крестьянъ моихъ къ законному повиновенію и дать зависящую отъ васъ помощь крестьянамъ моимъ, Данилѣ Повтарю, Ѳедору Киреенку и протчимъ для исполненія моего приказа по окончательному моему присужденію.—Время не терпитъ; вы ободрили раззорителей моихъ крестьянъ, которые осмѣлились писать въ послѣднемъ своемъ отчетѣ, будто они тратили громадскіе деньги на угощеніе членовъ земскаго суда, засѣдателей и всякихъ ревизо-

ровъ, и давали имъ деньги. Злодѣи, которые не умѣли цѣнить благодѣянія своего помѣщика, подъ правленіемъ котораго обогатились и нажились благополучно около 40 лѣтъ, конечно не пощадятъ сторонняго. Еще прошу васъ, поспѣшите привести ихъ въ повиновеніе. P. S. Мнѣ очень обидно, что вы, М. Г. мой, вздумали пугать меня принятіемъ отъ Сигулей на меня или на крестьянъ моихъ жалобы; если они не будутъ обращены къ законному повиновенію мнѣ и не исполнятъ моихъ приказовъ, я принужденъ буду жаловаться въ Губернское Правленіе, гдѣ, конечно, найду правосудіе.—Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ мое имѣніе, нарушать беззаконно мою власть, увѣряя непокорныхъ крестьянъ моихъ, будто они могутъ приносить жалобы на окончательные суды своего помѣщика къ кому бы то ни было".

И. Лучицкій.

Кіевъ, 19 февраля 1901 г.

Сорокъ лѣтъ назадъ.

(*Изъ воспоминаній Мирового Посредника перваго призыва*).

Въ послѣднее время „великій“ 1861 годъ вспоминается въ обществѣ очень рѣдко. Только иногда бывшій крѣпостной, опредѣляя время, говоритъ: „се було въ пятый годъ писля воли“, и вспоминаетъ тотъ день, когда впервые слово „воля“ смѣло и свободно раздалось по обширной землѣ; но чѣмъ дальше шли годы, оно все рѣже и рѣже вспоминалось, пока не замѣнилось другимъ словомъ, но уже не радостнымъ, а грустнымъ: „на переселеніе“. Но человѣку, бывшему очевидцемъ, а еще болѣе, принимавшему участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ, приходится часто воспоминаніями переживать эти дни, полные жизни, полные дѣйствительной, живой работы, а не бумажной, канцелярской,—такъ живо, какъ будто это было вчера.

Съ полною ясностью возникаютъ въ памяти лица, ихъ характеры, взгляды на дѣло освобожденія, борьба съ ними, радость побѣды, боязнь, чтобы не ввести темный людъ въ бѣду. Все это прошлое сразу ожило въ моей памяти при встрѣчѣ съ однимъ изъ крѣпостныхъ, пришедшихъ ко мнѣ за „порадою“.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Ярмакъ, бывшій въ обществѣ крестьянъ однимъ изъ видныхъ людей, которымъ и въ экономіи дорожили, какъ хорошимъ плотникомъ, былъ, помнится мнѣ,

однимъ изъ тѣхъ, дѣло котораго съ экономіей пришлось мнѣ впервые разсматривать и рѣшать послѣ воли.—Теперь это былъ сѣдой, сгорбленный старикъ, думающій, какъ лучше устроить своихъ наслѣдниковъ послѣ своей смерти.

При встрѣчѣ съ этимъ-то Ярмакомъ припомнилось мнѣ время „великаго года“, припомнились многіе эпизоды изъ того времени, заставившіе Ярмака иногда повторять: „да и дурни-жъ булы мы тоди“.

Мало уже осталось насъ, принимавшихъ участіе въ освобожденіи. Вспоминая моихъ бывшихъ коллегъ, не могу не остановиться на тогдашнемъ предводителѣ дворянства, который игралъ большую роль въ уѣздной жизни. Съ особенною яркостью онъ припоминается мнѣ, добрый по натурѣ, но глубоко убѣжденный въ томъ, что и послѣ освобожденія онъ обязанъ поддерживать прежнія права помѣщиковъ, и мнѣ не разъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло въ Съѣздѣ Мировыхъ Посредниковъ, въ которомъ предводитель дворянства былъ предсѣдателемъ. Въ то время Съѣздъ Мировыхъ посредниковъ былъ первымъ гласнымъ учрежденіемъ, и въ немъ разбирались дѣла и споры такъ еще недавно бывшихъ безправныхъ людей со своими полноправными господами. Это учрежденіе, на которое были обращены взоры всего уѣзда, у насъ, да вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, имѣло громадное значеніе для будущности, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, большинство которыхъ никакъ не хотѣло сразу стать къ крестьянамъ въ положеніе, требуемое закономъ, и желало при всякой возможности оттянуть въ свою пользу хоть кусочекъ того, на что они уже не имѣли права.

Съѣздъ Мировыхъ Посредниковъ, состоя изъ мѣстныхъ дворянъ съ предводителемъ во главѣ, не могъ внушать довѣрія только что освобожденнымъ крестьянамъ. Только членъ отъ правительства въ Съѣздѣ, на сторонѣ котораго было знаніе новыхъ законовъ да представительство взглядовъ губернскихъ присутствій, могъ сдѣлать Съѣздъ учрежденіемъ новымъ, способнымъ безпристрастно проводить новые законы. Поэтому, если-бы

голоса въ съѣздѣ не уравновѣшивались голосомъ правительственнаго члена, если бы губернаторъ не былъ на сторонѣ новаго положенія вещей, а члены и секретарь Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія были старыми чиновниками, а не людьми, всецѣло стремящимися исполнить законъ, то дѣло освобожденія и въ нашемъ уѣздѣ пошло бы плохо. Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи, я вспоминаю быв. членовъ отъ правительства П. Г. Борсука и А. М. Лазаревскаго. Уѣздъ нашъ не имѣлъ въ большомъ количествѣ крупныхъ имѣній. Помѣщичьи крестьяне составляли менѣе трети всего населенія; главный элементъ составляли козаки, имѣвшіе въ то время еще нѣкоторыя льготы. За исключеніемъ нѣсколькихъ селъ и хуторовъ, остальные имѣли смѣшанное населеніе, состоящее изъ козаковъ и крестьянъ. По качеству почвы уѣздъ раздѣлялся на двѣ половины: въ 1-й мѣстности и надѣлъ требовался меньшій, и оброкъ большій; во 2-й мѣстности, гдѣ главнымъ образомъ преобладала песчаная почва, но за то было много сѣнокосовъ болотныхъ и заливныхъ луговъ, много лѣсовъ и срубовъ, надѣлъ былъ больше и оброкъ меньше.

Первая мѣстность урожайная, вторая—болѣе пригодная для скотоводства. Но какъ въ первой могли быть имѣнія съ болѣе плохой почвой, такъ, наоборотъ, во второй—могли быть имѣнія съ хорошей почвой. Законъ позволялъ переносить оцѣнку съ одной мѣстности въ другую, почему, какъ надѣлы, такъ и оброки могли и уменьшаться, и увеличиваться. Это обстоятельство требовало отъ посредника тщательнаго изученія крестьянскихъ земель.

Почти въ одно время съ освобожденіемъ началось и размежеваніе земель, съ цѣлью уничтоженія чрезполосности, но оно не могло придти на помощь въ опредѣленіи качества и количества земли, такъ какъ шло черепашьимъ шагомъ, хотя впослѣдствіи имѣло серьезное вліяніе какъ на помѣщичьи хозяйства, такъ и на крестьянскія. Но въ то время это не было предвидимо, почему и послѣдствія его не принимались въ разсчетъ. Но объ этомъ послѣ.

Очень много имѣній имѣли винокуренные заводы и нѣсколько сахарныхъ. Съ первыхъ же дней освобожденія, по крайней мѣрѣ пока на бумагѣ, приходилось обратить особое вниваніе на возможность оставленія рабочими работъ на заводахъ, и въ особенности сахарныхъ, гдѣ пріостановка на нѣсколько дней могла причинить большіе убытки, а затѣмъ вызвать и строгія мѣры: вѣдь въ то время слово „бунтъ“ было очень употребительно, и простой отказъ одного-двухъ рабочихъ идти на панщину возводился уже въ бунтъ и могъ окончиться вызовомъ солдатъ, что и было въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Присутствуя въ церкви при чтеніи манифеста, я замѣтилъ не счастливыя лица крестьянъ, а суровыя, хотя они и крестились при словахъ: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ“.—Несомнѣнно, на всѣхъ повліяло то, что „воля“ дается не вдругъ, что они должны еще отбывать панщину, что относительно земли, которою они владѣли и считали своей, дѣлается что-то не такъ. Изъ крестьянъ въ то время мало было грамотныхъ. Случалось, что въ иномъ селѣ нельзя было найти ни одного человѣка, который могъ бы расписаться за неграмотныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грамотнаго крестьяне находили, но этотъ грамотный самъ запутывался въ толкованіи и вѣрномъ пониманіи многихъ статей Положенія. Были, разумѣется, и такіе, которые толковали эти статьи въ пользу крестьянъ, за что и выпивали больше и получали большее вознагражденіе. Все это, на первыхъ порахъ, дѣлало задачу Мировыхъ Посредниковъ очень тяжелой. И теперь я вспоминаю то неспокойное состояніе духа, которое овладѣло мною, когда пришлось составлять программу своихъ дѣйствій. Очевидно, нужно было пріобрѣсть возможное довѣріе отъ крестьянъ, чтобы не надѣлать бѣдъ. Задача эта была очень трудной, и впослѣдствіи оказалось на дѣлѣ, что хотя крестьяне будто бы и вѣрятъ Посреднику, но держатъ ухо востро́ и часто на самое простое предложеніе, выгодное для нихъ, не соглашаются.

Первымъ дѣломъ послѣ чтенія манифеста было образованіе сельскихъ и волостныхъ учрежденій. Волостные Суды, правле-

нія, сельскіе старосты въ обществахъ козаковъ существовали давно, въ крестьянскихъ же были образованы отдѣльно; тѣмъ не менѣе, образцы для послѣднихъ уже были, и новые граждане, крестьяне, старались подражать козакамъ и въ манерахъ держать себя предъ начальствомъ, и съ подчиненными имъ крестьянами. Различіе было въ томъ, что козачьи старшины, управляемые особыми чиновниками бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ, были грамотны, умѣли держаться, имѣли хорошо обученныхъ писарей. Наши же, крестьянскіе, въ большинствѣ неграмотные, съ первыхъ же дней могли попадать въ руки писарей, взятыхъ изъ бывшихъ козачьихъ писарей или пріучившихся около нихъ молодыхъ парней, набившихъ руку тутъ же въ Волостныхъ Правленіяхъ. Поэтому и тутъ Мировому Посреднику приходилось задумываться и быть на сторожѣ, чтобы незамѣтно на новыя учрежденія не повліяли привычки старыхъ уже козачьихъ учрежденій, въ которыхъ волостные старшины часто наживали крупныя земельныя имущества.

Но съ первыхъ же шаговъ самостоятельныхъ дѣйствій крестьянскихъ должностныхъ лицъ легко было замѣтить, что они подчинены, въ сущности, громадѣ. Какъ будто по наружности старосты и казались исполнителями распоряженій Мировыхъ Посредниковъ, но въ случаяхъ особыхъ выходило, что они въ полнѣйшей власти громады. Въ этомъ я очень скоро убѣдился.

Первый объѣздъ своего участка, знакомство съ помѣщиками показали, что дѣло скоро не пойдетъ. Первые говорили, что въ свое время представятъ и уставныя грамоты или, по крайней мѣрѣ, всѣ матеріалы для составленія грамотъ, такъ какъ они имѣли еще льготное время. Впослѣдствіи оказалось, что все нужно было и собирать, и составлять самимъ Посредникамъ. Крестьяне обыкновенно выражали желаніе сначала „подывыться, якъ буде у другихъ“.

Въ моемъ участкѣ, кромѣ массы мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ въ большинствѣ такъ назыв. дворовыхъ, главныя имѣнія были гр. Кушелева Безбородка; они заключа-

лись во многихъ селахъ отъ одного конца уѣзда до другого. Въ срединѣ этихъ имѣній находился сахарный заводъ; рабочіе по недѣлямъ ходили туда на работы и работали на своихъ харчахъ, брали съ собой печеный хлѣбъ. Разстояніе отъ мѣста жительства рабочихъ до завода было отъ 10 до 25 верстъ. На заводѣ управляющій, конторщикъ были изъ крѣпостныхъ; главноуправляющій тоже, но жилъ въ другомъ концѣ уѣзда.

Крестьяне, живущіе въ различныхъ селахъ, кромѣ работы на заводѣ, обрабатывали экономическую землю. Тутъ были устроены приказчичества, и приказчики были тоже изъ крѣпостныхъ, а хаты, гдѣ они жили, и хозяйственныя постройки, крестьяне называли дворцами [1]).

Понятно, какъ трудно было тѣмъ крестьянамъ, которые ходили на работы въ заводъ, гдѣ ни ночлега, ни харчей хорошихъ не было, послѣ объявленія воли продолжать эту ненавистную работу.

Въ этомъ имѣніи я чувствовалъ подъ собою колеблющуюся почву. На помощь старыхъ чиновниковъ, чуждыхъ не только мнѣ, но и новому порядку вещей, я не могъ разсчитывать. При случаѣ они стремились подставить мнѣ ногу. Все это я зналъ послѣ одного, въ сущности пустого, случая. Въ числѣ имѣній моего участка, находилось имѣніе А. В. Кочубея, Члена Государ. Совѣта, ежегодно пріѣзжавшаго на лѣтнія каникулы въ Малороссію. По существующему обычаю, всѣ уѣздныя власти должны были являться къ нему съ донесеніемъ о томъ, что дѣлается въ уѣздѣ. Я былъ у него тогда, когда власти, начиная съ исправника, явились къ этому сановнику, добрѣйшему человѣку. Я сидѣлъ возлѣ него, разсуждая о лучшемъ устройствѣ его имѣнія послѣ освобожденія. Обширная его усадьба съ большимъ садомъ, отдѣлявшимся отъ прекраснаго парка рѣчкой, черезъ которую былъ перекинутъ мостъ, составляла первую заботу владѣльца. Главнымъ образомъ онъ желалъ сохранить

---

[1]) Дворцомъ въ старой Малороссіи обыкновенно называлась усадьба помѣщика. *Пр. Ред.*

ее въ порядкѣ и окончить каменную ограду около своей усадьбы, начатую нѣсколько лѣтъ передъ освобожденіемъ. Въ это время началась явка мѣстныхъ властей, которыхъ хозяинъ принималъ стоя, не прося сѣсть. И вотъ это обстоятельство еще болѣе усилило чувствуемую ко мнѣ непріязнь. Вскорѣ эта непріязнь выразилась въ грубомъ отвѣтѣ казначея на мое требованіе выслать ревизскую сказку дворовыхъ. Нахлобучка, сдѣланная этому казначею его начальствомъ, заставила быть другихъ поосторожнѣе; тѣмъ не менѣе они радовались, если предчувствовали какую-либо непріятность для меня. Это, въ сущности, была борьба стараго режима съ новыми порядками, новою жизнью, которую уже предчувствовали. Старые порядки, съ безмятежною жизнью уѣздныхъ чиновъ, нарушаемою изрѣдка проѣздами губернскихъ чиновниковъ, подрывались.

Въ этой уѣздной семьѣ начали появляться новые люди, говорящіе что-то совсѣмъ уже новое, чего старые не допускали, съ чѣмъ имъ трудно было примириться. Напримѣръ, при имени Гоголя даже лучшіе изъ старыхъ, читающіе кое-что, приходили въ ярость, негодованіе, когда рѣчь заходила о новомъ направленіи въ литературѣ. Понятно, что случай, о которомъ я хочу разсказать, привелъ въ волненіе не только старыхъ помѣщиковъ, но и старыхъ чиновниковъ.

Вскорѣ послѣ объявленія воли я получилъ письмо отъ предводителя, этого еще такъ недавно могущественнаго въ уѣздѣ человѣка. Въ то время вѣдь большинство уѣздныхъ должностей замѣщались по выбору дворянства,—исправникъ, судья, засѣдатель, попечители хлѣбныхъ магазиновъ. Борзенскій предводитель дворянства писалъ, что лакей укралъ серебряную ложку и нагрубилъ ему, за что просилъ наказать виновнаго розгами. Я назначилъ разборъ дѣла въ Волост. Прав. и послалъ повѣстку, какъ жалобщику, такъ и лакею. Предводитель, разумѣется не явился, никого за себя не прислалъ—и лакей былъ оправданъ. Жалобы на это рѣшеніе не послѣдовало, но, повидимому, для поддержанія своего значенія, Предводитель назначилъ очередной Съѣздъ не въ городѣ, а въ домѣ одного помѣ-

щика, въ серединѣ уѣзда. На этомъ съѣздѣ, въ присутствіи массы дворянъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ, послѣдовалъ вопль уходящаго въ вѣчность стараго порядка. Не заявляя жалобы на мое рѣшеніе, Предводитель поднялъ крикъ, что такъ нельзя, что это вызоветъ ужасныя послѣдствія, что жить будетъ нельзя, что онъ будетъ писать „въ Собственныя Его Величества руки“.— Всѣ слушали безмолвно и чего-то ожидали... Но столъ уже былъ накрытъ для обѣда, и хозяинъ поторопился попросить закусить. Лица прояснились, думаю, не только потому, что неловкая сцена прекратилась, что аппетитъ будетъ скоро удовлетворенъ, но и потому, что какъ будто повѣяло чѣмъ-то старымъ—и предводитель, сдѣлавъ свое дѣло, подошелъ ко мнѣ и тихо проговорилъ: „не сердись, братику, такъ нужно“!

Въ сущности, это были мелочи, но они въ то время имѣли громадное значеніе. Крестьяне чутко прислушивались. Кучера, лакеи, масса другой прислуги, незамѣтно дѣлая свое дѣло, слушали; они знали все, что дѣлалось, „между господами“, сообщали крестьянамъ и выводили свои заключенія.

Съ такою же отчетливостью возникаетъ предо мною сцена, чуть было не выросшая въ очень серьезное дѣло, такъ часто называемое бунтомъ. Выше я упомянулъ о тѣхъ порядкахъ, которые были на сахарномъ заводѣ, и какъ эти порядки нестерпимы показались крестьянамъ послѣ объявленія воли. Вскорѣ послѣ начатія работы на заводѣ и разыгралась бѣда. Крестьяне не вышли на работы, и управляющій заводомъ прислалъ мнѣ заявленіе, что очередные рабочіе отказались, что работы остановились, а нѣкоторыя общества крестьянъ этого имѣнія прогнали назначенныхъ сельскихъ старостъ, назначили новыхъ, которымъ и отдали „медали“, т. е. знаки сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Управляющій въ своемъ заявленіи добавлялъ, что онъ „объ этомъ бунтѣ“ послалъ эстафету губернатору. Въ то время телеграфовъ не было, а эстафеты—это были верховые посланцы, мчавшіеся отъ станціи до станціи. Эстафеты доставлялись скоро, но стоили очень дорого. Это былъ первый серьезный случай. Приходилось или звать полицію, или попро-

бовать самому подѣйствовать на крестьянъ. Я избралъ послѣднее. Пріѣхавъ въ бунтующее село, населеніе котораго на половину состояло изъ козаковъ, я просилъ перваго встрѣчнаго проводить меня къ сельскому старостѣ.—„Къ которому“?—Къ настоящему, законному, отвѣтилъ я.—„Того уже нема,—громада прогнала и назначыла нового“—получился отвѣтъ.—„Ну, веди къ новому“. Около хаты новаго старосты собралась кучка людей, человѣкъ въ сто, между ними были и бабы. Въ хатѣ былъ говоръ, а по временамъ и смѣхъ. Войдя въ хату, я увидѣлъ слѣдующую картину: за столомъ, съ пунцовымъ лицомъ, съ чаркой въ одной рукѣ и бутылкой въ другой, стоялъ новый староста съ знакомъ на груди. Возлѣ стола тѣснились люди съ раскраснѣвшимися уже лицами,—значитъ, выпили. Не сказавъ „здравствуйте“, я спросилъ: „гдѣ староста“? Молча мнѣ указали на новаго. Новый, поклонившись, протянулъ мнѣ рюмку со словами: „не побрезгуйте“. Оттолкнувъ протянутую рюмку, причемъ она выпала у старосты изъ руки, я, дѣйствительно разсердившись, началъ, возвысивъ голосъ, говорить о томъ, что они надѣлали, чѣмъ это можетъ кончиться, понимаютъ ли они, какое сдѣлали преступленіе. „Сними медаль“, потребовалъ я въ концѣ „и пошли за старостой“.

Настоящему старостѣ, котораго я разбранилъ, при чемъ онъ все ссылался на громаду, я привѣсилъ медаль и потребовалъ отъ него, чтобы завтра же онъ лично привелъ партіи рабочихъ на заводъ, куда и я пріѣду. Староста молчалъ на это требованіе, но изъ толпы раздались голоса, что харчи нужны.—Объ этомъ мы поговоримъ на заводѣ, а теперь я ничего знать не хочу,—сказалъ я, уѣзжая. На другой день рабочіе были на заводѣ, а управляющаго я уломалъ давать пищу по возможности хорошую.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объявленія воли, и мнѣ уже казалось, что крестьяне настолько вѣрятъ, что можно начать и переговоры объ окончательномъ прекращеніи крѣпостной зависимости, которая оканчивалась послѣ соглашенія о земельномъ надѣлѣ. Это прекращеніе наступало, при обоюдномъ со-

глашеніи помѣщика съ крестьянами,—или выкупомъ земель, или подаркомъ уменьшеннаго надѣла. Въ первомъ случаѣ, крестьяне получали земли больше, но должны были платить и въ казну, и дополнительный платежъ помѣщику; во второмъ случаѣ, обязательныя отношенія прекращались со времени подписанія сдѣлки. Обѣ стороны находились въ нерѣшимости: отдать земли больше жалко, но за то получались деньги, на которыя многіе думали завести раціональное хозяйство. Крестьяне боялись обязать себя платежами, но отказаться отъ части земли, которою владѣли и они, и батьки ихъ, тоже казалось ужаснымъ. Но нужно было потребовать, и я избралъ для начала одно изъ имѣній гр. Кушелева-Безбородко, въ имѣніяхъ котораго вообще было больше порядка и были всѣ нужные матеріалы для сдѣлки тѣмъ или другимъ порядкомъ. Въ числѣ переданныхъ мнѣ бумагъ, одна заключала свѣдѣнія о деньгахъ, которыя экономія передавала обществамъ крестьянъ, съ условіемъ, чтобы общество составило приговоръ о томъ, какъ употребить эти деньги. Деньги же составились изъ особаго сбора, вносимаго ежегодно по распоряженію экономіи съ каждой ревизской души на случай какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ семьѣ крестьянина. Эти общества, кромѣ подушной подати, 3-хъ дневной въ недѣлю панщины, уплачивали еще и этотъ сборъ. Деньги хранились въ экономіи и составляли очень солидный капиталъ, котораго экономія могла и не возвратить.

Назначивъ сельскій сходъ, я съ удовольствіемъ думалъ, что это будетъ сюрпризъ для крестьянъ, что съ этого имѣнія пойдетъ начало поземельныхъ соглашеній. Велико же было мое разочарованіе, когда крестьяне, выслушавъ предложеніе экономіи мое увѣреніе, что деньги эти будутъ переданы обществу по составленіи ими приговора о храненіи этихъ денегъ и вообще о порядкѣ ихъ расходованія, крестьяне изъ толпы громко закричали: „не треба намъ сыхъ грошей! прыговора не дамо!“— Сдержавъ себя, я потребовалъ, чтобы вышли тѣ, которые кричали. Они вышли; я и теперь ихъ хорошо помню: молодые крестьяне Кривицкій и Ярмакъ. На мой вопросъ, почему они

не желаютъ принимать своихъ же денегъ, почему они говорятъ за всѣхъ, они отвѣчали: „не дамо приговора, якъ вамъ угодно“. Я обратился къ громадѣ, думая насмѣшкой, къ которой такъ чувствителенъ нашъ малороссъ, выиграть дѣло, и хотѣлъ осмѣять Кривицкаго и Ярмака, взявшихся отвѣчать за всѣхъ такимъ глупымъ образомъ. Но тутъ поднялся уже настоящій гвалтъ. Въ толпѣ кричали: „не треба намъ ихъ грошей; мало насъ мучылы на заводи голодныхъ и холодныхъ!..“

Я закрылъ сходъ и началъ съ уполномоченными, которые требовались при подписаніи всякой сдѣлки, разговаривать и осуждать людей, которые отказывались отъ своихъ же денегъ, когда отъ нихъ не требовалось никакихъ обязательствъ. Уполномоченные молчали и только повторяли: „это ихъ дѣло.“ [1])

Всѣ ожидали, чтобы кто-нибудь началъ, а нетерпѣніе все росло. Поступали жалобы отъ помѣщиковъ, что не исполняется трехдневная въ недѣлю панщина. Тотъ заболѣлъ, тотъ уже будто отработалъ.

Въ концѣ перваго года послѣ объявленія манифеста возвратился изъ-за границы молодой помѣщикъ, при первомъ же знакомствѣ со мною заявившій, что онъ желалъ бы такъ или иначе окончить обязательныя отношенія съ крестьянами. Съ него и пошло начало. Здѣсь я узналъ, что съ крестьянами уже разрѣшили вопросъ, на что имъ соглашаться. Когда я началъ имъ толковать, что имъ болѣе выгодно выкупить свой надѣлъ съ помощью отъ правительства, такъ какъ оцѣнка земли ниже дѣйствительной стоимости, что платежъ разсрочивается на долгое время, что со временемъ земля еще больше вздорожаетъ, мнѣ отвѣчали: „воно може и такъ, да луче, щобъ намъ платылы за роботу, нижъ мы повынни будемо платыть. Безъ нашыхъ рукъ земля пану ничого не дасть, все одно вона нашыхъ рукъ не втече“.

Сдѣлка окончилась подаркомъ одной десятины земли на каждую ревизскую душу. Хозяинъ, у котораго былъ умершій

---

[1]) Деньги потомъ были имъ выданы.

отецъ, не исключенный изъ ревизіи; малолѣтній, родившійся до 1859 г.,—всѣ получали надѣлъ... Получить безплатно въ то время землю по такому разсчету и сразу стать внѣ всякихъ обязательствъ къ помѣщику, казалось самымъ выгоднымъ, такъ какъ прежнія мечты о томъ, что вся земля, которая была во владѣніи крестьянъ, поступитъ имъ даромъ, разсѣялись.

Помѣщики же, рѣшаясь на такую сдѣлку, разсуждали: у крестьянъ земли будетъ мало, не будетъ пастбищъ, и они будутъ брать землю у насъ на условіямъ, какія будутъ намъ выгодны.

Такимъ же образомъ было уничтожено крѣпостное право и у болѣе крупнаго владѣльца Кочубея, и онъ имѣлъ возможность видѣть, что и каменная ограда окончена, и паркъ сохраненъ.

Почти всѣ болѣе крупныя имѣнія окончили такимъ же образомъ, хотя у нѣкоторыхъ не обошлось безъ попытки урвать кусочекъ того, что имъ не слѣдовало. Такія попытки обнаруживались въ желаніи доказать, что земли, отходящія крестьянамъ, по качеству принадлежатъ къ первой мѣстности, и поэтому надѣлъ долженъ быть разсчитанъ меньше, а также во включеніи крестьянъ въ число дворовыхъ, которымъ надѣла помѣщикъ могъ не давать.

Первымъ въ этомъ отношеніи оказался все тотъ же предводитель дворянства, подавшій мнѣ заявленіе, что крестьяне надѣлены прекрасной землей и заливными лугами, и поэтому имѣніе по надѣлу должно быть перенесено въ 1-ю мѣстность. На отказъ мой въ его домогательствѣ, онъ подалъ жалобу въ губернское присутствіе, которое для разслѣдованія назначило въ его имѣніе мировой съѣздъ изъ двухъ уѣздовъ. Большинство Посредниковъ были старые помѣщики, старые пріятели нашего предводителя по дворянскимъ собраніямъ. И всѣ они, несомнѣнно тяготѣли къ хозяину, въ домѣ котораго мы собрались, и затѣмъ отправились осматривать надѣлы. Со стороны крестьянъ провожатыми были приказчикъ, изъ крестьянъ же, садовникъ крестьянинъ и нѣсколько домохозяевъ. Пахатныя земли не возбуждали

спора, такъ какъ всѣ посредники были изъ черноземныхъ имѣній, а тутъ почва все была песчаная.—„Поѣдемъ еще осмотрѣть поемные луга“, сказалъ одинъ изъ посредниковъ.—„Ну, да чортъ съ ними“, не слушаясь, отвѣтилъ предводитель,—„я и самъ ихъ не знаю; поѣдемъ лучше обѣдать!“

За обѣдомъ и помину не было о дѣлѣ, а разсказывали болѣе всего анекдоты. Въ журналѣ съѣзда было кратко написано: осмотрѣнные надѣлы съѣздъ не признавалъ возможнымъ отнести по качеству къ землямъ первой мѣстности.

Все это несомнѣнно доказывало, что помѣщики цѣплялись за каждую ниточку, чтобы стянуть въ свою пользу хотя тѣ кусочки, которые въ сущности не составляли ничего серіознаго, и дѣлали это потому, что жила въ нихъ надежда на сочувствіе къ нимъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ было дѣло. И, быть можетъ, пытаясь оттянуть эти кусочки, они надѣялись на случай,—„авось кривая вывезетъ!“

Послѣ этой исторіи другіе уже не пытались въ этомъ отношеніи пробовать счастья.—Почти всѣ владѣльцы спустя года полтора послѣ „воли“, пришли къ обоюдному соглашенію съ крестьянами, отдавъ имъ безвозмездно по десятинѣ на ревизскую душу. Ревизской же душой считался каждый мущина, состоящій въ спискахъ населенія, составленныхъ въ 1858 г. Пробовали нѣкоторые владѣльцы, при разсчетѣ количества земли, которую нужно дать крестьянамъ, считать дворовыми тѣхъ, которые были взяты изъ семейныхъ крестьянъ во дворъ въ разныя должности. Припоминается такой случай. Генералъ С., человѣкъ очень богатый, но скупой, который почти всѣ дни сидѣлъ на „тронѣ“—(такъ называлось кресло позолоченное, стоящее въ домѣ на особенно устроенномъ возвышеніи), просилъ меня подготовить всѣ нужныя бумаги для окончательной сдѣлки съ крестьянами. Составивъ списокъ, я занесъ повара Харлампія въ число крестьянъ, такъ какъ отецъ его не былъ дворовымъ и отбывалъ панщину. Генералъ началъ доказывать, что Харлампій—дворовый и не имѣетъ права на надѣлъ. Завязался споръ, и когда я рѣшительно отказался перечислить повара въ число дворовыхъ, прибавилъ, что

это было бы нѣчто похожее на то, какъ Собакевичъ записалъ Лизавету въ число мужчинъ,—генералъ до того разсвирѣпѣлъ, что мы не кончили дѣла, и я уѣхалъ. Чрезъ нѣкоторое время мы помирились: Харлампій получилъ надѣлъ, хотя генералъ и увѣрялъ, что онъ дѣлаетъ это не потому, что признаетъ Харлампія крестьяниномъ, а просто по великодушію.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти маленькія побѣды зависѣли отчасти отъ тѣхъ вліяній, которыя шли свыше, но тѣмъ не менѣе онѣ указываютъ и на то, что все, главнымъ образомъ, зависѣло въ первое время отъ мировыхъ посредниковъ. Это подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ эпизодомъ.

Мѣсяцевъ черезъ восемь, губернаторъ началъ объѣздъ крестьянскихъ волостей. Къ одному изъ моихъ волостныхъ правленій начальникъ губерніи подъѣхалъ уже вечеромъ. Его ожидали старшина, старосты ближайшихъ селъ и немало крестьянъ. Не выходя изъ коляски, онъ, поздоровавшись со мною, обратился къ старшинѣ: „ну, какъ у васъ?“ Получивъ по обыкновенію въ отвѣтъ, что все, слава Богу, благополучно, князь Голицынъ уже хотѣлъ уѣзжать, когда къ нему подошелъ одинъ крестьянинъ съ жалобой на меня.—„Ты пьянъ“, крикнулъ ему губернаторъ:—„старшина, посади его подъ арестъ на три дня!“ и уѣхалъ къ предводителю пить чай. Переконфуженный, я подозвалъ къ себѣ жалобщика и спросилъ, по какому дѣлу хотѣлъ онъ жаловаться. Оказалось, что онъ представилъ мнѣ купчую, такъ называемую *пантикулярную*, т. е. написанную однимъ крестьяниномъ другому о продажѣ упруга ($^1/_4$ десятины) земли, но той земли, которая принадлежала помѣщику. Такихъ купчихъ очень много имѣлось у крестьянъ и очень рѣдко попадались такія, изъ которыхъ было видно, что земля куплена отъ другихъ сословій: козаковъ, мѣщанъ и т. п. Всѣ такія купчія я представлялъ въ Губернское Присутствіе, которое, въ качествѣ высшаго совѣстнаго суда, разрѣшало ихъ окончательно. Удостовѣрившись, что желавшій пожаловаться крестьянинъ не пьянъ, а только, по его словамъ, „выпилъ осьмушку для смѣлости“, я поѣхалъ къ губернатору выпрашивать амнистію. На мою просьбу князь Голицынъ смѣясь сказалъ: „да дѣлайте съ ними, что хотите“.

Крестьяне, представляя такія купчія, никакъ не могли или не хотѣли убѣдиться, что они не имѣли на нихъ права, такъ какъ и вся земля, которою они владѣли, признавалась помѣщичьей и могла перейти къ нимъ или по выкупу, или по непринужденному согласію бывшаго владѣльца. Это была, по мнѣнію крестьянъ, явная несправедливость, съ которой многіе не могли примириться, и въ одномъ имѣніи, не моего участка, пришлось принимать крутыя мѣры. Крестьяне говорили, что тѣ купчія, которыя они имѣли, доказывали, что земля ихъ дѣдами и прадѣдами была куплена у козаковъ. Вопросъ этотъ былъ очень запутанный, и рѣшеніе его все откладывалось въ губернскомъ присутствіи. Вообще, очень мало купчихъ было признано такими, по которымъ земля была отдана крестьянамъ и не включалась въ число надѣла.

Въ концѣ второго года, по распоряженію Мин. Внут. Дѣл., Мировые Посредники должны были привести въ извѣстность дѣло продовольственное. Во время крѣпостного состоянія на обязанности владѣльцевъ лежалъ правильный взносъ подушной подати и обезпеченіе продовольствія крестьянъ на случай неурожаевъ. Эту обязанность помѣщики должны были исполнять по своему усмотрѣнію, но въ каждомъ имѣніи должно было быть особое помѣщеніе (магазинъ), а въ немъ на каждую ревизскую душу по четверти ржи и по $^1/_2$ четверти яровового хлѣба. Для контроля избирались особые попечители хлѣбныхъ запасовъ, которые обязаны были ежегодно ревизовать и представлять свѣдѣнія предводителямъ дворянства. Книги хранились,—однѣ у помѣщиковъ, другія въ канцеляріи предводителя. Попечители эти выбирались дворянами; отъ нихъ получали и жалованье. Очевидно, контроль могъ быть только для формы. Никто серьезно ничего и никого не ревизовалъ. Пріѣзжалъ ежегодно „попечитель“, выбираемый обыкновенно изъ бѣдныхъ дворянъ; ему приносили книги, онъ въ нихъ дѣлалъ надпись, что въ наличности оказывалось все. При нашей ревизіи выходило уже другое. Въ большинствѣ имѣній не было ни помѣщеній особыхъ, ни хлѣба. Только въ тѣхъ крупныхъ имѣніяхъ, гдѣ распоряжались управляющіе, а

владѣльцы жили въ Петербургѣ, и помѣщенія, и хлѣбъ были и переданы были въ завѣдываніе крестьянскихъ обществъ. Но вездѣ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ и имѣлъ винокуренный заводъ, хлѣба не было. Были примѣры, но очень рѣдкіе, что владѣлецъ заявлялъ, будто хлѣбъ былъ, но онъ разобранъ крестьянами, и когда это было дѣйствительно такъ, крестьяне не отпирались и высчитывали количество взятаго ими хлѣба. Посредникамъ было предоставлено право рѣшать, кто долженъ возвратить хлѣбъ и сколько,—помѣщикъ крестьянамъ, или крестьяне. Все это своевременно рѣшалось, и когда рѣшеніе входило въ законную силу, то передавалось полиціи для взысканія. Эта груда протоколовъ, пролежавъ много времени въ полицейскихъ управленіяхъ, была потомъ передана въ Земскія Управы. Отъ Земскихъ Управъ (нѣкоторыхъ) возбуждались ходатайства объ исполненіи постановленій; отвѣтовъ долго не получалось,—вѣяло уже другимъ духомъ. Дѣло это (тоже нѣкоторыми управами) переносилось въ губернскія земскія собранія, и наконецъ изъ Министерства былъ полученъ отвѣтъ: „такъ какъ крестьяне получили юридическое право наравнѣ съ другими сословіями, то и могутъ сами отъ себя заявлять искъ!..“ Такъ эти дѣла и канули въ вѣчность.

На этомъ я и оканчиваю свои воспоминанія. Главное дѣло было завершено, а потомъ пошли мелочи, а затѣмъ окончили свое существованіе посредники при всеобщихъ на нихъ нападкахъ. Миръ праху ихъ!

Я оставилъ эту службу ради другихъ учрежденій, вызванныхъ другими реформами, но первую мою службу, послѣ канцелярской и департаментской, я вспоминаю съ самымъ отраднымъ чувствомъ и какъ будто дѣлаюсь моложе, когда начинаю вспоминать о ней или встрѣчаюсь съ тѣми, которыхъ приходилось освобождать.

Н. Волкъ-Карачевскій.

Нѣсколько данныхъ и соображеній по поводу писемъ Митрополита Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Въ октябрьской книжкѣ „Кіевская Старина“ за истекшій годъ помѣщены весьма любопытныя письма Митрополита Кіевскаго Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Въ замѣчаніяхъ редакціи, предпосланныхъ этимъ письмамъ, между прочимъ сказано: „оба названныя лица хорошо памятны нашему Кіеву и кіевской епархіи по той роли, которую играли они въ дѣлѣ духовнаго и народнаго просвѣщенія, особенно въ 60-хъ годахъ, когда такъ осложнились отношенія между духовными и свѣтскими властями по вопросу о народныхъ школахъ. Будущій историкъ когда-нибудь найдетъ возможнымъ освѣтить эту страницу въ жизни нашего края и высказать свой безпристрастный судъ; мы же пока обязаны опубликовать тотъ матеріалъ, который поможетъ этому освѣщенію“ (стр. 123).

Располагая нѣкоторыми данными по вопросу о народныхъ школахъ въ 60-хъ годахъ въ кіевской губ., я хочу присоединить ихъ къ вышеуказаннымъ письмамъ, въ качествѣ матеріала для будущаго историка, и кстати представить нѣсколько и своихъ соображеній.

Какъ надо было ожидать, вопросъ о народномъ образованіи сталъ предметомъ особаго вниманія русскаго общества и правительства вслѣдъ затѣмъ, какъ реформой 19 февраля 1861 г. было юридически установлено, что крестьянство наше образуетъ

дѣйствительно народъ, а не предметъ только крѣпостного владѣнія помѣстнаго дворянства.

Въ числѣ другихъ мѣръ, которыя тогда были предприняты съ цѣлью способствовать насажденію образованія среди народа, было составленіе 20 іюля 1861 г. комитета для начертанія общаго плана устройства элементарныхъ школъ. Въ этомъ комитетѣ возникли разногласія относительно того, въ какомъ вѣдомствѣ должны находиться народныя училища—духовномъ или свѣтскомъ. Св. Синодъ доказывалъ свое преимущественное право на завѣдываніе народнымъ образованіемъ, ссылаясь на то, что духовенство уже вполнѣ успѣшно ведетъ это дѣло: церковныхъ школъ числилось въ Имперіи въ 1860 г.—7907, а въ 1861—18,587. Министерство же Народнаго Просвѣщенія въ оффиціальномъ отчетѣ о положеніи народнаго образованія заявляло, что многія изъ церковныхъ школъ существуютъ только по имени. Этотъ споръ между двумя вѣдомствами былъ разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ 18 января 1862 г., согласно которому въ вѣдѣніи Синода остались только училища, учрежденныя духовенствомъ, а на обязанности Министерства Народнаго Просвѣщенія возлагалось учрежденіе и завѣдываніе народными училищами во всей Имперіи.

Оффиціальное разрѣшеніе спора, какъ оказалось впослѣдствіи, не покончило его и не примирило враждовавшія вѣдомства. Борьба изъ-за народныхъ школъ продолжалась, и въ этой борьбѣ дѣятельное участіе принималъ митрополитъ Кіевскій Арсеній. Переписка его съ протоіереемъ Лебединцевымъ показываетъ, что вопросъ этотъ его весьма занималъ, и выйти побѣдителемъ изъ борьбы ему хотѣлось всенепремѣнно. Въ письмѣ отъ 18 декабря 1862 г. онъ говоритъ: „прежде всего благодарю Васъ за благоразумную распорядительность и бдительность Вашу по училищному дѣлу. Затѣмъ, статью о народныхъ училищахъ... пустите съ Богомъ въ путь“ (стр. 124). Далѣе, въ томъ же письмѣ сказано: „ожесточенная злость противъ насъ, „народныхъ образователей“, неудивительна: имъ изъ-за насъ, еще до прибытія моего въ Петербургъ, посланъ строгій отъ министерства выговоръ.

Это значитъ, что на огонь вылита смола... Надобно только пока и намъ не зѣвать и повсюду свои старанія усилить... За всѣмъ слѣдите зорко и ничего не оставляйте безъ вниманія (стр. 126). Въ письмѣ отъ 27 марта 1863 г. читаемъ: „Забавно, что г. попечитель въ отнятіи у насъ церковно-приходскихъ школъ здѣсь же, въ Петербургѣ, заперся, увѣряя министра, а министръ меня, что такихъ случаевъ не бывало... Извольте вести дѣло и переписку съ такими фальшивыми людьми. Придется доказывать эту ложь формальнымъ слѣдствіемъ, но для сего надобно въ каждой мѣстности имѣть въ виду надежныхъ депутатовъ съ нашей стороны. Хорошо было бы, если бы Вы это дѣло извѣстными Вамъ путями подготовили... Теперь успѣхъ или проигрышъ дѣла въ Вашихъ рукахъ. Если кіевское духовенство, предъ лицемъ цѣлаго свѣта столько возвысившееся, упадетъ снова въ грязь и свѣтскою гордынею будетъ пошатано, то оно должно жаловаться на своихъ собратій, которые не имѣли или не хотѣли поддержать его и словомъ, и дѣломъ на должной высотѣ“ (стр. 129 и 130).

Такимъ образомъ, „вся претензія въ этомъ дѣлѣ“, какъ говоритъ м—тъ Арсеній въ одномъ изъ своихъ писемъ, заключалась въ томъ, „чтобы школы, отнятыя у духовенства министерскими чиновниками съ полиціею, ему были возвращены, а министерство потрудилось бы завести свои школы, куда онъ готовъ былъ назначить законоучителей, лишь бы только положить для нихъ достаточное жалованье, а именно 150—200 руб.“ (стр. 129).

„Думаю (говоритъ онъ въ письмѣ отъ 3 февраля 1863 г.) „что если крестьянскія общества покажутъ правду, какимъ образомъ происходило это превращеніе церковно-приходскихъ школъ въ народныя, по ихъ собственному желанію, или по волѣ гг. открывателей, ссылавшихся даже на волю царскую, непремѣнно успѣю“ (стр. 128); открытіе же школъ, по свидѣтельству этихъ писемъ, происходило такимъ образомъ, „что такъ называемые общественные приговоры о народныхъ школахъ составлены были безъ согласія самихъ обществъ, по наговору, или даже прика-

занію, съ угрозами, или съ обманомъ относительно сліянія церковно-приходскихъ школъ, мировыхъ посредниковъ, генералъ-губернаторскихъ чиновниковъ и проч. и волостныхъ старшинъ, равно какъ подробно было бы раскрыто, какія непозволительныя средства для подговора старшинъ и крестьянъ были употреблены и проч. т. п. (стр. 130).

Мнѣ извѣстно, какъ состоялось открытіе трехъ народныхъ школъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ: въ мѣстечкахъ Малинѣ, Хабномъ и селѣ Скуратахъ. Открытіе совершилось слѣдующимъ образомъ.

Окружной инспекторъ (Туловъ) и уѣздный протоіерей (Гороновскій—оба нынѣ покойные), пріѣхавъ на мѣсто открытія школы, приглашали къ себѣ сельскихъ властей, объявляя имъ о своемъ желаніи, при этомъ просили приходского священника оказать имъ свое содѣйствіе, повліявъ на прихожанъ въ благопріятномъ смыслѣ. Засимъ, послѣ выраженнаго обществомъ согласія, составлялся объ этомъ приговоръ, въ которомъ указывались и обязательства, принимаемыя на себя обществомъ: давать учителю добавочное содержаніе къ назначенному от. казны, предоставить помѣщеніе для школы и учителя, нанять сторожа и т. п.—и такимъ образомъ, безъ обмана и угрозъ, улаживалось дѣло. Да и не было никакой надобности прибѣгать къ такимъ средствамъ. Въ существѣ для крестьянъ было совершенно безразлично, кто станетъ учить ихъ дѣтей—учитель ли казенный, т. е. присланный попечителемъ округа, или нанятый ими въ помощь „батюшкѣ“, или наконецъ самъ батюшка, лишь бы это имъ дешевле стоило. Не надо забывать, что и особеннаго рвенія тогда къ ученію не замѣчалось, а вопросъ о томъ, въ чьемъ вѣдѣніи должна быть школа—Синода или министерства Народнаго Просвѣщенія, для крестьянъ былъ и мало понятенъ, и мало интересенъ. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ (помимо вышеуказанныхъ) и принимались неблаговидныя мѣры, при открытіи народныхъ училищъ, но это, вѣроятно, уже было тогда, когда отношенія между епархіальнымъ и окружнымъ начальствомъ вполнѣ обострились, когда агенты того и другого не въ мѣру усердствовали и тянули крестьянъ на свою сторону,

Митрополитъ Арсеній указываетъ рядъ неблаговидныхъ дѣйствій со стороны свѣтскихъ властей; но тогда же говорилось, что нерѣдко были такіе случаи, когда сельскіе старосты, подъ вліяніемъ священниковъ, заставляли учениковъ переходить изъ народныхъ школъ въ церковно-приходскія. Не спроста также требовалъ митрополитъ Арсеній отъ министерста назначенія законоучителямъ народныхъ школъ жалованья 150—200 р., самъ же сознаваясь, что разумѣется такой суммы въ полной мѣрѣ не дадутъ" (письмо отъ 27 марта 1863, стр. 129). Это требованіе равнялось отказу законоучителей, если принять во вниманіе, что министерство и учителямъ жалованья въ 200 р. не могло назначить.

Очевидно разсуждали такъ: воевать—такъ воевать. А на сколько эта война вредна была для пользы дѣла, показываетъ эпизодъ изъ жизни одной изъ трехъ вышеуказанныхъ школъ—Скуратовской. Въ с. Скуратахъ, благодаря заботамъ и стараніямъ мѣстнаго приходского священника (давно покойнаго), устроена была церковно-приходская школа, въ которой преподаваніе шло весьма успѣшно, такъ что епархіальная власть обратила вниманіе на эту школу, и священнику за хорошее состояніе ея объявлена была „архипастырская признательность". Вотъ почему явилось желаніе и у „народныхъ просвѣтителей" обратить эту школу въ народную. И здѣсь, какъ и въ другихъ вышеуказанныхъ мѣстахъ, открытіе школы состоялось при совмѣстномъ дѣйствіи окружного инспектора и уѣзднаго протоіерея и благодаря участію священника, къ которому прихожане обратились за совѣтомъ—соглашаться-ли имъ на открытіе въ ихъ селѣ народнаго училища, или нѣтъ. Священникъ совѣтовалъ дать согласіе, такъ какъ всѣ данныя, повидимому, были на лицо, что преподаваніе въ народной школѣ будетъ лучше обезпечено, чѣмъ въ церковно-приходской, и такъ какъ и въ матеріальномъ отношеніи для прихожанъ было выгоднѣе имѣть народную школу: отъ нихъ приплата требовалась всего 20 руб. вмѣсто 60, которые они платили доселѣ учителю, министерство обязывалось также снабжать школу учебными пособіями. Священнику не могло прійти въ голову, что его дѣйствія окажутся

впослѣдствіи непріятными его начальству по той простой причинѣ, что объ открытіи школы хлопоталъ и представитель отъ духовнаго вѣдомства—уѣздный протоіерей. А между тѣмъ ближайшее будущее показало, что въ этомъ случаѣ и протоіерей, и священникъ заблуждались: весьма скоро пришло распоряженіе отъ епархіальнаго начальства отобрать у народнаго учителя учениковъ бывшей церковно-приходской школы, а ему предоставитъ набирать новыхъ учениковъ. Это распоряженіе спустя немного было подтверждено и лично митрополитомъ Арсеніемъ, который, обозрѣвая лѣтомъ 1862 г. епархію, посѣтилъ и с. Скураты, гдѣ въ церкви ему были представлены ученики и учитель народной школы. Владыка пожелалъ узнать, какіе ученики этой школы взяты изъ церковно-приходской и какіе вновь поступили. Оказалось, что вновь поступилъ всего одинъ ученикъ. Тогда Владыка, указывая на этого ученика, обращается къ учителю и говоритъ: „вы себѣ своихъ заберите, а намъ нашихъ отдайте“.

Такимъ образомъ, пока фактически народная школа упразднялась, а въ будущемъ, въ одномъ и томъ же селѣ, съ весьма немногочисленнымъ населеніемъ (Скураты были, такъ называемымъ, 7-ми класснымъ приходомъ) должны были бокъ-о-бокъ существовать двѣ школы—одного типа, но двухъ вѣдомствъ. Священнику же, еще недавно доказывавшему прихожанамъ полезность народной школы, теперь, во исполненіе воли начальства, пришлось доказывать полезность и необходимость церковно-приходской школы и, косвенно, безполезность школы народной—положеніе довольно неудобное и весьма непріятное. Но скоро оно стало еще непріятнѣе. Назначенный попечителемъ Округа учитель оказался крайне неудачнымъ, неисправнымъ по должности и нетрезваго поведенія: посѣщая родителей своихъ учениковъ, напивался пьянъ и велъ себя неприлично что, конечно, весьма неблагопріятно отражалось на моральномъ состояніи школы.

Священникъ, въ качествѣ законоучителя, сообщилъ объ этомъ благочинному, благочинный—епархіальному начальству,

а послѣднее—окружному. Учитель, провѣдавъ про это, сталъ искать защиты и поддержки у своихъ друзей по кутежамъ, и когда попечителемъ учебнаго округа назначено было черезъ посланное имъ лицо произвести разслѣдованіе, то, хотя вообще прихожане дали неодобрительный отзывъ объ учителѣ и подтвердили сообщенное священникомъ, но оказались и голоса, отстаивавшіе учителя.

Борьба между епархіальнымъ и окружнымъ начальствомъ перешла изъ Кіева въ сельское захолустье. Оба вѣдомства проявили въ этой борьбѣ достаточно энергіи, не всегда похвальной. Командированные „для разслѣдованія дѣла“ чиновники—во главѣ ихъ директоръ 2-й Кіевской гимназіи Вилуевъ и самъ попечитель Витте, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, старались заискать у скуратовской околичной шляхты (тогда еще не причисленной, какъ то скоро было сдѣлано, къ мѣщанамъ), стремились всячески склонить ее на свою сторону, пожимая этой шляхтѣ руки, величая ее г. г. дворянами. Епархіальное начальство, желавшее въ свою очередь показать, что „кіевское духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія возвысилось предъ цѣлымъ свѣтомъ“ (по словамъ митрополита Арсенія), проявляло большую нервность въ этомъ дѣлѣ, и въ концѣ концовъ, какъ всегда бываетъ, пострадалъ младшій, т. е. священникъ: ему было вмѣнено въ вину то, что у учителя нашлись сторонники среди его „конвивовъ“, обѣдавшіе его, и оно рѣшило, такъ сказать, выдать его головою: послѣ признанія его дѣятельности по веденію школы весьма полезной и послѣ свыше сорокалѣтней безпорочной службы, ему предложено было перемѣнить приходъ.—Въ концѣ концовъ, доказана была полная моральная непригодность учителя, и онъ былъ удаленъ своимъ начальствомъ; священникъ же остался на своемъ приходѣ, но вся эта борьба, всѣ эти непріятности такъ разстроили здоровье старика, что онъ послѣ этого сталъ болѣть и вскорѣ скончался.

Еще до его смерти былъ назначенъ другой учитель, болѣе удачный, и совмѣстными трудами этого послѣдняго и священника запущенная при прежнемъ учителѣ народная школа была

опять приведена въ хорошее состояніе, что и было засвидѣтельствовано ревизовавшимъ ее Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа Княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. Но это уже было время мирное, когда епархіальное начальство рѣшило прекратить безполезную борьбу изъ-за церковно-приходскихъ школъ. Будущее и ближайшее показало, что ему не подъ силу было вести своими только средствами народное образованіе. Вотъ весьма любопытныя слова, принадлежащія, по словамъ Н. Х. Весселя, бывшему Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу Д. А. Толстому, которыя являются какъ бы судебнымъ признаніемъ „въ дѣлѣ". „Знаете-ли", говорилъ графъ, „что сдѣлала со мною екатеринославская епархія, съ своими 400 церковно-приходскими школами? Я просилъ губернское земство оказать пособіе этимъ школамъ, и оно изъявило полную готовность; но по справкамъ, на мѣстѣ, у благочинныхъ, оказалось, что всѣ эти 400 школъ существовали только въ отчетахъ, на бумагѣ". (Русская Школа 1891 г. кн. 9).

Это не значило, конечно, что и всѣ церковно-приходскія школы существовали только „на бумагѣ": свою, и весьма существенную, пользу дѣлу народнаго образованія духовенство, въ особенности въ началѣ 60-хъ годовъ, принесло; это значило только, что взваливать всецѣло на его плечи обязанность, прямо на немъ не лежащую, было и несправедливо, и непрактично— замѣчаніе, относящееся не только къ тому времени.

Проф. А. Загоровскій.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.[1]

(*Окончаніе*).

XIV.

Якось выпало такъ, шо панычъ Ивась не бачывъ Орыси ажъ цилыхъ тры дни и черезъ те упавъ у таку тугу, шо не знавъ, куды ёму и дитысь и за шо ёму взятысь: спыта винъ шо-небудь батька, або матиръ, и самъ не зна, про шо винъ пыта и шо ёму кажуть на ёго пытання; визьмется за книжку—покыне ии, стане на мисци и замыслытся; выйде на вгородъ—и самъ дывуется, чого и за-для чого винъ опынывся тамъ; пиде до якого-небудь дида,—не чуе, шо ёму и говоре той дидъ. Тры дни пронудывсь отакъ панычъ, неначе той злодій, шо въ тюрязи сыдыть. Тилько тимъ винъ и втишавъ себе, шо ось, якъ скоро настане кинець тыждню, то тоди вже, де-бъ Витрякы не булы, чы въ поли, чы на лукахъ, а звернутся до-дому. Звернется тоди и Орыся, и якъ звернется, то вже заразъ прыбижыть у свій садокъ, шо стоить обичъ зъ садкомъ паныча. Панычъ давно вже покынувъ душни кимнаты свого дому и перебравсь у садокъ, де, зробывшы соби изъ свижои травы та зъ пахучыхъ квитокъ лижко, сыдивъ тамъ и въ день, спавъ и въ-ночи. Отъ и теперъ, якъ тилько ничъ обгорнула своею темною габою и вси горы, и все поле, и все село,

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 3.

панычъ давно вже сыдивъ у своёму садку и давно думавъ свои думы...

А ничъ, Боже велыкый, яка то була чудова ничъ! Не ничъ, а справжня Божа краса! Въ повитри стоявъ такый спокій, така тыша, неначе хто увесь мыръ божый чы замовывъ, чы зашептавъ, зачарувавъ... Тилько лыстячка струнки́хъ та высокыхъ тополь, та й то ажъ на самыхъ на верхивьяхъ тонкыхъ гилочо́къ, злегенька тремтилы та таемно шепотилы промижъ себе, боячысь зворушыты велыкый спокій. На безмирному неби давно вже высыпалы та розсвитылысь ясни зори и давно вже пиднявсь высоко-высоко вгору блидолыцый мисяць, шо кыдавъ одъ себе ясне про̀миння на зелени лыстя, на ро̀сяни травы, на пахучи квиты и залывавъ увесь садокъ чаривнымъ, мнягкымъ та таемнымъ сяйвомъ. А пышни квиты, шо рослы та кохалысь у садку, напоени ночною росою, выдыхалы изъ себе таки чудови та пьянки пахощы, шо, здавалось, неначе бъ то зъ небеснои высочины спустывсь якыйсь-то чаривныкъ и, ставшы промижъ небомъ та землею, вытрусывъ изъ своеи запашнои рызы на сонну землю сами чысти и сами найпахучи пахощи. Тутъ же изъ кущивъ рай-дерева, назустричъ блескучымъ зорямъ та блидолыцёму мисяцю, неслысь чудови писни соловейка, шо, забувшы увесь свитъ, забувшы самого себе, забувшы звычайни свои потребы, плынувъ въ чаривныхъ спивахъ своихъ и замовлявъ и заговорювавъ нымы и пахучи квиты, и зелени травы, и шепотливи лыстя на деревахъ... А дали, геть дали, за садкомъ, у густому та высокому жыти, тамъ хававкавъ та выбывавъ своимъ голосомъ невгаючный перепелъ, а ёму видда̀вало эхыха ёго нижне подружжя, маненька перепелочка... Тамъ же десь за садкомъ, у густыхъ вербахъ, понызче левады, свыстила ночна птыця—зѐлекъ, такъ видрывчасто, зъ перегодомъ, але жъ такъ голосно та такъ звонко та весело, неначе той срибряный та дзвинкый дзво̀нычокъ, шо дзеленчыть та розлывается скризь и по верхивьяхъ вербъ, и по шпылю горъ и по всій нызыни левады, и дали видда̀ется десь, ажъ-ажъ геть въ кинци села... А ще дали, ажъ пидъ самою горою, де вылыскувавсь на мисяци чыстый та довгый ставокъ, тамъ крукалы, кумкалы та брекекекалы жабы на всяки способы и на всяки лады: „кка! кка! кка! ккэ! ккэ! ккэ! ккэ! ккы! ккы! ккы! ккы!“... Не вважаючы на крыкы жабъ,

особше видъ ныхъ, балакала своимъ языкомъ пташка-сплюшка: „сплю! сплю! сплю! сплю! сплю! сплю“! А десь за сплюшкою гомонивъ пташокъ-пущыкъ: „поховать! поховать! поховать“!.. И все те жыло, и все те ворушылось, и все те, по своему, вело розмову та радило... Отъ тилько кого було мало й чуть, то це собакъ на сели... А про те тамъ десь, въ кинци села, гавкала одна собака, та тилько такъ нескоро зъ видночынкомъ: шо гавкне—та й перестане, шо гавкне—та й не догавка,—десь, мабудь, сердегу дримкы узялы; десь, мабудь, вона давно вже й заснула, и тилько самый языкъ ій робывъ те, за-для чого ёго прычеплено... Не чуть було ниде и людей: ничъ давно вже попоклала ихъ на лижко и давно вже обхопыла своимъ солодкымъ та мицнымъ сномъ... Не чуть никого, нихто й не шевкне...

Не спыть тилько одынъ панычъ, Ивась Краченко. Винъ сыдыть на нызенькій скамныци, шо самъ соби зробывъ, пидъ кучерявою вышенькою, и весь потопа въ своихъ думкахъ та гадкахъ. А думкы ёго не далеко литалы: не дали, якъ въ садку Витряка и коло... Шо це таке? Ось ёму здалось, неначе шось хруснуло у тому садку... Панычъ здригнувсь и ставъ прыслухатысь... Ось воно хруснуло и въ другый разъ. Панычъ зскочывъ зъ скамныци и пидійшовъ до тыну, шо роздилявъ садокъ Крачка одъ садка Витряка. Перехылывшысь черезъ тынъ, панычъ уздривъ у Витряковому садку Орысю, шо стояла коло дерева, неначе вся залыта ясныимъ проминнямъ и неначе до чогось прыслухалась.

— Орысю, це ты? стыха спытавъ панычъ.

— Я, панычу! ще тыхше видказала Орыся.

Не вспила Орыся вымовыть ци слова, якъ панычъ вмыть проскочывъ черезъ суточкы, шо булы мижъ обохъ садкивъ, и вмыть опынывсь коло Орыси. Орыся уся ажъ здригнула, якъ побачыла коло себе паныча...

— Орысю, де це ты була, шо я тебе ажъ тры дни не бачывъ?

— На лукахъ громадыла сино зъ таткомъ.

— Орысю!

— Шо, панычу?

— Слухай, Орысю, я хочу тебе спытаты про шось.

— Пытайте, панычу, шо таке?

— Орысю, серденько, скажы мени правду, щыру правду...

— Та шо таке? Кажить бо швыдче, а то мени якось боязно робытся...

— Скажы мени, чы тоби хотилось ци три дни бачыты мене?

— Охъ, паныченьку, якъ не бачыла васъ, то...

— Орысю, зиронько моя, чы нудно, чы тяжко тоби було?

— Такъ тяжко було, шо я й не знала, чы жыва, чы я мертва хожу по земли...

— Радисть моя, втихо моя! скрыкнувъ панычъ и, кынувшысь до Орыси, крипко стыснувъ ій рукы, а самъ, якъ у пропасныци, такъ и затрусывсь, ажъ неначе духъ у нёго сперло у грудяхъ...

— Охт, паныченьку, голубчыку мій, шо це зъ вамы зробылось?

— И самъ не знаю шо, а тилько и палко и холодно мени; такъ не мовъ пропасныця, такъ изъ плечей и бере...

— Може жъ, вы хвори чымъ?

— Хворый, голубко моя! Серце у мене хворе!.. Орысю, чы любышъ ты мене? Скажы мени щыру справжню правду, якъ оце заразъ казала, буцимъ-то дуже нудылась, довго не бачучы мене...

— Я не знаю, паныченьку, якъ то такъ—чы люблять, чы не люблять, а тилько... а тилько якъ я не бачыла оце васъ ажъ тры дни, такъ у мене серце розрывалось на шматкы... Зъ роду, зъ рода́-вику ничого такого не було зо мною, а це... Чы не пороблено мени шо? Може, це якый грихъ?

— Грихъ? Чого грихъ? Нема, знать, за́-що! Грихъ образжаты кого, грихъ узяты чуже, грихъ насміятысь зъ кого, а любыты... любыты не грихъ; самъ Господь повеливъ любыть...

Голубко моя, ясочко, рыбко моя, виддай мени твое серденько, полюбы мене такъ, якъ я тебе полюбывъ!..

Не диждавшись видказу на свои благання, панычъ прудко ухопывъ Орысю за рукы, мицно прытысъ іи до свого серця и, неначе божевильный, почавъ цилуваты іи и въ губы, и въ очи, и въ щокы. А бидна Орыся одъ такого несподиваного нападу такъ злякалась, шо ажъ затрусылась уся...

— Ой, лышенько жъ мени! Шо жъ це воно таке? Та хиба жъ такъ можна? Та за це жъ велыкый грихъ!..

— Шо мени до того гриха? Я люблю тебе, я молюсь на тебе, я дыхаю тобою! Орысю, короливно моя, чуе серце мое, шо й ты щыро любышъ мене, а тилько боишся якогось-то тамъ гриха. Прыслухайсь до свого серденька, шо воно вищуе тоби, и скажы мени, ось тутъ, у цёму зеленому садку, пидъ цымъ небомъ, пры цёму мисяцю и пры цыхъ зоряхъ... скажы, чы бьется воно до мене такою жъ невгасымою любовію, якъ бьется мое до тебе?

— Панычеиьку, голубчыку, риднесенькый, я рада за васъ душу свою виддаты, я рада за васъ зъ усихъ жылъ моихъ кровъ выточыты, а тилько чы це любовъ, чы це шо друге, я цёго й сама не знаю... Я чую тилько, шо безъ васъ мени смерть...

— Орысю, любко моя! На шо тоби та смерть? Я хочу, шобъ ты викъ жыла, викъ любыла мене, безъ краю и безъ кинця, такъ, якъ я тебе люблю...

И зновъ панычъ прытягъ до себе Орысю. Взявшы іи за тонкый станъ, винъ почавъ іи и голубыты, и цилуваты, и мылуваты, и до серденька прыгортаты. Теперъ Орыся не суперечыла панычу: поборовшы у себе першый страхъ, вона обхопыла паныча своимы рученятамы за шыю, прыпала до ёго лыця своимъ палкымъ лыцемъ та такычкы и впьялась ёму въ ёго глыбоки та таемни очи. Шепоче ёму на вухо, шо це грихъ, шо це соромъ, а сама цилуе ёго и въ вухо и въ щокы та ще дужче горнется до нёго... Каже, шо ій треба бигты та тикаты геть одъ такого гриха, а сама ніякъ не може одирватысь одъ

панича та ще мицнійшъ обійма ёго за шыю своимы рученятамы... Хоче вона заплющытысь, шобъ не дывытысь на панича, такъ сами жъ оченята ій зазырають у чаривни очи ёго. И чуе Орыся, якъ все тило ій займается жаромъ, а серце наповняется якоюсь отрутою, такою палкою-палкою та пекучою-пекучою, але жъ и такою солодкою-солодкою, шо солодче ій десь и въ свити нема, та й не було.

А панычъ ще дужче обхопывъ Орысю, и ще палкійшъ прыпавъ до неи... А мисяць высокый, а зори далеки, почувшы любовну розмову, ще дужче замыготилы своимъ чаривнымъ сяйвомъ и ще яснійше заблыскотилы своимъ блескучымъ промынямъ; а квиты пахучи, а травы цилющи ще бильше роспустылы свои солодки та пьянки пахощи и ще ряснійше розлылысь по захыстному садку...

Уже геть-геть далеко за пивничъ панычъ покынувъ садокъ Витряка и потыхеньку пролизъ черезъ суточкы у свій садокъ.

На другый день панычъ Ивась Краченко ходывъ по своёму садку такый веселенькый та щаслывый, неначе винъ писля тяжкои хворобы зновъ народывся на божый свитъ. И допрежъ того бувъ панычеви любый ёго садокъ, а теперъ ще любійше ставъ винъ ёму: кожный лысточокъ, кожна квиточка, кожна травычка осмихалысь ёму и виталы ёго найщырымъ витаннямъ... Однымъ тилько й журывся панычъ,—це тымъ, шо винъ упьять мигъ побачыты Орысю не ранійше, якъ тилько черезъ тыждень, бо у недилю, у-вечори, вона зновъ зъ батькомъ мала йихаты на лукы. Ну, та тыждень—не цилый же рикъ: чы такъ, чы инакъ, а можна жъ перетерпиты черезъ той тыждень, а тамъ зновъ настане субота, а въ суботу, у-вечори, зновъ зъявытся до-дому Орыся, а тутъ черезъ суточкы недалечко и въ садокъ...

Одначе, той тыждень здався панычеви не за тыждень, а справди таки за цилый рикъ. Писля того, якъ пойихала Орыся зъ дому у поле, така взяла ёго нудота, шо винъ чысто таки не знавъ, за шо ёму и взяться и шо ёму зробыть, шобъ тилько себе розважыты. Стара пани Крачыха, дывлячысь на свого любого сыночка, якъ винъ то ухопе себе за голову, то прыложе до серця руку, то зитхне тяжко та нибы ажъ застогне, не

разъ пытала ёго, чы не болыть у него шо-небудь, чы не скучае винъ за городомъ, чы не бажае чого взисты, чы не ремствуе на кого за яку образу,—такъ ни: Ивась заразъ же заспокое свою матусю и завирыть ій, шо ёму краще всихъ на свити жыты и шо винъ щаслывійшый надъ усихъ князивъ и короливъ. И стара Крачыха видступытся видъ свого сыночка и тутъ же сама соби подума: „молоде ще, зелене, черезъ те й скуча; треба бъ ёго одружыты зъ якою-небудь паняночкою,— або зъ Дорею Овчаривною, або зъ Лесею Селезнивною, то тоди винъ и веселенькый стане".

А панычеви и гадкы нема про якихъ-сь тамъ паняночокъ: ёму якъ бы скорійшъ настала субота, а въ суботу звернулась до-дому Орыся... И бажання паныча збувается: настала субота, и Орыся справди звернулась до-дому, а якъ тилько ничъ накрыла усе село своимъ темнымъ крыломъ, то Орыся сама вже пролизла черезъ суточкы и швыденько опынылась въ садку паныча.

— Голубко жъ моя, ясочко, зирёнько моя ясная, та чы це жъ ты, чы це тилько тинь твоя?

— Я, панычыку мій любый, я!

— Охъ, якъ же жъ и гирко мени було цей тыждень безъ тебе! Такъ гирко, такъ нудно, шо якъ бы ты сёгодня не звернулась до-дому, то я и не знаю, шо заподіявъ 'бы соби! Иды до ме ге, моя куриночко! Дай я озьму тебе на рукы, дай я понесу тебе скризь по всёму свиту! Я не дамъ тебе ни царевычу, ни королевычу! Я буду тебе любыты, буду тебе кохаты, буду безперечь дывытысь у ясни очи твои, буду молытысь на тебе, якъ на саму найсвятійшу святыню. Я бачу, я чую, шо моя душа зрослась зъ твоею душею, шо мое серце, злучылось зъ твоимъ серцемъ... Орысю, чы любышъ ты мене?

— Люблю!.. теперъ знаю, шо люблю!.. Люблю бильшъ усихъ на свити! Люблю такъ, шо и тило и душу и всю жысть мою рада виддаты вамъ, якъ вы захочете того.

— Орысю! Люба моя, мыла моя! Обнимы жъ мене своимы рученятамы, подывысь же мени въ очи, прямо въ мои очи, и

скажы мени.. скажы, голубонько, чы хочешъ ты буты моею дружыною?

— Охъ, паныченьку, соколыку, лебедыку мій! Охъ, краще не пытайте мене про це!

— Кажы, кажы, голубко моя! Якъ передъ самымъ Господомъ кажы!

— Паныченьку, люблю васъ, люблю бильшъ усього на свити, а тилько якъ же жъ мени буты вамъ дружыною? Хиба воно вамъ до речи одружытысь зъ простою дивчыною селянкою?

— Шо мени та простота? Любовъ, щыра, некорыстлыва, чыста, свята любовъ усихъ ривня: вона ривня багатого зъ убогымъ, пана зъ мужыкомъ, городянына зъ селянынымъ. Кажы мени, кажы, чы хочешъ буты моею дружыною? Я все и всихъ за-для тебе занехаю...

— Паныченьку, любый мій, коханый, я буду вично, до самои домовыны любыты васъ, я ни на одну хвылынку не перестану думаты про васъ, а тилько... чы можна жъ тому статысь, шобъ вы булы моимъ чоловикомъ, а я була вашою жинкою? Якъ вы мене повезете у городъ? Якъ вы мене покажете панамъ? Шо я буду имъ казаты? Якъ я тамъ сяду? Якъ я тамъ гляну? Якъ я тамъ пройдусь и якъ я тамъ пройидусь?

— Орысю, колы ты мене справди любышъ, то ты выкынешъ це все изъ твоеи головы, а теперъ, шобъ ты бильшъ не вражала мене, такъ ось тоби за це, ось тоби!

И панычъ, обхопывшы Орысю, почавъ іи зъ велыкою жагою цилуваты и въ губы и въ щокы, абы бъ тилько вона замовкла.

— Панычу, паныченьку, постривайте, постривайте бо! Ось мени чуется, неначе шось ходе по той бикъ тыну, по нашому садку.

— Та шо тамъ ходе по вашому садку? Хто теперъ, у таку пизню добу, ходытыме по садку? Не пустю я тебе! Ось тоби, ось тоби! Задушу тебе поцилункамы, ажъ покы ты не скажешъ, шо будешъ моею дружыною...

Панычъ скочывъ на ногы и обхопывъ за станъ Орысю та тутъ же и замеръ на мисти; по той бикъ Крачкового садка стоявъ билый, якъ стина, старый Максымъ Витрякъ и дывывся якось жалисно на свою дочку Орысю и на паныча Ивася... Въ садку уже давно перестали спивать вси пташкы, перестали стрекотить и вси комахы. Тыша стояла невымовна. Тилько биле-биле, якъ снигъ, пробминня одъ повного мисяця перелывалось скризь по всёму садку, по всихъ лыстяхъ, по всихъ гилкахъ и по всихъ квиткахъ, и тутъ же падало на блиде и застыгле, якъ той марморъ, лыце Максыма Витряка. А винъ стоить спокійно и нерухомо, неначе скамьянилый... Простоявшы такъ зъ хвылыну, чы зъ дви, Максымъ Витрякъ одступывъ одъ тыну, шо роздилявъ два садкы, и потимъ мовчкы, не промовывшы ни жодного слывця, повернувсь й выйшовъ геть изъ свого садка тыхою и нескорою ходою...

XV.

Чы казаты про те, якъ панычъ провивъ ничъ писля того, якъ розставсь зъ Орысею? Не ничъ то була для нёго, а справжня мука. Усю ниченьку просыдивъ винъ пидъ вышнею, на скамныци, и хочъ бы на хвылыночку звивъ однымъ окомъ. Якъ тилько стало благословлятысь на свитъ, панычъ уже й скочывъ на ногы. Першою ёго думкою було, шо и якъ зъ Орысею. Заглянувъ винъ у садокъ Витряка—тамъ ни души; подывывсь черезъ плитъ у двиръ—и тамъ те жъ саме; глянувъ на тикъ—тамъ ни возивъ, ни коней, ни клепалъ, на чимъ видбываютъ косы передъ тымъ, якъ косыты хлибъ: выдымо було, шо вси Витрякы ще зъ досвитка выйихалы зъ дому у поле. Тяжко-претяжко стало на души у паныча; коло серця неначе чорна гадюка обвылась товстою обручкою. Панычъ покынувъ свій садокъ и подавсь геть ажъ у Корніёвскый лисъ до дида Якова Метеля, шо мавъ тамъ свою невелычку пасику. То був не тилько розумный, а премудрый дидъ, и панычъ довго беседувавъ зъ нымъ

про всяку всячыну: и про небо, и про землю, и про ризни царствà та князивствà. Вже якъ сонечко повернуло зъ обидъ на пивдень, панычъ попрощавсь зъ дидомъ Метелемъ и вернувсь до-дому. А дома давно вже ждалы ёго батько та маты, та ще й ридна титка по матери, Катерына Мыхайловна Сынычка, шо прыйихала здалека до своеи сестры Ганнуси зъ тымъ, шобъ погостюваты у неи та побачыты свого небожа, Ивася Краченка

Весело и радисно витала Катерына Мыхайловна Сынычка свого небожа, дуже дывувалась тому, якый зъ нёго выйшовъ бравый та красовытый студентъ, и тутъ же, недовго думаючы, почала выхваляты ёму одну панночку, якусь-то тамъ Марусю Лиснякивну, шо була и красыва, и вчена, и багата и чесного дворянського роду.

Панычъ зразу зрозумивъ, куды закыдала ключечку ёго титка, але мовчавъ, неначе не тямлючы того.

— Ну, такъ якъ же жъ, Ивась? Теперъ такъ, шо пора уже тоби и свататься! Ось черезъ рикъ скинчышъ курсъ своеи наукы, то треба тоби и кубельце свое заводыты,—адже-жъ пора?

— Такъ рикъ же, титусю, це не день?

— Та й не десять рокивъ!.. А панночка Маруся Лиснякивна, кажу тоби, прямо такы короливна! Я якъ побачыла ii на ярмарку у Старому-Салтови та якъ сказала, шо у мене есть небижъ студентъ, бравый та красовытый, то вона такъ уся и зашарылась. А якъ мы уже выйиздылы зъ ярмарку, то вона, прощаючысь зо мною, килька разъ усе обнимала та цилувала мене!.. А якъ одъихала уже геть далеченько, то обернулась до мене та ще й крыкнула, шобъ прыйиздыла до неи у гости... Ну, такъ якъ же, Ивасю, чы пойидемъ?

— Та чого жъ мы, титусю, пойидемъ?

— Якъ чого? Ты парубокъ, а вона дивчына,—отъ и пойидемъ, подывымось...

— Ни, титусю, мени теперъ дуже заниколылось: треба онъ килька книжокъ перечытаты та треба ще...

— Э, шо тамъ ти книжкы! Книжка не ведмидь, у лисъ не втече, а дивчына може и втекты. Тамъ же жъ и краля! И молоденька, и вчена,—тилько шо скинчыла науку, и прывитна, и ввичлыва, а сама така чепурненька та бравенька, якъ квиточка.

— Може воно, титусю, и такъ, а тилько якъ же жъ мени йихаты до неи, колы ни я іи не знаю, ни вона мене не зна.

— Отъ про шо журба! Та я васъ такъ зведу, шо вы й не счуетесь.

— Та, може жъ, вона мене не вподоба, або я іи!.. Я, титусю, оженюсь тилько на тій, яку полюблю. Мени, будь вона хочъ мужычка, хочъ селянка, абы тилько я іи полюбывъ, а вона мене.

— Э, це ты, любый мій небоже, выкынь геть изъ головы! На що жъ тоби було и вчыться, якъ на селянци женытысь? Нехай на ій женытся простый парубокъ, а тоби треба шукаты инчого сорту дружыну. Та ще й те: яке тоби та селянка прыдане прыдба?

— А на шо мени те прыдане?

— Якъ на шо? Чымъ же ты жытымешъ? Яки достатки у твого батька та у матери? Воны увесь викъ свій бидують та калатаются, та й ты жъ того бажаешъ? Краще тоби одружытысь зъ панночкою та взяты за нею земельку та самому зробытысь велыкымъ паномъ, шобъ не гнуты спыны передъ другымы... А за тебе любá панночка пиде,—ты подывысь на себе, якый изъ тебе красень!..

— Ни, титусю, ваша ричъ мени не до мысли. Я краще одружусь на бидній та на простій дивчыни, нижъ на багатій та вельможній панночци, абы тилько мижъ намы була щыра любовъ.

— Дурнѐ, не зна ще, почому Савка й дёготь продае, а Хведиръ зъ паровыци силь, а про щыру любовъ балака!.. Каятымешся, голубчыку мій, навпосля, та буде пизно! Буде у тебе каяття, та не буде вороття!.. Чую я, шо ты зачепышся десь на

гыляци... Дизнаешъ тоди, по чимъ кившъ лыха... Зачувверіешъ такѣ въ убожестви, шо ти любощи гирше гиркои редькы тоби стануть.

— Шо буде, титусю, те й буде, а я до вашои панночкы Лиснякивны не пойиду.

— Пропащый хлопець! Згадаешъ ты мене колысь, та не разъ и не два... Ты хочъ подывысь на свого бидолашного батька, шо и день и ничъ працюе, изигнувшысь у тры погыбели, та на свою стару матиръ, шо вже й чысныци на полотни не баче черезъ слёзы та горе...

— Шо жъ, титусю? якъ Богъ дасть, я скинчу курсу та поступлю на службу, то я жъ не забуду ни батька, ни матери, и буду ихъ шануваты, якъ тилько зможу и якъ зумію.

— Ну, щасты тоби Боже на все добре! А я зъ тымъ и прыйихала оце до васъ, шобъ стать тоби у прыгоди та зробыть тебе щаслывымъ.

— Спасыби вамъ за це, ридна титусю, а тилько ваши речи мени не до мысли.

— Молодый ще, зеленый! Уматеріешъ, то инчу писню заспиваешъ, а теперъ у тебе ще фантазія гра...

Прогостювавшы ще днивъ зо два чы зо тры, титка зъ тымъ и одйихала.

Дуже вразыла стару Крачыху розмова іи сына зъ Катерыною Мыхайловною Сынычкою. И вона тежъ, прожывшы викъ въ убожестви и дизнавшы, шо таке есть биднисть, хотила бачыты свого сыночка и багатымъ и щаслывымъ, колы ось почула одъ нёго таке, якого и не сподивалась почуть. „Хто жъ це воно та селянка, шо прыпала ёму такъ до серця?.. Чы не Орыся Витрякивна?.. А хто жъ больше, якъ не вона? дивка брава, хочъ куды! Та тилько хиба жъ вона до пары Ивасеви? Це все однаково, шо запрягты у одни голобли коня та рака... Та хиба жъ такы на це згодыться и старый Витрякъ? Винъ же чоловикъ розсудлывый и повыненъ взять у тямкы, шо такый шлюбъ большъ ничого, якъ нещастя обомъ“...

Довго думала стара Крачыха писля одйизду своеи сестры и надумала погомониты зъ старымъ Витрякомъ на самоти. Про шо и якъ Крачыха балакала зъ Витрякомъ, то зосталось у неи въ глыбочыни души и про те вона не сказала ни словечка Ивасеви.

А Ивась, видцуравшысь видъ панночкы Лиснякивны, ще бильшъ ставъ думаты про Орысю Витрякивну. Жде—не дождется винъ, колы настане субота, шобъ зновъ побачытысь зъ Орысею... Ось настала и субота. Ось уже и ничъ простяглась надъ усимъ селомъ. Панычъ давно уже сыдыть у своёму садку и давно прыслухается, чы не хрусне де сучечокъ по той бикъ тыну, у садку Витряка. Одначе, скилько винъ не сыдивъ, а ничого не почувъ. Ничъ була темна-претемна, и по садкахъ скризь гулявъ вохкый витеръ, такый, шо наганяе дощъ. Уже й пивничъ пройшла, уже й розвыдняться почало, а панычъ усе сыдыть пидъ кучерявою вышенькою та все нетерпляче жде Орысю, а Орыси якъ не чуть, та й не чуть... Такъ и не лягавъ спаты панычъ усю ничъ. А якъ бовкнулы на дзвиныци до церквы, то панычъ ничого не здужавъ выгадаты, якъ тилько зибравсь та пишовъ до церквы побачыты Орысю. Одначе и въ церкви винъ не побачывъ Орыси. И уже идучы до-дому, писля службы, нагнавъ панычъ Павлуся Витряченка и тутъ одъ нёго дознавъ, шо Орыся буцимъ-то ще въ суботу пойихала у Лыпци до своеи слабои титкы, шо слабувала прыпадно́ю болистю, и повынна зостатысь тамъ до́тиль, покиль титка ii хочъ трохы выдужае одъ своеи хворобы... Краще було бъ панычеви, якъ бы ёго хто шеменувъ пожемъ у серце, ниж сказавъ ёму таку новыну...

Пройшовъ ще тыждень, а Орыси усе такы нема та й нема. Скоро дизнавъ панычъ одъ того жъ такы Павлуся, шо Орыся нибы-бъ то изъ Лыпцивъ повезла свою хвору титку ажъ у Кыивъ до печерь, а звидтиля пойиде зъ нею ажъ у Почаивъ. Страшно защымило у серци паныча, якъ винъ почувъ таки слова про Орысю одъ Павлуся!.. Чы такъ воно було, чы не такъ, а тилько бачыть винъ, шо ёму не диждатысь на цей разъ

Орыси. До того ще прыйшовъ и кинець ёго вакаціямъ. „Чого жъ мени сумуваты? Чого мени вдаватысь у тугу? Пиду до старого Витряка та скажу ёму те, шо маю на мысли. Хиба це стыдъ? Хиба це соромъ? Якъ не згожуется Орыся, то повыненъ згодытысь самъ Витрякъ. Чому вона мени не ривня? Хиба я не такый чоловикъ, якъ и воны? Богъ усихъ людей изъ одного сотворывъ, а це вже сами люде такъ поробылы, шо одни посталы паны, а други мужыкы“...

И якъ надумавъ панычъ, такъ и зробывъ; але зъ ёго думкы ничого не выйшло: одно те, шо винъ дуже довго не мигъ побачыты Максыма Витряка черезъ те, шо Витрякъ бильшъ знаходывсь у поли, нижъ дома; а друге те, шо Витрякъ бувъ такои жъ думкы про шлюбъ селянкы зъ панычемъ, якъ и ёго дочка.

„Иване Рыгоровычу, люблю я васъ, якъ ридного сына; люблю и поважаю, черезъ що не хочу бачыты васъ нещаслывымъ чоловикомъ; ваше панське жыття и наше, мужыче, иде ризнымы шляхамы; вамъ треба дружыну панського колина, а моій дочци—простого. Рубай дерево по соби—каже мудра людська прыговирка. Теперъ вы ще молода людына, теперъ у васъ ще кровъ дуже гра; теперъ вамъ усе здается не такъ, якъ воно буде здаватысь тоди, колы вы уматеріете та наберетесь свитового розуму. Иване Рыгоровычу, поважаю васъ, якъ чесну и святу людыну, а тилько скажу вамъ, шо якъ вы одружытесь зъ простою селянкою, то запобижыте соби велыкого горя; вамъ треба шукаты такои дружыны, шобъ вона була вамъ пидъ мысли та ще й до того могла запомогты вамъ своею порадою у вашій праци, яко вченого чоловика. А якъ же васъ зрозуміе и якъ вамъ запоможе проста та невчена дивчына? Ій треба дуже багато и розуму, и освиты, и хысту, шобъ поривнятысь зъ вамы! Иване Рыгоровычу, я уже старый чоловикъ, и кажу вамъ, якъ знавця чоловичого жыття, шо дуже мало бувае щастя тамъ, де сходятся люде не одного стану, не одныхъ мыслей и не одныхъ думокъ Вамъ треба, кажу, дружыну инчого стану, нижъ моя дочка. Рубай дерево по соби—ще

разъ нагадаю вамъ, шо въ цихъ словахъ велыка свитова правда"...

Отакъ одповивъ старый Витрякъ Ивасеви Краченку. И якъ Ивась Краченко не упевнявъ Витряка, шо винъ навчыть Орысю пысьменства и поривня ій до себе, и не дасть ій никому на посмихъ, Витрякъ не тилько не здавсь на таки речи панычя, а ще нагадавъ ёму про те, шо винъ повыненъ йихаты у городъ кинчаты свое учення. „У васъ йе, Иване Рыгоровычу, велыкый таланъ до наукы. Грихъ вамъ буде велыкый, якъ шо вы покынете науку; святе пысьмо каже: не загортай у землю свого талану, и якъ тоби дано одынъ таланъ, то ты зробы зъ нёго два; а якъ тоби дано два, то ты зробы зъ нёго тры".—„Знаю, Максыме Мыкытовычу; знаю добре, шо мени треба йихаты до наукы; знаю, шо щастя и мое и моёго батька та матери въ моій науци, але жъ щастя мое и коло вашои дочкы. Максыме Мыкытовычу! молю васъ и благаю, не сылуйте ій и не виддавайте замижъ, покы я не звернусь писля мого вчення. Може, у васъ тоди и инчій поглядъ буде и бильшъ жалю знайдется въ серци, ниижъ теперъ"...

Глядючы на те, зъ якымъ паломъ говорывъ панычъ, якъ винъ страждавъ одъ свого горя, якъ прылыпавъ у нёго языкъ одъ мукъ до органи, якъ душылы ёго слезы, старый Витрякъ самъ ледве не зарыдавъ одъ слизъ и на розставанни, немовъ подаючы надію, сказавъ панычеви: „молиться Богу, то все гараздъ буде"...

Зъ тымъ и розлучылысь панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко та Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ...

Пидъ той день, якъ выйизжаты изъ Суныцивкы, панычъ усю ниченьку ни на одну часынку не задремнувъ и все ходывъ по садку та думавъ свои тяжки думы та дывывсь на ти мисця, де або сыдила, або стояла Орыся, та плакавъ, такъ плакавъ та рыдавъ, що ажъ неначе винъ розрывався на дрибни дрибкы... Чуть свитокъ, якъ панычъ уже й выйихавъ изъ свого села. За всю дорогу винъ не промовывъ ни жодного словечка своёму возчыку, и якъ сивъ у визокъ, то такъ и застыгъ, такъ и сы-

дивъ, неначе скамьянилый, ажъ покы не прыйихавъ до мисця... Черезъ два чы черезъ тры дни винъ бувъ уже у свого дядька, а тамъ черезъ тыждень повыненъ бувъ братысь и за науку.

XVI.

Важкый, дуже важкый бувъ для паныча останній рикъ учення, але все жъ такы винъ скинчывъ курса та ще й скинчывъ такъ, шо ёго обралы, якъ саму талановыту людыну, задля найвыщои наукы, и послалы далеко-далеко, ажъ кудысь за кордонъ, чы загряныцю, досягаты тамъ закордонного розуму та чужеземнои освиты. Дуже не хотилось панычеви йихаты у ту далеку та чужу чужыну, але и дядько ёго, и вси поважни учытели умовылы ёго йихаты за кордонъ и побуты тамъ не билышъ, якъ пивроку. Хотивъ винъ, передъ тымъ якъ йихаты за кордонъ, зйиздыты до батька та до матери, у Суныцивку, и написавъ имъ про те лыста. Такъ маты швыдко видписала ёму, шо благословля ёго у далеку дорогу, и за батька видказала, шо й винъ дуже просе сына, не гаючы часу, йихаты за кордонъ, а тоди вже вертатысь до-дому. Мижъ инчымъ маты закынула ключку, шо буцимъ то ii сусида, Маруся Витрячыха, зъ дочкою недавно выйихала изъ села кудысь у далеку дорогу на прощу...

Довго мучывсь панычъ, довго нудывся винъ, а якъ не мавъ ничого робыты, то й пойихавъ за кордонъ. Пойихавъ зъ тiею думкою, шобъ пробуты тамъ багато—пивроку, а тамъ и до-дому, у свою Суныцивку. Одначе, не такъ воно склалось, якъ жадалось: якъ побачывъ винъ тамъ новыхъ людей, нове кыпуче жыття, нову прыроду, новыхъ учытеливъ, то, замистъ пивроку, прожывъ за кордономъ цилый рикъ, а повернувшысь у свiй городъ, пробувъ ще й тамъ мало чы не пивроку черезъ рижни справы, шо здававъ винъ своимъ старшымъ. Уже сталы ёго имья друкуваты и въ часописяхъ, уже почалы про нёго пысаты „Нашъ молодой ученый Краченко“; уже сталы покла-

даты на нёго велыки надіи, якъ на нову учену славетнисть, а у нёго усе жъ таки одна думка: якъ бы скорійше вернутысь у свою Суныцивку та добратысь до свого любого садка... А тамъ... а тамъ, шо Богъ дасть, те й буде...

Ось панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, теперъ уже „ученый и славетный мужъ“, нарешти йиде до-дому по давно знаёмому шляху одъ Муравчыка на Метелыкъ. Тры рокы уже пройшло зъ того часу, якъ винъ покынувъ Суныцивку. Шо то теперъ тамъ за тры рокы сталось? Чы все гараздъ? Чы все добре?..

Бувъ на сходи вересень мисяць, якъ разъ передъ святомъ Ивана Богослова, колы сунычане справляють у себе храмъ и ярмаркують ажъ цилыхъ два дни. На те-то свято и поспишався панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, бо винъ дуже любывъ селянськи ярмаркы, куды зйизжалысь и сходылысь люде изъ усякыхъ селъ, у рижній одежи и зъ осибною вымовою. Зъ велыкою нетерплячкою сыдивъ панычъ у визку и все гукавъ на поштаря, шобъ дужче пидбадёрювавъ та поганявъ свои кони, хочъ ти кони и безъ того ледве не навзаводы неслысь по шырокому шляху, збываючи своимы ногамы пылюгу.

Даремно буде розсказуваты про те, якъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко прыйихавъ до-дому, якъ ёго стрилы батько та маты, якъ стари зрадилы, побачывшы свого сыночка, якъ сплакнулы одынъ передъ однымъ... Дуже хотилось Ивану Грыгоровычу заразъ же роспытаты своихъ старыхъ про Максыма Мыкытовыча Витряка та про Орысю Витрякивну, але чы винъ не насмилывсь спытаты, чы боявся, шобъ не почуты чого лыхого про Орысю, а тилько зъ тымъ и лигъ спаты, залышывшы свое пытання до другого дня.

На другый день панычъ пиднявсь зъ лижка дуже рано и заразъ же выскочывъ изъ господы на кганокъ. Ранокъ бувъ чудовый: сонечко тилько-тилько шо выткнулось изъ-за горкы и засяяло такъ весело и такъ пышно, мовъ тая молода та чаривна красуня, шо вбырается до винця. На двори було дуже морозно и черезъ те и увесь двиръ, и увесь садокъ, и увесь дахъ господы,

и вси покривли повитокъ булы вкрыти билою та блескучою наморозью; а повитря було таке чысте та прозирне, якъ тилько воно бува саме по осены, уже тоди, колы настають перши прыморозкы и колы ствердіе верхня шкаралупа земли. Середъ двору стояло чымало усякыхъ возивъ, де спочывалы, прыкрывшысь зверху свыткамы та кожухамы, возчыкы, шо прыйихалы за панамы у гости до старыхъ Крачкивъ. И вси ти возы, и вси ти возчыкы, и ихъ свыткы, и ихъ шапкы—усе те такожъ прысыпано було билою наморозью и блескотило пидъ веселымъ промынянъмъ ласкавого та веселого сонця.

Оглядывшы прыроду окомъ чутлывого худога, панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко вернувсь у кимнаты, прыбравсь, якъ треба було у таке свято, и потимъ зъ дому пишовъ прямо до церквы зъ тіею думкою, шобъ побачыты тамъ усихъ своихъ знаёмыхъ и мижъ нымы кого-небудь изъ Витрякивъ,—якъ не саму Орысю, то Павлуся. Простоявъ винъ усю вутреню, простоявъ и всю службу, а никого изъ Витрякивъ не запрымитывъ и зъ тымъ выйшовъ изъ церквы и пишовъ ходыты по ярмарку. Селянськый ярмарокъ повсигда бувъ любый серцю паныча, и винъ охочый и ладенъ бувъ ходыты по нёму хочъ увесь день, то прыслухаючысь до народнои мовы, то прыдывляючысь до облыччя людей и усякыхъ рѐчей, шо выставляются на ярмарку. Такъ и теперъ панычъ скилько годынъ блукавъ по ярмарку, завертаючы у кожень куточокъ та заулочокъ, до всёго доглядаючысь и до всёго прыслухаючысь. А народу-народу на тому ярмарку, такъ неначе муравы, шо ни пробигты, ни пройихаты ни жадною мирою неможна. И все то рушается, и все то сунется, неначе плавомъ плыве; тамъ сей, тамъ той, и все то крычыть, гомонить, божыться, клянется, запрысягается, торжыться та прыциняется... Тутъ же чымало и пидпылыхъ людцивъ, та другый спива, а де-яки обгорнулы старця зъ трындыбаломъ, та ото вже й вывертають закаблукы наперѐдъ нискивъ...

Уже туды геть-геть, якъ наставъ справжній ярмарковый розгардіашъ, панычъ, добре натоптавшысь по ярмарку, вый-

шовъ изъ нёго геть и потягъ до-дому. Сумувавъ и шкодувавъ винъ тяжко черезъ те, шо не вбачывъ никого изъ Витрякивъ. „Шо це воно за знакъ, шо ни въ церкви, ни на ярмарку невыдко никого изъ Витрякивъ? Воны жъ уси таки богомильни та богобоязки, а про те никого и въ церкви не було! Ну, нехай тамъ старый,—винъ теперъ, може, вже дуже слабый ставъ, а шо жъ молоди“?.. Такъ самъ себе пытавъ панычъ, идучы зъ ярмарку до-дому глухою стежкою одъ церквы черезъ выгинъ. Винъ знарошне пишовъ черезъ выгинъ, шобъ пройтысь повзъ Витрякового садка. Ось помынувъ винъ панськи бурты; ось помынувъ паламаривъ, потимъ попивъ городъ и тилько шо выткнувсь изъ-за Полущыного току, колы ось назустричъ ёму нихто, якъ сама Орыся Витрякивна. Панычъ якъ уздривъ Орысю, такъ и охолонувъ, такъ увесь и заколотывсь...

— Орысю! Орысю! Та це ты?

А Орыся ненàче й не бачe, неначе й не чуе того, шо назустричъ ій иде ін любый та коханый панычъ та ще про щось тамъ и пыта.

— Орысю! Орысю! Постій! Пидожды! Ты, мабуть, не пизнала мене? Я жъ Ивась Краченко! Я жъ твій... Орысю!!.

А Орыся усе жъ таки йде своею стежкою и не зупыняется передъ панычемъ, а тилько шось тамъ мурмотыть сама соби та все чогось осмихается та розводе рукамы.

— Орысю! голубко моя! Шо жъ це зъ тобою сталось? крыкнувъ несвоимъ голосомъ панычъ та й кынувсь раптомъ до своеи коханкы, якъ кыдается часомъ птыця до своихъ пташенятъ, колы баче ихъ у велыкій небезпечности...

Тутъ тилько Орыся зупынылась на хвылынку и неначе-бъ то стала прыслухатысь до голосу паныча. Панычъ глянувъ ій у сами очи—и вментъ, зъ велыкымъ жахомъ геть одхыльнувсь одъ неи: передъ нымъ стояла божевильна людына зъ каламутнымы, померклымы и безцвитнымы очыма и зъ страшнымъ поглядомъ... Тутъ панычъ не стерпивъ... не стерпивъ и зарыдавъ... Зарыдавъ такымы гарячымы, такымы гиркымы слизьмы, якымы винъ зродá-вику и не плакавъ и не рыдавъ... А Орыси

и байдужисенько до паныча: стоить вона соби та тилько одмахуется одъ когось рукамы та то осмихнется та прыщулыться, то пидійме голосъ та гризно на когось посварыться.

— Орысю! Орысю! Глянь же ты на мене, прыдывысь! Я жъ твій панычъ! Я жъ твій Ивась!

— Геть, одійды одъ мене, сатано!.. Охъ, горе, горечко мени! Одлетила одъ мене душа моя! Де моя душенька гуля? Га? А, онъ-де вона, ондечкы вона лита! Пустить іи до мене! Я іи нагодую, я іи своимъ ротомъ накормлю! Пустить мене, не спыняйте! Я пиду до панъ-отця,—нехай винъ мене посповида! Нехай винъ упусте мою душу у гришне тило мое! Геть одійды одъ мене, супостатъ!..

Кынувшы гризный поглядъ на паныча, Орыся раптомъ зирвалась зъ мисця и прудко пишла дали, на ярмарокъ.

Прыгниченый такымъ страшнымъ и несказаннымъ горемъ, панычъ ледве-ледве поволикъ ногы до-дому. Якъ винъ доплывсь до-дому, шо винъ казавъ и шо винъ робывъ дома, того винъ и самъ не тямывъ. Стара Крачыха ажъ уся затремтила, якъ побачыла, якый блидый та страшный вернувсь до-дому іи Ивась. Ій невдогадъ було, шо трапылось зъ іи сыномъ. Вона соби думала, шо винъ стилько верстовъ пройихавъ изъ города додому, потимъ простóявъ усю службу въ церкви, а до того ще такъ довго вештався по ярмарку, и черезъ те такъ заслабъ. Вона заразъ же одвела ёго въ дальню кимнатку и, перехрестывшы трычи, велила гарненко видпочыть и ничымъ себе не трёмать. „Я казала тоби, сынашу, ось не йды ты зразу на той ярмарокъ, такъ не послухавъ; не набрыдло тоби дывытысь на нёго змальству“?

Уже на другый день ранкомъ выйшовъ панычъ изъ своеи кимнаткы до батька та до матери, и якъ выйшовъ, то неначе винъ тилько шо вернувсь изъ самои лютои баталіи: такый винъ бувъ зъ выду замученый. Про свою стричу зъ Орысею Витрякивною винъ ни словечка не сказавъ ни батькови, ни матери, хоть и дуже ёго мучыло роспытаты, черезъ шо и якъ спиткало Орысю таке страшне лыхо. Уже навпосли панычъ то видъ су-

сидъ, то видъ своеи наймычкы, Вивди Сокырчыхы, шо дивувала колысь умисти зъ Орысею, дизнавсь про все жыття та про ту лыху годыну, яка спиткала безталанну Орысю. На сели люде балакалы багато, а доводу, окримъ Вивди Сокырчыхы, нихто панычеви не давъ.

Черезъ рикъ писля того, якъ панычъ покынувъ Суныцивку, по-осени, Орыся Витрякивна выйшла замижъ изъ села Суныцивкы у хутиръ Коноваливку, шо за тры верствы одъ Суныцивкы. Якъ гралы весилля, то вона такъ плакала, такъ гирко та тяжко рыдала, шо чысто було на вдывовыжу всимъ людямъ. Ажъ трычи вона зрывала зъ себе очипокъ, шо надиваютъ молодій на голову замисть винка, и трычи кыдала ёго геть видъ себе. И батько іи, старый Максымъ Витрякъ, такый уже бувъ смутный та невеселый, шо ледве не зомливъ, якъ ставъ благословляты свою дочку до шлюбу... Чоловика Богъ давъ Орыси гарного, Стецька Журбу, тилько одно, шо винъ дуже смырный та плохый бувъ,—такъ неначе мала дытына: и облычча у нёго дытяче, и голосъ якыйсь-то тонкый та слабый. Казалы, шо то черезъ те, шо винъ ще молодый та нежонатый бувъ, а якъ оженыться, то сыльнійшый и бравійшый зробыться. Одначе, и писля ожениння винъ такый же зоставсь, якъ и ранійшъ бувъ... И не злюбыла жъ ёго черезъ те Орыся! Такъ не злюбыла, шо почала що-дня ходыть изъ Коноваливкы въ Суныцивку, до батька та до матери. И якъ прыйде було до-дому, та якъ увійде у свій садокъ та якъ почне плакаты та рыдаты! Та такъ плаче, шо й чужому чоловикови, та й то жалко було на неи дывыться. Жыве було у батька день, жыве два, тры дни и цилый тыждень жыве, а чоловикови іи до того и гадкы нема. И що дали—то гирше. Нарешти Орыси такъ остогыдивъ іи чоловикъ, шо вона надумала и овси покынуты ёго. Якъ батько та маты ни упевнялы іи, шобъ не ходыла изъ Коноваливкы у Суныцивку, а жыла бъ зъ чоловикомъ дома, прынатурылась до нёго та кукобыла-бъ ёму у ёго хазяйстви, такъ де тамъ! Терпила-терпила сердешна, а дали зибралась та й подалась геть

ажъ у городъ зъ тіею думкою, шобъ забуты тамъ свое люте горе...

Довго Орыся блукала по городу, довго шукала тамъ забуття; ставала вона тамъ и до купцивъ, и до панивъ то за горнышну, то за куховарку; одначе худко кыдала ихъ и зновъ шла та тынялась по городу; тутъ вона дизнала, шо таке есть и холодъ, и голодъ; тутъ вона не разъ латана, чы быта була, тутъ вона бачыла килька панычивъ, и бравыхъ и красовытыхъ, та вси воны не те, не те, шо любый та гарный іи Ивась... „Пропаду отутечкы, середъ базару, а въ село не пиду!.. Краще жъ я овси свою душу у мелясивци утоплю, нижъ отакъ страждать та мучытысь мени на божому свити"!.. И почала Орыся топыты свою душу у мелясивци, се-бъ то хапаты гарячого до слизъ та залываты имъ свое люте горе...

Безперестанне шукання, безперестанна остуда, гирке піяныцтво, незвычайне жыття зробылы те, шо Орыся не знесла и на-прыкончыни стратыла свій розумъ.

Спочатку личылы Орысю десь у шпыталю, а потимъ якъ дизналы, шо вона запевне збожеволила и шо ій уже не малось буты повороту, перевезлы іи до „сумашедшого дому". Тутъ продержалы іи килька мисяцивъ и, впевнывшысь, шо вона изъ смырныхъ, выпустылы на волю и одправылы у волость.

Уси тоди, уси и видцуралысь и видкаснулысь одъ безталаннои молодыци, и тилько одынъ старый Максымъ Витрякъ не забувъ своеи коханои дытыны: пойихавъ винъ до волосты, знайшовъ тамъ свою дочку у холоднiй, на соломи, обирвану, обшарпану, обстрыжену пры самій голови, узявъ іи, прывизъ до-дому, одягъ, обхаючывъ и помистывъ у старій хати. Самъ у ту стару хату ходывъ, самъ и поивъ, и годувавъ, и прыбиравъ усе за дочкою, та все молывъ та благавъ Бога, шобъ Господь вернувъ бидоласи іи розумъ! Такъ де тамъ! Лежыть вона цилисенькый день у старій хати и не йисть, и не пье, и не ворушытся. Якъ батько дасть йисты—йисть, якъ дасть шо пыты—пье. Тилько якъ и выйде було, то выйде у свій садокъ, та й то бильшъ надъ-вечоры. И якъ выйде оце у садокъ, то заразъ же

стане пидъ вышенькою та й дывыться на молодого дубка, шо стоить у садку Крачка, и тутъ же сама соби сміется и сама соби шепоче: „Панычу, панычеиьку мій, любый мій, соколыку ясный мій! Чы й ты такый, якъ *той*? Га? Чы й ты такый? Кажы! Очи таки-жъ блескучи та таемни, якъ и у *того*!.. Чы й мова у тебе така? Га? Чы й мова така? Така, така сама, якъ и у *того*! А чы й ротокъ невелычкый такый? Га? Такый, якъ есть такый, якъ у Ивася! Визьмы жъ мене до себе! Прыгорны мене! Прыголубъ мене!.. Ни, це не *той*! Геть видъ мене—ты не *той*! Геть видъ мене, сатано! Ты тилько облыччамъ схожый зъ *тымъ*, а душа твоя и серце не *ти*! Одійды одъ мене, супостатъ! На шо ты хресты зъ церковъ здіймаешъ? На що ты чоловичу кровъ пьешъ? На що ты чоловиче мнясо йись? Чому ты душу мою въ церкву не пускаешъ? О—охъ! Душа моя, душа моя, куды-жъ ты одъ мене летышъ? А! Онъ куды вона, онъ! Пустить мене! пустить на сповидь до панъ-отця"!..

Такъ безщасна Орыся стоить було у своёму садку та, обхопывшы рукамы вышеньку, плаче та прычытуе. Сусиды Максыма Витряка и бачылы и чулы те не разъ та й не два, а тилько не розумилы того, до чого воно йшла та ричъ бидолашнои молодыци. „Кровъ збынчувалась,—казалы,—такъ вона ума тронулась и черезъ те ничого не тяме"... Розумила тилько трохы Вивдя Сокырчыха, а найбильшъ розумивъ панычъ Ивась Краченко.

Лыхо, шо спиткало Орысю, такъ вразыло панына Ивася Краченка, шо винъ не выдержавъ... не выдержавъ и захворивъ.

Трохы не мисяць простраждавъ панычъ видъ гарячкы и ледве-ледве не вмеръ... Якъ уставъ винъ зъ лижка писля хворобы, то бувъ такый немочій, шо насылу тягавъ ногы по земли.

Була уже пизня осиння доба. На двори стояла густа-прегуста мла и черезъ ту млу мрячивъ дрибненькый дощъ. Старый Крачокъ бувъ у садку и городывъ тамъ новый тынъ. Панычъ Ивась выйшовъ тежъ и соби у садокъ, шобъ подывытысь, якъ-

то тамъ ёго батько городе тынъ. Прысившы на нызенькому сучку старои вербы, панычъ завивъ балачку зъ батькомъ про те, якъ бы добре було пидсадыты у садокъ молодыхъ деревъ та провесты въ нёму прямисеньки стежечкы та ще й на весну невелыку пасику завесты.

— Вамъ же жъ це ничого не коштуе, тату, бо у васъ на всяке дерево легка рука: вербу уткнулы, такъ нарбкомъ, абы-якъ, то й росте; яблуню, и та жыве.

— Усе зроблю, сынку, усе буде такъ, якъ ты того бажаешъ, абы-бъ ты тилько скорійшъ поправлявсь одъ своеи хворобы та жывый та здоровый бувъ.

Такъ сыдыть на сучку панычъ Краченко та й балака зъ своимъ батькомъ, колы це чуе, десь оддали, тамъ ажъ геть на выгони, спивають шось сумне.

— Шо це тамъ, тату, таке?

— Дякы спивають „Со святымы упокой“...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? спытавъ панычъ та й пиднявсь зъ сучка на ногы, шобъ подывыться на выгинъ.

Густа мла не давала ёму розглядиты, хто йшовъ за труною мерця. Винъ тилько бачывъ, шо труну неслы зъ церквы прямо на кладовыще и шо за труною йшло чоловика чотырипьять и мижъ нымы неначе-бъ то дыбало шось дуже старе...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? зновъ спытавъ панычъ свого батька.

— Та це... та це... и самъ такы не знаю, хто тамъ такый и есть! видказавъ якось такъ нехотя старый Крачокъ.

— Та й мла яка густа, шо й роздывыться не дае! А дай лышень я выйду по стежци на выгинъ та подывлюсь, шо воно тамъ таке есть...

— Краще-бъ тоби, сынашу, не ходыть, а то якъ бы ты не втомывсь та зновъ не захворивъ...

— Ни, тату, я потыхеньку, та й дальше валу я не пиду.

Панычъ пиднявсь зъ сучка и, пидпыраючысь ципкомъ, подыбавъ черезъ коворотъ по стежци на выгинъ. Винъ запевне не дійшовъ до кладовыща, а выйшовъ тилько на выгинъ та й

прысивъ тамъ на валу, шо выведенъ бувъ на прыконеччи вы-щого горóда Крачка. Ось и зновъ гучно роздавсь въ ёго вухахъ сумный спивъ, а на закинчання голосно пронеслась скризь по выгону и „Вѣчная память“... Панычъ пиднявсь въ мисця, знявъ шапку и перехрестывсь: „Упокой, Боже, душу раба твоего“!.. Одначе, хто жъ це такый умеръ?

Такъ стоить панычъ коло валу та самъ себе и пыта, колы ось прямо на нёго иде та сама невелычка купка людей, шо ховала мерця! Спершу выявывсь изъ млы одынъ чоловикъ, потимъ другый, дали третій, дали... дали... ззаду всихъ дыбавъ сывый, якъ молоко, згорбленный та тремтячый Максымъ Витрякъ и поручъ зъ нымъ шкандыбала стара Маруся Витрячыха...

— Максыме Мыкытовычу, та се жъ вы?! Кого жъ це вы?! скрыкнувъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ та й поточывсь до валу, шобъ не впасты на землю...

Старый Витрякъ замистъ видмовы на таке пытання, нешвыдко наблызывсь до паныча, нешвыдко простягъ до нёго рукы, потимъ обхопывъ ёго за шыю та такъ и зарыдавъ, положывшы свою старечу та сыву голову на ёго плече... Гирко плаче старый Витрякъ, а ще гирше плаче панычъ.

Насылочку-насылочку одирвавъ свого сына одъ Витряка старый Крачокъ и ледве-ледве довивъ ёго зъ выгону до-дому...

Писля такои прыгоды панычъ прохворавъ ще килька день, але молода натура и щырый батькивськый та матерынськый доглядъ одрятувалы ёго и на сей разъ, и черезъ килька тамъ день панычъ уже ходывъ по двору, и по току, и по садку вильно, хочъ на серце ёго налягло вичне и страшенне горе... Теперъ винъ давъ самъ соби зарикъ и самъ соби поклявсь— усю свою миць, усю свою кебету, усе свое жыття посвятыты ридному, украинсько-руському людови, ёго освити, ёго справи, ёго потребамъ... Ще черезъ килька день панычъ попрощавсь зъ батькомъ та зъ матерью, попрощавсь зъ своимъ засыротилымъ садкомъ, гирко оплакавъ могылу безщаснои та безталаннои Орыси и, взявшы грудку земли зъ ii могылы, подавсь у городъ до наукы..

XVII.

Одна теперъ, одна-едына зосталась надія у старого Максыма Мыкытовыча Витряка,—на останнёго сына Павлуся. Це у нёго бувъ хоть и меньчый одъ усихъ, але найрозумнійшій изъ усихъ сынивъ сынъ. До того жъ винъ бувъ велыкый пысьмакъ и чытавъ та пысавъ такъ, якъ нихто у всёму сели. Не вжывавъ винъ ни горилкы, ни тютюну; не блукавъ винъ зъ хлопцямы ночнои добы по завгороддяхъ, а на вулыцю до дивчатъ такъ и не кажы, шобъ колы пишовъ; не любывъ винъ и гóрода, бильшъ любывъ село, а надъ усёго любывъ чытаты книжкы, а зъ усихъ книжокъ найвышъ поважавъ святе пысьмо.

— Бабо, бабо! Чы довго вы будете лежаты та набиратысь духу на печи? Теперъ же, кажутъ люде, лито! Злизлы бъ зъ печи та пишлы бъ до церквы.

— Пора, кажешъ, умерты? Эге, трясця твоёму батькови въ печинкы!

— Та ни, за шо вы лаетесь? Я кажу, пишлы бъ до церквы! Тамечкы меньчый сынъ Витряка, Павлусь, та онъ якъ чыта на крыласахъ! Вывчывсь пысьменства, и такый зъ ёго грамотій, шо куды тамъ и нашому паламарю нечытайлу—Будякy.

Такъ крычавъ глухій та старенній баби Дудукальци, шо перейшла уже на девьяностый рикъ, ій правнукъ Демко Дудукальчёнко.

— Кажешъ, Павлусь Витряченко вывчывсь мошенства?

— Оце ще лыхо! Глуха, мовъ справди тоби та тетеря! Вывчывсь, кажу, пысьменства!

— Эге, пысьменства! А хиба те пысьменство та не доведе до мошенства? Кому и якъ воно пиде въ руку. Инчому на пожытокъ, а инчому на загынокъ!... Нехай слуха ёго велыкорозумный Витрякъ, то, може, дизна, шо воно есть той справжній пысьмакъ...

Але самому Максыму Витряку байдуже було до того, шо плескала тамъ стара баба Дудукалка. Теперъ давне та святе ба-

жання ёго збулось—бачыты хочъ одного изъ сынивъ своихъ пысьменнымъ. Теперъ уже старый Витрякъ не то що кожне свято, а и кожный вечиръ будня, писля скйнчання роботы, мигъ слухать, якъ ёго Павлусь, росклавшы библію, чыта то про праведного Іова, то про царя Давыда, то про пророка Исаію, то про побожного Лазаря. Старый такъ и впывается у свого сына та все слуха слова Божого, та все набырается розуму, неначе та дирчаста губка, укынута у воду. Чытають сынъ та батько святе пысьмо та туть же й пытають одынъ одного, тутъ же й подиляются своимы мыслямы. Инколы прысяде коло Павлуся и стара Маруся тежъ послухаты святе пысьмо; слуха вона та хыта головою та иноди и сплакне, якъ почуе що-небудь дуже вразливе.

Такъ-то дожывавъ свои останни дни старый Максымъ Витрякъ зъ найменьчымъ сыномъ своимъ Павлусемъ. Часто згадувавъ винъ и про старшыхъ своихъ сынивъ, и про бидолашну дочку Орысю; згадувавъ, молывся за впокой ихъ душъ и тутъ же невпынно плакавъ старечымы слизьмы. Зъ тымъ, може бъ, и скинчывъ Максымъ Витрякъ свое важке та гирке жыття, маючы утиху въ найменьчимъ сыни своимъ. Такъ ни жъ, прокляте лыхо, неначе та вйидлыва миль, якъ уже уйистся въ що, то вже буде ёго точыты, буде ёго нивечыть, ажъ покы усёго не поточе и не понивече...

Зъ давныхъ давенъ село Суныцивка була дѣржавою панивъ Голованивъ. Колысь ти паны булы и дуже багати, и дуже славетни, такъ шо ихъ зналы не тилько на Слобожанщыни, але й далеко за Слобожанщыною, ажъ тамечкы десь у Рассѣи, пидъ самою Москвою. Жылы ти паны, якъ звычайно жыты панамъ, дуже гучно и бучно; тилько докы у ихъ булы крепакы, доты воны не зналы ни биды, ни горя; а якъ те крепацтво було скасовано, то хутко прыйшовъ кинець и Голованямъ. Останній панъ крепацтва, Иванъ Мытровычъ Головань, маючы повсигда нужду въ грошахъ, швыдко писля воли почавъ продаваты свою земельку усякымъ охочымъ до неи людцямъ. Спершу винъ іи збувавъ невелычкымы клаптямы,—то тамъ Грыцькови Драпчаку, шо бувъ колысь у нёго за старосту, то тамъ батюшци Горобцю; а то вже,

якъ прызнавъ винъ, шо земля—це одна тилько рахуба для пана, надумавъ продаты ïи усю цилкомъ, и продаты не мужыкамъ, а нимцямъ—колонистамъ, черезъ те, шо нимци и дорожче платять, и грошыкы уси одразу виддають. А це саме найлюбійше дило: грошыкы черконувъ, та й сюды, якъ той король, не думаючы ни про те, чы буде у тебе, чы не буде урожай, ни про те, чы стане на хлибъ цина, чы не стане.

Якъ надумавъ панъ Головань, такъ и зробывъ, и ось скоро—недовго, замисть руського пана, оселывсь у Суныцивци якыйсь тамъ нимець Нейхвельдъ, нимецькои виры.

Гай, гай, шо то воно теперъ у насъ на Вкраини й повстало? Де воно теперъ у Бога те й панство наше подилось? Якъ було крепацтво, то було й панство, а якъ те крепацтво увирвалось, то все, шо у панивъ було, такъ заразъ и загуло. Та ще жъ такы, покиль стари жылы, дотиль хочъ земелька у панивъ була. А то вже, якъ старыхъ не стало, то... Э, шо й казаты! Шо батькы збиралы, то диты прогулялы... Хутко теперъ пиймають усю землю мужыкы та нимци!... Страшна, братця, сыла ти нимци! Багато и славно жывуть воны у насъ, на Вкраини. Усе то народъ зрослый та здоровый, а на морди брытый та червоный, якъ мисяць на витеръ. Жинкы у ихъ, хочъ и сухи якъ гылякы, а якъ понадивають на себе платтивъ та кохóтъ, та якъ понакгукгошуются, такъ таки зъ ныхъ рахмани выйдуть, якъ не знать-шо,—дарма, шо инча якъ розберется, неначе чапля на болоти стане... Э, дуже замúжный народъ ти нимци! Усёго у ихъ и въ-достачъ, и вдосыть: худобы тіеи, чы товару, чы коней, чы овечатъ,—такъ такого, якъ ракивъ вареныхъ у видри, та все те дуже, та высоке, та гладке, та здорове. У хозяйстви у ихъ скризь и доглядъ и порядокъ; хлиборобна справа у ихъ и прыдатна, и добренна, и згидна, та й наймытамъ у ныхъ не погане жыття: наймытъ у нимця хочъ и добре робе, такъ зате жъ ийисть добре,—тежъ саме и за тымъ же столомъ, шо йидять та пьють и сами нимци—хазяины. Та й обертается нимець до наймыта не по-звирячому, а по-людському: усе такъ тыхо та смырно та

зрозумлыво. Того-жъ то такъ охоче идé до тыхъ нимцивъ у наймыты нашъ братчыкъ, селянськый людъ. Уже у того нимця хочъ и наробышся добре, такъ за-тежъ и одйисыся добре та й грошыкы визьмешъ добри, бо винъ повсигда куды бильшъ плате, нижъ нашъ панъ.

Тымъ-то такъ посунулы и сунычане до тыхъ нимцивъ: хто у наймыты, а хто зъ тымъ, шобъ побачыты, яка у ихъ справа, яка худоба, яки порядкы, яка поведенція. Частенько заходывъ до ихъ и Павлусь Витряченко: одно те, шо винъ цикавывся жыттямъ нимцивъ; друге те, шо винъ инколы корыстувався де-якою справою ихъ: то бравъ тамъ вiялку, або плуга, то позычавъ тамъ гармана, штандарынъ, або букаря; а трете те, шо нимци осилысь недалечко одъ Витрякивъ, тилько шо черезъ дорогу, по ныжчiй перей села.

Частенько буваючы у нимцивъ, Павлусь Витряченко ставъ прыдывляться до ихъ жыття и до всiеи ихъ поведенцiи. Дуже цикавыло ёго дознаты, якъ воны жывуть, чымъ воны дышуть, чымъ радiють, въ шо воны вирують и якъ саме вирують.

Дывно ёму було те, шо у ихъ ни попивъ, ни дякивъ, ни церковъ не було, а одначе уси воны жылы и по правди, и по божому: ничого и ни въ кого не чипалы, ничымъ и николы одынъ одного не обижалы, нiякымы и николы не займалысь поганымы дилами.

Уже пройшло бильше року, якъ нимци Нейхвельды осилысь у Сунычивци. Невелыке те уремья—рикъ, а тилько велыка змина почувалась у сели. Де-хто изъ простого люду ставъ выявляты таки мысли про ризни людськи справы та про суспильне жыття, яки допрежъ того и въ голови не помищалысь ни въ кого...

Старому Максыму Витряку давно вже було не до вподобы те, шо ёго Павлусь учащае до нимцивъ. Давно уже не чуе винъ свого чытача, шо було чытае и пидъ свято и въ саме свято божественну книжку: теперъ то ёму дуже заникалось, то ёго нема дома, то винъ десь загубывъ книжку свою та нiякъ не знайде iи...

— Слухай сюды, сынку, шо я тоби хочу сказаты! якось обернувсь старый Витрякъ до свого Павлуся.

— А шо, тату?

— А отъ шо: ты уже, хвалыты Бога, теперъ хлопець на пори, такъ тоби часъ вже подуматы и про те, шобъ... Мы зъ твоею матирью не тилько шо стари, а вже ветхи люде, такъ часъ тоби, сынашу, погадаты и про те, шобъ одружытысь... У тебе яка про це думка?

— Та шо жъ, тату? Воно шо такъ, то такъ, а тилько...

— А тилько шо?

— А тилько те, чы до мысли буде мени моя дружына?

— Треба браты таку, шобъ була до мысли...

— А де жъ таку взять?

— Отъ яка турбота? Якъ уже такъ казаты, то цёго цвиту по всёму свиту.

— А воно-жъ, тату, и такъ можна казать: не женывся— веселывся, оженывся та й пропавъ.

— Боронь, Боже! На що жъ тоди й женытысь, якъ пропадаты?

— А хиба зъ нашымы жинкамы та зъ нашымъ закономъ неможна пропасты? У насъ чоловикъ за поригъ, а жинка за пыригъ... У насъ, тату, не те, шо у нимцивъ; у ихъ и жинкы слухнянійшъ, нижъ у насъ, и законъ легше, нижъ нашъ, якъ шо чоловикъ захотивъ бы зъ недоброю жинкою розійтысь; та й обряду того нема, якый у насъ на шлюби бува... А шо вже у насъ писля весилля робытся, якъ бабы почнуть усяку нисенытныцю прыспивувать, такъ одно стыдовья та й годи... У нимцивъ ничого такого овси не поводытся.

— То нимци, сынашу! Нехай воны по своёму и шлюбъ свій справляють, а мы будемъ по своёму справлять. Не намы воно заведено, не намы й выведется. Мы зродá-вику православнои виры, и намъ нимци зъ ихъ вирою не вказъ.

— А хиба, тату, якъ нимецька вира, такъ то уже й не вира?

— Ни, воно усяка вира есть вира, а тилько до чужои виры намъ дила ніякого нема... Я не про те кажу,—я тилько кажу про те, шо мы повынни своеи виры держатыся, а нимци своеи,— отъ про шо!... Та й не съ цёго у насъ балачка почалась... Чому ось тоби не дивка Докійка Семененкова?

— Дивка, тату, якъ дивка, а тилько... Тату! Я буду вамъ вично служыты и за робитныка, и за куховарку, а тилько вы мене не невольте на таке дило!...

— Та Богъ зъ тобою, сыну! Я й не думаю тебе неволыты! Я тилько про те, шо й лита твои таки, и старисть наша така, шо давно вже велять тоби сповныты законъ... Шо жъ мы называемось и за родытели, шобъ не думаты про щастя своихъ дитей?...

— Въ закони, тату, сказано: „Могій вмѣстити да вмѣститъ“.

— Въ закони, сынку, и такъ сказано, шо Богъ благословля чоловика множытысь и володиты усіею землею... Ну, та Господь зъ тобою! Неволыты чоловика—велыкый грихъ... Охъ, Орысю, Орысю, донечко моя коханая! Нехай же надъ тобою земля перомъ лежыть!.. Якъ надумаешся, сынку, гарненько, то тоди и сповнышъ законъ, а теперъ бороны тебе Боже одъ усякого гриха!..

И зновъ Павлусь Витряченко гуля нежонатымъ, и зновъ винъ тилько шо не що дня загляда до нимцивъ. Нимци повсигда ласкаво стричають ёго, повсигда ввичливо витають, а якъ лучытся иноди Павлусеви зайты до ныхъ въ обидню пору, то воны и посадовлять ёго за стилъ и назвутся ёму услкою стравою. Тутечка, за йижою,—а йисты нимци не овси спишать,—тутечка воны ведуть розмову про божественни дила та про свитови справы, а писля йижы и не молются и не хрыстятся, та й хрестыться у ихъ нема на що, бо й богивъ овси нема... Одначе, и якъ сыдять воны за столомъ, и якъ устають, то все роблять и чынно, и порядлыво, и звычайно. Чы прыйде Павлусь до нимцивъ у будень, чы прыйде у недилю, а все у ихъ одынъ порядокъ, тилько шо у недилю воны не роблять ніякои роботы, и чытають еван-

гéлію и чытають кожный по порядку, и тутъ же кожный, хто чымъ цикавыться, пыта про те другого, и якъ другый не зна того, пыта третёго... Та й не одно святе пысьмо цикавыть нимцивъ: воны чытають и рижни часописи, черезъ шо знають не тилько те, шо робыться у руському царстви, але й те, шо дiется у другыхъ царствáхъ та князивствáхъ. И въ свято нимци усе жъ такы жывуть по-божому: ни сваркы, ни бійкы, ни блуда, ни пiячества.

Пильно доглядався до всёго того Павлусь Витряченко и, самъ не хотячы того, робывъ поривняння життя нимцивъ до життя своихъ селянъ: у цилому сели не знайдется ни жодного такого симействá, и замижлывого, и порядлывого, и непытущого та й такъ освиченого, якъ симействó нимця Нейхвельда. А шо? Може, зъ Нейхвельдомъ поривняется суныцивськый пипъ, або суныцивськи дякы? Эге-жъ! Не про те воны й думають, не про те воны й балакають, та не такъ воны й роблять...

— Знаете, тату, шо я надумавъ?

— Ни, сынашу, не знаю!

— Я хочу занятысь по столярськiй часты! Вы, тату, того и не подумаете, якый майстеровый чоловикъ меньчый сынъ старого Нейхвельда, Якубъ?

— Та й не подумавъ такы!

— Эге жъ, а винъ добре столяруе!.. Такъ я оце хочу дечого навчытысь у нёго...

— А шо жъ? Це добра ричъ! Рукомесло за плечыма не носúть...

— Такъ я хочу, тату, шобъ у себе и майстерню зробыть и шобъ не я до нёго, до Якуба, а винъ до мене инколы заходывъ.

— А де-жъ ты ту майстерню зробышъ?

— У старiй хати,—не де! Треба тилько iи прыбраты задля того, та, шо залышне, вынесты геть.

Отъ и почавъ Павлусь прыбираты стару хату. Спершу всёго вынисъ винъ зъ неи богы и почепывъ ихъ у новiй хати.

А дали... а дали винъ и не знайшовъ, шо бильше прыбирать. Постановывъ невелыкый верстакъ та й край...

И почавъ ходыть до Павлуся, бильше всёго надъ вечоры, молодшый сынъ Нейхвельда, Якубъ. Працюють воны тамъ у двохъ и балачку ведуть промижъ собою та все бильше зъ пысьма. Спершу Павлусь обертавсь до Якуба по-украинському, а дали навчывсь балакать и по-нимецькому; спершу, якъ кажуть тамъ, черезъ пьяте—десяте, а потимъ уже такъ, шо й овси добре... Инколы зайде було у майстерню и старый Максымъ Витрякъ; зайде, подывыться на працю Якуба та Павлуся и похвале ихъ обохъ; а воны промижъ собою усе по-нимецькому, усе по-нимецькому цвенькають, та такъ, шо старый слуха-слуха, а дали пиднимется зъ мисця та й пиде соби геть, дывуючысь, якый-то у нёго цикавый сынъ, шо й ремество швыдко перенявъ и мовы нимецькои хутко навчывсь: „Гм., якъ бы я ёго бувъ у науку мигъ виддать,—зъ нёго бувъ бы чоловикъ... Онъ якъ винъ по-нимецькому! Не то, шо я, гришный чоловикъ, шо ни бе, ни ме, ни кукурику, а винъ онъ якъ"!..

Навчавсь Павлусь и рукомесла, и мовы, и де-чого инчого, а тилько вже одъ свого ридного руськo-украинського, де дали, тымъ бильше видхылявсь; и одягатысь почавъ уже не такъ, якъ справжни селяне, и волосся почавъ инакше пидстрыгать, та й ходыты неначе почавъ не такъ, якъ звычайно ходять украинськи парубкы...

Та й не одынъ Павлусь Витряченко переймавъ де-що одъ нимця Якуба. Зразу якъ видкрывъ Павлусь у себе майстерню, то прыйде було до нёго чы одынъ, чы другый парубокъ, подывыться та швыдко й назадъ; а потимъ, де дали—все бильше та бильше, и швыдко почалы ходыты парубкы разъ-по-разъ до майстерни Павлуся и почалы перейматы и соби усе нимецьке. Увійде оце парубокъ у хату, стане на порози, пидниме въ гору руку, шобъ перехрестытысь на образы, та заразъ же, не бачучы въ хати ни жодного образа, и руку свою долу опусте. Спершу це дуже подывля новака, а потимъ, що дали, то бильшъ прывыкае винъ до того, и вже у нёго и бажання того нема,

шобъ, увійшовшы въ хату, пидвесты въ гору руку та перехрестыты соби лоба, якъ воно поводыться у православныхъ хрыстіянъ, и тоди вже витаты господаря на „добры-день“... И ци хлопци, яки цикавиши, тежъ швыдко навчаются балакаты по-нимецькому и тежъ швыдко переймають у нимця и одежу и усякы звычаи, а свое ридне хають и забувають.

Такъ усю зиму и протоварышувавъ Павлусь Витряченко зъ Якубомъ Нейхвельдомъ, и уже якъ пройшла зима та наставъ велыкый пистъ, то тутъ уже треба було Павлусеви подуматы про инше шо.

— А шо, сынашу, колы у тебе думка говить?

— Та я, тату, ще й не думавъ про те!

— Эге, ты не думавъ, а я вже давно думаю: я говитыму такъ шо на першимъ тыждни, а ты вже на другимъ.

— Та тамъ, тату, якъ выпаде: чы на першимъ тыждни, чы, може, на третимъ.. А колы, тату, будемъ быты симья на олію?

— А колы? Треба, мабуть, на другимъ тыждни, сынку.

— Такъ якъ же жъ це, тату? Зъ тымъ же сімьямъ треба буде йихаты ажъ у Лыпци, бо у насъ, у Суныцивци, и олійныци ни въ кого нема?

— Та такъ шо, мабуть, треба буде йихаты ажъ у Лыпци.

— И це жъ, тату, дило таке, шо єго за день, або за два не вхопышъ у рукы.

— Шо такъ, то такъ!

— Такъ я, знаете, тату, шо зроблю?

— А шо ты зробышъ, сынку?

— Пойиду у Лыпци, тамъ симья зибью, тамъ же, у базари, и залышокъ олiи продамъ, тамъ же, якъ нагодыться хто, и макухы збуду, та тамъ же жъ такы и одговiюсь, бо въ тыхъ Лыпцяхъ, якъ самы, тату, знаете, ажъ тры церквы.

— Ну, шо жъ? говiй и въ Лыпцяхъ! Тамъ хочъ у тій церкви, де батюшкою Илья Билякъ,— у него и одговiешся соби зъ Богомъ.

Ото пройшовъ перший тыждень, наступывъ и другий, и Павлусь Витряченко посунувсь у Лыпци зъ симьямъ. Збувъ винъ тамечкы симня, продавъ олію, попродавъ макухы, узявъ за все те добри гроши та й зъ тымъ и до-дому, а про говиння неначе й забувъ...

— Ну, шо? Якъ тамъ тоби, сынашу, трапылось у Лыпцяхъ?

— А, ничого, тату,—усе було добре!

— А говивъ ты?

— Гм!... А якъ же!

— Ну, поздоровляю тебе!

— Спасы... гм!.. спасыби вамъ, таточку!... А шо жъ це не выдко на двори нашого пивня?.. то пакъ: де жъ це наша маты, шо ихъ не выдко?

— Та шось не здужае: якъ лягла на пичъ, та й доси и зъ хаты ніякъ не вышнябае.

— А я имъ ось платокъ чорный купывъ...

— Добре, сынашу, робышъ, шо матери не забуваешъ— Господь и тебе не забуде.

— А вамъ, тату, шапку нову купывъ.

— Э, сынку, мени вже пора свичку про смерть носыть, а не то що шапку нову...

— Богъ зъ вамы, тату, шо це вы говорыте?..

...И впьять Павлусь засивъ у своій майстерни и впьять до нёго почавъ учащать Якубъ, а де-колы, то й Павлусь пиде до Якуба. И якъ прыйде Павлусь до Якуба, то вже винъ тамъ неначе справди свій чоловикъ: и балака по-нимецькому, и чыта зъ нимцямы нимецьку евангѣлію, и йисть зъ нимцямы, те-жъ саме, шо й воны йидять, и такъ усе робыть, неначе винъ и родывсь, и хрестывсь, и зрисъ умисти зъ нимцямы, и неначе винъ овси и не знавъ ни свого уставу, ни своеи дидивськои виры, ни своеи украинськои справы...

XVIII.

Одначе и на сей разъ недовго товарышувалы Павлусь Витряченко та Якубъ Нейхвельдъ; ось незабаромъ прыйшла страстна недиля. Тутъ уже старый Витрякъ та стара Витрячыха що-дня почалы ходыть до церквы, а Павлусеви усе якось выпадало або дома, по хазяйству клопотаты, або до млына швыденько побигты, або до кузни пойихаты. Тилько инколы, у-рядыгоды, винъ зберется та заяве батькови, шо нибы-бъ то тамъ идé до плащаныци, а самъ замисть того опынытся у нимцивъ...

Ось наставъ и Великдень. Павлусь и тутъ пидвивъ такъ, шобъ ёму зоставатысь дома, а старымъ иты до церквы, бо боронь Боже якои прыгоды, або якои напасты злодíивъ, шо пидъ такый день часто крадуть у добрыхъ людей кони, то де жъ тамъ старымъ справыться зъ тымъ?... Стари, запевнени цымъ, такъ и ришылы—самымъ иты до церквы, а Павлусеви зоставатысь дома.

Боже, Боже, якъ-то радисно и якъ-то весело зробылось на души у Максыма Витряка, якъ винъ увíйшовъ у церкву та почувъ, шо и у вивтари и на крыласахъ заспивалы „*Хрыстосъ воскресъ*!...“ И никóлы-жъ такы, николы, скилько памьятувавъ самъ себе Витрякъ, не почувавъ винъ въ соби такого духовного веселíя, якъ у цей самый Великдень!.. Стоить винъ у церкви и неначе бъ то винъ не въ церкви, а десь ажъ на самыхъ небесахъ и чуе винъ спивы не людей, а самыхъ божыхъ янголúвъ, шо витають увесь земный людъ великымъ витаннямъ „*Хрыстосъ воскресъ*!..“ Стоить винъ и не чуе пидъ собою нигъ, не чуе за плечыма своимы старосты, не чуе у кисткáхъ своихъ ныття нiякого, а чуе тилько, шо у нёго течуть изъ очей скризь, и по щокахъ, и по бороди, радисни слёзы, а самы вуста ёго шепочуть радисни для всёго мыру слова „*Хрыстосъ воскресъ*!..“

Ось божественна служба скинчылась, и тутъ уси люде почалы мижъ собою хрыстосуватысь. У такый велыкый день у церкви було повнисенько народу. Кожный чоловикъ обходывъ

церкву и хрыстосувавсь зъ другымы. Обійшовъ усихъ и старый Витрякъ. Тамъ сей, тамъ той, та кожного витае Витрякъ, зъ кожнымъ трычи цилуется и миняется пысанкамы. Багато побачывъ винъ тутъ и старыхъ дидивъ, и старыхъ бабивъ, и середнихъ литъ дядькивъ; тилько молодыхъ хлопцивъ шось мало запрымитывъ у церкви Витрякъ,—отъ хочь бы й тыхъ, шо ходылы усю зиму до нёго у майстерню... Мабуть, де-яки на цвынтари, а де-яки стережуть домивку, такъ якъ и ёго сынъ Павлусь...

Радисно старый Максымъ Витрякъ и стара Маруся Витрячыха вернулысь зъ церквы до-дому; радисно силы воны й застилъ. Уже тутъ, сыдючы за столомъ, якъ згадалы воны про трёхъ старшыхъ сынивъ своихъ та про бидолашну дочку Орысю, зробылось имъ дуже тяжко на серци. Не сказалы воны про це одынъ одному ни словечка, а тилько поглянулы одынъ на одного, и у обохъ нарынулы слёзы на старечыхъ очахъ... За те жъ ще дорогше здававсь имъ теперъ останній ихъ сынъ Павлусь... Писля розговиння стари звычайно видпочылы трохы, а потимъ сталы прыбиратысь, шобъ зустриты батюшку зъ дякамы, шо ходылы по хатахъ зъ хрестомъ.

Уже батюшкы обійшлы усю нижчу перею села, уже завернулы воны одъ Жабокрюкивкы и на выщу; ось уже наблыжылысь воны и до хаты Максыма Витряка. Старый Максымъ Витрякъ уже давно выйшовъ за ворота и давно стоить безъ шапкы, дожыдаючы батюшку зъ дякамы. И якъ тилько батюшка выйшовъ изъ двора сусида Витряка, Максымъ Мыкытовычъ уже й назустричъ ёму: пидійшовъ до нёго пидъ благословеніе и мерщій повивъ ёго до господы. Въ хати батюшку стрила стара Маруся Витрячыха и за нею Павлусь. Стара тежъ пидійшла пидъ благословеніе до батюшкы и дала дорогу Павлусеви. А Павлусь стоить середъ хаты и не зъ мисця,—неначе укопаный у землю. Батюшка самъ пидійшовъ до Павлуся и поблагословывъ ёго, а Павлусь, одхыльнувшысь назадъ, зробывсь блидый-блидый, мовъ та крейда. Старый Витрякъ пыльно поглянувъ на свого сына, ніякъ не зрозуміючы, шо таке зробылось зъ нымъ.

— Мабуть, прытомывсь черезъ службу на Великдень та й доси ку́няе! зауважывъ батюшка, обертаючысь до старого Витрыка.

— Та то вже такъ,—выбачайте, батюшечка! Теперъ мо-ло́дяжъ уся така хыра.

Батюшка не звернувъ велыкои увагы на вчынокъ Павлуся, та й ни́колы таку ёму було звертать, бо тра було ще чымало дворивъ обійты, а тамъ ще й до вечерни иты. Одначе, якъ тилько батюшка выйшовъ за ворота, то старый Витрякъ, вернувшысь у хату, заразъ же и прыступывсь до Павлуся.

— Що це зъ тобою сталось, Павлусь?

— А шо таке?

— А те, шо ты не хотивъ до батюшкы пидъ благословення пидійты?

— Не хочу я пидходыть до нёго пидъ благословення!

— Якъ це такъ? Шо це ты? У своимъ ты розуми?

— У своимъ, тату!

— Такъ шо жъ це ты?

— А шо жъ винъ таке, шо до нёго треба прыкладатысь?

— Якъ шо таке? Хиба ты не знаешъ? Винъ же духовный пастыръ нашъ!

— Духовни пастыри не повынни такъ робыты, якъ воны роблять!

— А якъ же винъ робе?

— Такъ робе, шо... Якъ винъ у насъ одивець, то и повыненъ жыты одивцемъ, а винъ... Ну та я не хочу ёго судыты, а тилько такъ не можна робыты. Та хиба вы цёго самы не знаете?

— Э, сынку, сынку, то вже ёго грихъ, и за те винъ самъ дасть видповидь Богови, а наше дило усе-жъ таку чтыть ёго, яко намисныка Хрыстового на земли.

— Ни, тату, ни!.. Я на це незгоденъ, и моя душа не мырытся зъ нымъ!.. Якъ же винъ буде сповидать чоловика зъ такымъ же грихомъ, якый на нёму самому есть? И яке винъ дасть наставленіе чоловикови, колы самъ ще гришнійшъ одъ

ёго?.. Це у насъ не пипъ, а одынъ грихъ тай годи! Чого винъ тилко не выробля на сповиди? Якый чоловикъ не дасть ёму копійкы за сповидь, то винъ схопытся зъ ослинця, пійма чоловика за грудкы та на всю церкву и крычыть; „Давай копійку! Давай мени копійку за сповидь"!.. И хочъ бы вже бувъ чытака, або спивака, якъ слидъ, а то якъ выйде на середъ церквы кныгу чытать, то мовъ каменюку грызе,—нихто ёго й не розбере: двадцять годъ служе, а й доси, якъ слидъ, не наломывсь. Вы ондечкы, тату, казалы ще мени, шобъ я говивъ у Лыпцяхъ у Ильи Биляка, а чи вы жъ знаете, шо той Илья выробля? Э, та шо тамъ и казать.

— Не вси жъ, сынку, таки, якъ Илья Билякъ. А чомъ тоби не пастырь ось хочъ пысарянськый батюшка Колчановськый, або покровчанськый Ващынськый?

— Такъ на цихъ же двохъ пастырывъ, шо вы кажете, тату, та двисти два инчыхъ, такыхъ шо про ихъ якъ розсказаты тилько половыну того, шо воны выробляють, то нихто й не повире...

— Охъ знаю, сынку, знаю! Знаю бильшъ, нижъ ты знаешъ, а все жъ такы нехай воны будуть ще въ десятеро гиршійшъ, а не намъ ихъ судыть: воны мають власть одъ Бога надъ нашою совистю и надъ нашою душею.

— Хто, тату, мае власть? Та ни одынъ чоловикъ не мае власти надъ нашою совистю и надъ нашою душею, окримъ насъ самыхъ!

— Шо це ты говорышъ, сыну? Цёго я одъ тебе зъ родáвику не чувъ! А то бъ то ты супроты духовныцтва, чы шо?

— А хочъ бы, тату, и такъ?

— А якъ же жъ то такъ? Уже жъ безъ духовныцтва неможна на свити жыть! Отъ хочъ, напрыкладъ, говиты, то тутъ уже-жъ треба иты до духовныка? Ты жъ якъ бувъ у Лыпцяхъ, то ходывъ же говить?

— Тату, грихъ у мене велыкый передъ вамы на души! Я... я, тату, я... не говивъ... Я обманювавъ васъ... и це страшенно

мучыло мене... Тилько я ніякъ не мигъ насмилытысь, шобъ сказаты вамъ про це... Це мій велыкый, страшный передъ вамы грихъ... Я зъ рода-вику николы и ни въ чому не обманювавъ васъ, а тутечкы... тутъ я передъ вамы согришывъ...

Якъ бы передъ старымъ Максымомъ Витрякомъ вментъ блеснула огняна блыскавыця и вментъ гримнувъ зъ неба велыкый гримъ, або якъ бы передъ нымъ одразу провалылась и загула земля, то винъ, здается, меньче бъ здывувавсь и меньче злякавсь, нижъ теперъ одъ такыхъ словъ Павлуся... Витрякъ ажъ килька хвылынъ простоявъ нерухомо, мовъ скамъянилый... и все дывывсь на Павлуся, широко росплющывшы очи... Уже потимъ, черезъ килька хвылынъ зъ-перегодомъ, Максымъ Витрякъ, на сылу та на превелыку сылу поборовшы себе, гризно спытавъ свого сына:

— Такъ шо жъ ты таке есть? Чы ты злодій, чы ты катъ, шо видцуравсь видъ батька, видъ матери та видъ усіеи ридни?

— За шо жъ вы мене, тату, такъ вражаете? Злодіи, тату, не таки бувають! Хиба той, хто не впывается горилкою, не хапа погапого зилля та не паскуде имъ своеи души, хто не краде чужого добра, та не верзе скверныхъ словъ, хиба, тату, той, хто не гришыть проты сёмои заповиди, и овси ще не зна цёго гриха, хто любе и батька и матиръ свою, хто не бажа зла другому чоловику, хиба, тату, той злодій, або катъ?

— Такъ шо жъ ты таке есть?

— Я, тату, я... справжній хрыстіянынъ!

— Якый же ты хрыстіанынъ и яка у тебе вира? Чы не така, якъ у нимцивъ, шо оце коло насъ жывуть?

— А хочъ бы й така?

— А!.. Такъ отъ шо! Це бъ то ты прыставъ до штундыстивъ! Такъ отъ чого ты учащавъ до нимцивъ! Це нимци и прызвелы тутъ усю штунду!..

— Та вы шо-жъ думаете, тату, про штунду? Шо таке, по вашому, есть штундыста? Вы обдерить ёму шкуру, усе чысто, то винъ вамъ ничого не скаже, скаже тилькы: „Богъ зъ тобою“! Отъ то и есть штундыста! Вы думаете, якъ штундыста, то винъ

й уже ледащый чоловикъ? А ни въ кого нема такои сылы празныкивъ, якъ у церковныкивъ: воны и выгадують ихъ за-для того, абы бъ тилькы поменьче робыть. Штундыста тилькы й празныкуе, шо на Риздво та на Велыкдень та въ недилю кожкого тыждня. У церковныкивъ празныкы та посты—та и вся вира. А на вищо ти посты? Це даремна выгадка супроты слова Божого, шо каже: „не входящее въ уста сквернить чоловика, а исходящее изъ устъ". У штундыстивъ и цёго нема. Я жъ вамъ кажу, шо вира штундысты,—то и есть справжняя вира.

— У шо жъ ты вируешъ, колы ты справжній хрыстіянынъ? Яка твоя вира? У Хрыста ты вируешъ, шо винъ есть сынъ Божый, шо винъ родывсь, страждавъ, умеръ и воскресъ на спасеніе людей? У церкву святу православну ты вируешъ?

— У Хрыста я вирую, шо винъ воскресъ божествомъ, а не тиломъ,—тило ёго таке-жъ тлинне, якъ и тило другыхъ людей. Я вирую, шо Хрыстосъ есть любовъ, шо винъ заповидавъ намъ не грабуваты, жыты прыязно, подилятысь своимъ добромъ, не видомщаты зломъ за зло, прощаты ворогамъ, покирно переносыты усяку уразку, не важытысь на землю бильшъ того, скилькы ім треба за-для насушного жыття, цуратысь роскошивъ та памятаты те, шо багацтво та сыла роблять зъ чоловика раба страстей, а не справжнёго хрыстіянына. Отъ у якого Хрыста я вирую!.. У церкву рукотворну, зроблену рукамы чоловика, я не вирю. Церква—два, тры чоловикы, и Хрыстосъ зъ нымы,—то й церква. „Аще гдѣ двое или трое глаголютъ во имя мое, Азъ тамъ пребываю!.." Церква повынна буть у серци кожного чоловика,—отъ де церква!

— Отъ така твоя вира! А то, шо въ церкви—образы, хорогвы и друге, ты прызнаешъ за святе?

— Тату! Прызнаваты образы за святе, це, по моёму, прямо супроты пысанія и древнёго и нового завиту: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія на земли!.." Шо тымъ образамъ молытысь, якъ воны тижъ дошкы и тыхъ же гришныхъ людей? Якъ воны и глухи и слипи очыма? Якъ воны и не бачуть, и не

чують, и не розуміють нічого? Такъ яку жъ воны можуть помичъ податы чоловикови?

— Такъ онъ яка твоя вира!.. Боже, Боже, шо це я чую! И це мій сынъ таке говоре?... А въ святе хрещеніе вируешъ?

— У хрещеніе, те, якымъ попы малу дытыну хрыстять, не вирую! Попъ хрыстыть, абы тилько гроши брать,—я й самъ охрестю и менія дамъ, якъ и винъ. То не есть хрещеніе. Хрещеніе есть то, колы чоловикъ на зрости, якъ и самъ Хрыстосъ, прынародно поминытся щырымъ словомъ жыты та робыты такъ, якъ повеливъ Хрыстосъ. А не хочешъ робыты пры людяхъ, не робы́ й того, бо то тилько одынъ обрядъ и не въ нёму головна сыла: треба хрестытысь жывою, а не мертвою водою, про яку нагадувавъ Хрыстосъ коло колодезя самарянци. Ото то и есть справжне хрещеніе!

— А якъ же знамено Хрыстово? Жывы до зросту и не клады на себе знамено?

— А на шо жъ ёго, те знаменò, на себе класты? Воно есть спомынъ тыхъ мукъ та тіеи шыбеныци, на якій розипьялы Хрыста! Такымъ знаменомъ люде тилько вражають Хрыста у серце, якъ кладуть ёго на себе.

— Господы праведный, шо це я чую?.. А якъ же спóвидь? а якъ же прычастя?

— А шо сповидь? У рукотворну церкву я сповидатысь не пиду! Я дамъ спсвидь Богу духомъ, мыслямы та зариканнямъ, шо бильшъ не буду творыты злыхъ дилъ, якъ ранійшъ того творывъ. У насъ есть одынъ надъ усимы Отець на небесахъ,— Ёму и сповидай свои грихы, а не попови, бо попъ такый же гришный чоловикъ, якъ и вси. Тутъ ни церква, ни попъ нічого не запоможуть, якъ я самъ не окаюсь въ грихахъ... Не запоможе церква и тоди, якъ я пиду прычащатысь до неи. Прычащатысь въ Хрыстомъ можна тилько духомъ, добрымы диламы та праведнымъ жытямъ. А якъ схочешъ весты бесéду про божи дила, прызвы до себе въ хату, а не въ церкву, двохъ, чы трёхъ чоловикъ, посадовы ихъ за стилъ, розломы хлибъ на пиматкы и роздай братіи. Такъ робывъ Хрыстосъ. Робы и ты такъ. А не

хочешъ—и цёго не робы: переломляй духовный хлибъ та имъ и насыщайсь, шобъ у тебе слово не видризнялось видъ дилъ.

— Маты божа! И ты звешся справжнимъ хрыстіянымомъ? И ты думаешъ, шо зъ такымъ чоловикомъ, якъ ты, стане на шлюби чыста та безвынна дивоча душа?

— А на шо мени той шлюбъ? Уподобавъ парубокъ дивку, а дивка парубка,—скажить про те батькови та матери, скажить громади та й жывить; тутъ не треба ни шлюбу, ни того поганства, яке робыться у насъ на весилли. А не схотять жыть—росходьтесь, тилько впьять такы безъ того паскудства, яке поводыться у такимъ дили у церковныкивъ. Головна ричъ—жывы безъ хвалышу, безъ блуда, безъ бійкы та лайкы, та спыняй свою злу волю.

— Шо ты говорышъ? Чы подумавъ ты про свій страшный часъ смерти? Шо ты скажешъ тоди своему духовныку?

— А на шо мени той духовныкъ? Хиба винъ справди чоловикови потрибенъ? Шо винъ, хиба уведе у рай? У рай насъ уведуть тилько наши добри дила, и ни одынъ чоловикъ, якъ бы винъ насъ щыро та вирно ни любывъ, не ляже въ намы самохить у домовыну, окримъ нашыхъ праведныхъ дилъ. Хиба ти духовныкы...

— Стій! Пидожды! Ты все уже сказавъ?

— Усе!

— Павлусю! Сыну мій любый! схаменысь, шо це ты кажешъ? Ты помыляешся!

— Тату, помыляется той, хто инакше дума.

— Слухай мене! Чы знаешъ ты, шо предкы твои колысь воювалысь за святу православну, а не за яку другу, виру и за той самый хрестъ, на якый ты не хочешъ молыться? Чы видаешъ це ты?

— И знаю и видаю.

— Невже жъ твои предкы, невже жъ твои прадиды, твій батько и маты твоя, уси-уси ходылы и ходять у мли и боролысь и борятся не за те, за шо треба бороться?

— То бувъ другый часъ и друга годына; теперъ не те: теперъ другый у людей шляхъ и другый поглядъ на життя. Часъ на часъ не прыходыться, а то жъ викъ на викъ...

— Якый бы той часъ, якый бы той викъ не бувъ, а вира наша свята православна повсигда, во вики виковъ, зостанется нерухома. Изъ усихъ свитовыхъ виръ—вона тилько и есть певна и правдыва вира. Твоя вира—то не вира. Чымъ ты вируешъ? Розумомъ, а не серцемъ. Горе тоби, пысьменный, але гордый и заблудный розумъ! Чы не ты жъ чытавъ изъ пысьма, шо „серцемъ бо вѣруете въ правду“? Де умишается у виру розумъ, тамъ уже виры не буде. И у тебе вира твоя выйшла изъ серця и вступыла въ голову. Въ голови жъ теперъ у тебе и совисть и соромъ твій, а це все-однаково, шо у тебе ихъ и овси нема: розумъ на всякый вчычокъ знайде выкрутку. Тилько одно серце и скаже тоби, шо оце такъ, а оце не такъ. Нема у тебе виры! Пропащый ты чоловикъ! Тебе й на свити уже нема! Це не ты, а тилько твоя тинь!

— Тату, вы помыляетесь! вы жорстоко помыляетесь!; До сіеи поры я ходывъ у мли и тилько теперъ справди побачывъ свитъ. Я шукавъ виры, я мучывсь, я страждавъ, и теперъ можу сказаты, шо знайшовъ прежній законъ, якъ треба вируваты и якъ треба жыть. Не церковна вира справжня вира, а оця, яку вы звете голою, бо вона чыста, безъ едыного сучка и безъ едынои крывыны. У церковну виру вируе тилько простота, бо тамъ нетреба ни роздумы, ни розуму. У церковныкивъ овси и виры николы не було: яку имъ далы, така вона у ихъ и есть: якъ бы то була нимецька вира, воны бъ зъ нимецькою и жылы, якъ бы то була турецька вира, воны и зъ турецькою бъ викувалы. Церковныкы чытають евангѐлію, а роблять не такъ, якъ у ній пышется; штундысты чытають евангелію, та й жывуть по ній. Мы знайшлы, чуете, певно прежній законъ и ходымо въ свити, а вы блукаете у тьми. Вы нещасни люде, а ваша вира...

— Стій! Постривай! Не смій такъ казать мени про мою святу виру! Слухай мене, шо я тоби скажу! Ты любышъ мене?

— Люблю, тату, и серцемъ, и душею, и мыслямы люблю!

— Якъ же ты мене будешъ ховаты? Зъ духовныкомъ, чы безъ духовныка?

— Тату!

— Стій, кажу тоби! постривай! Слухай мене: ты не одступышся одъ своеи виры? Кажы мени!

— Тату!

— Кажы мени, кажы! Не одступышся одъ своеи виры?

— Ни, тату! Ни... не одступлюсь! Це супроты моеи совисты и супроты моёго розуму!.. Не видступлюсь!.. Я не можу видступыть, я укрѣпленый у своій вири! Це не сыла моя. „Аще кто любитъ Мене, оставитъ отца и матерь свою и грядетъ во слѣдъ Мене“...

— Ну, такъ ты жъ не будешъ мене и ховаты: ты повыненъ видъ усёго видступать...

— Тату! Таточку! Любый мій!..

— Видступай! видступай! видъ усёго и видъ усихъ видступай! Плюй на свого батька, плюй на свою матиръ! Видступай, кажу тоби!... А!.. Такъ отъ де моя остання погыбель! Такъ отъ де погыбель нашого краю!.. О, Боже мій, Боже, до чого я тилько дожывсь? Шо чують мои вуха? Шо бачуть мои старечи очи? Мій сынъ, останній сынъ, моя пидпора и моя надія, порушывъ святу православну виру, одступывсь одъ усёго ридного, забувъ усе мынуле своихъ предкивъ и проминявъ усе те на якесь-то безвирья! О Боже правый мій! На що жъ ты давъ мени очи? Чомъ не ослипывъ мене? На шо ты давъ мени вуха? Чомъ не породывъ мене овси глухымъ? О Боже всемылостывый, о Боже всевыдющый! Серце мое, серце бидне мое розрывается на шматкы видъ такого лютого и невымовного горя! Велыкый Боже, Спасытелю мій, просты жъ и помылуй мене за таке ремство мое! Але жъ Ты й самъ, своимы праведными устамы, возопывъ до Господа у своихъ тяжкыхъ мукахъ: „Боже, Боже, да прейдетъ чаша сія мимо Мене“!.. Просты жъ и помылуй мене и визьмы въ праведне и вичне лоно твое!..

XIX.

. . . . . .

Писля такои болиснои та тяжкои розмовы и батько и сынъ, обыдва, урозумилы, шо воны тилькъ тиломъ свои,—серцемъ же и мыслямы на вики-вични чужи чужакы... Старый Витрякъ не гнавъ свого сына зъ двору, бо самъ сынъ швыдко покынувъ батькивськый двиръ и опынывсь десь ажъ на Жабокрюковци. Шобъ заминыты сына, Максымъ Витрякъ прынявъ у свій двиръ безхатнёго голоту, Давыдку—розгамузу, и доручывъ ёму усе свое хазяйство. Але недовго писля того прыйшлось страждаты Максыму Витряку: и похыли лита, и страшенна уразка скоро звалылы ёго зъ нигъ. Лежучы на смертному ὸдри, Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ не стогнавъ, не скаржывся на хворобу, не нарикавъ ни на кого, упевнявъ свою стару, щобъ вона не ремствовала на Бога за злу долю, не докоряла и не кляла своего сына, а молыла бъ Бога за ёго гришну душу...

Уже якъ прыйшлы останни чὰсы Максыма Витряка, то винъ, чуючы свою смерть, пиднявсь зъ лижка, одягся и прыбравсь, якъ слидъ справжнёму хрыстіяныну у такый гризный та страшный часъ, потимъ зъ превелыкою сылою та зъ пидмогою старои Маруси, зайшовъ за стилъ и, сившы на покути, звеливъ засвитыты страсну свичку; дали, благословывъ стару Марусю, благословывъ свого наймыта Давыдку, попрощавсь зъ нымы и... схылывшы голову на рукы и не перестаючы чытаты святи молытвы, виддавъ Богови душу...

Ледве-ледве стара Маруся додыбала на кладовыще до свижои могылы... И якъ додыбала та якъ почала кыдаты рукою землю на труну свого Максыма, то трохы не звалылась и сама у яму, якъ бы було не вспивъ пидхопыты ій самый блызькый теперъ ій чоловикъ, голота-наймытъ.

Ничъ, темна-претемна ничъ. Уже давно усе село спыть безпросыпнымъ сномъ. Не спыть тилькъ у своій хати стара Маруся, гирко оплакуючы свою дружыну, Максыма; та ще не спыть

одынъ чоловикъ, десь геть далеко, ажъ тамъ пидъ горою, де окремно сыдыть кущъ села... Ось чоловикъ той крадькома выйшовъ изъ хаты; крадькома пройшовъ верхнимы городамы на выгинъ и скоро опынывсь на кладовыщи. Ось винъ иде по-мижъ хрестамы и зупыняется надъ свижою могылою. Упавшы навколюшкы коло тіеи могылы, винъ обхопывъ іи рукамы и зарыдавъ... зарыдавъ гарячымы, невпынными и нескинченными слёзамы... „Тату! таточку! Простить мене! Простить и помылуйте! Я люблю васъ, люблю и не перестану любыть! Але жъ, тату ридный мій, не можу инако, не сыла моя!...“

Довго обіймавъ Павлусь могылу свого батька, довго винъ облывавъ іи гарячымы слизьмы, а дали, узявшы зъ неи у руку грудку земли, важко пиднявсь на ногы, обернувсь лыцемъ у ту сторону, де була батькова хата и де вылывала свое горе стара Маруся, трычи уклонывсь въ думци матери и потимъ зъ того кладовыща подавсь геть вздовшъ по шляху...

Довго писля того про Павлуся не було ніякои ни звисткы, ни чутки на сели. Уже навпосли пройшла чутка, шо Павлусь Витряченко десь спынывсь ажъ у Херсонщыни, де протикае ричка Бугъ, а повыще неи тече ричка Аджамка: тамъ винъ обійшовъ чымало селъ и хуторивъ и швыдко зробывсь за старшого межъ штундыстамы.

Д. Яворницкій. (Д. Эварницкій).

Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи.

(*Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ*).

(Продолженіе [1]).

VI.

Мы нѣсколько забѣжали впередъ, говоря о тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, которыя представляли Положенія 19 февраля для чиновниковъ, помѣщиковъ и крестьянъ. Нужно снова возвратиться къ первымъ засѣданіямъ Губернскаго Присутствія.

На организацію сельскихъ обществъ и открытіе волостей возлагалось много надеждъ. „Скорѣйшее открытіе этихъ обществъ, говорилъ предсѣдатель Присутствія въ засѣданіи 13 апрѣля—неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ, во многихъ мѣстностяхъ губерніи, умовъ крестьянъ. Съ другой стороны, при настоящихъ обстоятельствахъ, для обезпеченія интересовъ самихъ г.г. владѣльцевъ, необходимо устройство сельскихъ обществъ и управленій, какъ правильныхъ хозяйственныхъ единицъ, во главѣ которыхъ будутъ поставлены лица, отвѣтственныя предъ правительствомъ и помѣщикомъ". Открытіе сельскихъ обществъ не могло быть отлагаемо еще и потому, что оно предшествовало образованію волостей, а послѣд-

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3.

нее должно было послѣдовать не позже шести мѣсяцевъ со дня полученія въ губерніи Положеній о крестьянахъ, т. е. не позже 20 сентября [1]).

Открытіе сельскихъ обществъ совершилось повсемѣстно, кажется, безъ всякихъ инцидентовъ. Городницкій предводитель дворянства выразилъ, впрочемъ, опасеніе, что „при только что начинающемъ возстановляться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядкѣ, образованіе сельскихъ обществъ и назначеніе старостъ легко можетъ повести непосредственно къ возобновленію безпорядковъ“. Онъ считалъ, поэтому, полезнымъ привлечь, въ помощь полиціи, „для лучшаго наблюденія за порядкомъ и сохраненіемъ тишины при крестьянскихъ выборахъ“ сельскихъ должностныхъ лицъ министерства государственныхъ имуществъ, но Губернское Присутствіе отвергло это предложеніе. „Такъ какъ въ другихъ уѣздахъ открытіе сельскихъ обществъ и избраніе должностныхъ лицъ совершено безъ содѣйствія лицъ мин. госуд. имущ., то въ отношеніи одного городницкаго уѣзда подобную мѣру нельзя признать необходимою“—говоритъ по этому поводу журналъ Присутствія [2]).

На сколько выборы первыхъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія были независимы—трудно сказать. Губернское Присутствіе, по крайней мѣрѣ, настоятельно рекомендовало вниманію уѣздныхъ предводителей дворянства строго въ этомъ случаѣ, а равно и въ дѣлѣ образованія сельскихъ обществъ, сообразоваться съ закономъ и точно разъяснять крестьянамъ и выбраннымъ лицамъ всѣ ихъ права и обязанности, указывая имъ на соотвѣтствующія статьи Положеній [3]).

Распредѣленіе селеній на волости вызывало немало практическихъ затрудненій. Въ основу дѣленія на волости было, какъ мы видѣли, положено количество населенія; но такъ какъ волости были поставлены въ связь съ сельскими обще-

---

[1]) Журн. № 7, 13 апрѣля.
[2]) Журн. № 13, 22 мая.
[3]) Журн. № 7, 13 апрѣля.

ствами [1]), то отношеніе крестьянъ къ землѣ тоже не могло быть оставлено безъ вниманія. Сельское общество составлялось изъ крестьянъ, водворенныхъ *на землѣ* одного помѣщика [2]). Тѣмъ не менѣе Губернскому Присутствію пришлось разъяснить глуховскому уѣздному предводителю дворянства, что дворовыхъ людей нельзя принимать въ расчетъ при распредѣленіи селеній на волости; только тѣ изъ дворовыхъ людей, которые имѣли право на участіе въ пользованіи полевымъ надѣломъ, при составленіи и повѣркѣ уставныхъ грамотъ, могли быть включаемы въ составъ сельскихъ обществъ и то лишь тогда, когда они сами изъявляли на это согласіе. Объ этомъ ясно говорило Положеніе [3]).

11 мая не было еще возможности, даже приблизительно, опредѣлить число будущихъ волостныхъ управленій [4]). Но уже около этого времени стали поступать отъ особыхъ коммиссій, образованныхъ по уѣздамъ, подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства [5]), проэкты раздѣленія уѣздовъ на волости. Работали быстро.

Если не ошибаемся, первые такіе проэкты поступили и были доложены въ засѣданіи 18 мая по уѣздамъ черниговскому и остерскому. По установившемуся въ Присутствіи обычаю, предварительное разсмотрѣніе черниговскаго проэкта взялъ на себя одинъ изъ членовъ А. И. Лизогубъ, остерскаго—Г. П. Галаганъ [6]). Заключенія свои они представили уже въ слѣдующее засѣданіе 22 мая.

А. И. Лизогубъ „сообразивъ положеніе селеній черниговскаго уѣзда по картѣ и зная многія мѣстности этого уѣзда“, нашелъ проэктъ, составленный черниговской комиссіей „вполнѣ

---

[1]) Общее Положеніе 19 февр. 1861 г., ст. 42.
[2]) Тамъ же, ст. 40.
[3]) Журналъ № 8, 17 апрѣля.
[4]) Журналъ № 9, 11 мая.
[5]) Тамъ же, № 1 16 марта.
[6]) Тамъ же № 12, 18 мая.

согласнымъ съ установленными правилами и удовлетворяющимъ потребностямъ и удобствамъ жителей". Черниговскій уѣздъ предполагалось раздѣлить на 18 волостей, изъ которыхъ только двѣ были менѣе 400 душъ, одна въ 400, двѣ болѣе 1000, а остальныя между 600 и 900 душъ населенія. А. И. Лизогубъ смотрѣлъ вообще очень оптимистическими на проэкты уѣздныхъ коммиссій и въ первомъ своемъ заключеніи предрѣшалъ уже вопросъ. „Если, говорилъ онъ, встрѣчаются и по другимъ уѣздамъ встрѣтятся проэктированныя волости, не слишкомъ многолюдныя, то нельзя не предположить достаточныхъ къ тому причинъ, которыми руководствовались коммиссіи".

Дробленіе волостей и малолюдность ихъ А. И. Лизогубъ оправдывалъ слѣдующими соображеніями. „Въ Черниговской губерніи, даже въ мѣстностяхъ густо населенныхъ, почти постоянно встрѣчаются села разнопомѣстныя, гдѣ жители другихъ сословій равны и часто превышаютъ значительно численность крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Въ такихъ случаяхъ пространство между волостнымъ селеніемъ и причисленными къ нему вызываетъ установленіе волости менѣе многолюдной. Иногда, если селеніе, довольно значительное по населенію, принадлежитъ одному владѣльцу, естественно выявляется желаніе не только помѣщика, но и самыхъ крестьянъ имѣть свою отдѣльную волость. Это, добавлялъ А. И. Лизогубъ, мнѣ самому случилось испытать въ моемъ имѣніи сосницкаго уѣзда, гдѣ крестьянская громада пришла ко мнѣ съ просьбой ходатайствовать объ учрежденіи для этого селенія отдѣльной волости; а какъ то мое имѣніе причислено приходомъ къ другому селу, то крестьяне вызывались денежнымъ пожертвованіемъ для скорѣйшаго окончанія выстроенной тамъ мною каменной церкви, чтобы возобновить упраздненный приходъ. Такъ высоко цѣнятъ они— состоять въ отдѣльной самостоятельной волости...

Иныя селенія, по разстоянію, можно бы соединить въ одну волость, но тамъ встрѣчаются естественныя къ тому препятствія, каковы рѣки, во время разлитія которыхъ многія села и выселки лишились бы возможности участвовать на волостныхъ

сходахъ, на которыхъ обсуждаются и рѣшаются важные вопросы для всѣхъ большихъ и малыхъ селъ и поселковъ.

Наконецъ, въ настоящее время, въ самомъ началѣ введенія новаго порядка, новаго управленія и новыхъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ между собою и къ другимъ, волостнымъ старшинамъ и судамъ, предстоитъ много трудовъ, и выполненіе ихъ обязанностей можетъ быть осуществлено съ большимъ успѣхомъ и быстротою, если волостей будетъ больше; равно и для г.г. мировыхъ посредниковъ большее число волостныхъ старшинъ и судовъ послужитъ важнымъ облегченіемъ въ исполненіи ихъ многосложныхъ и трудныхъ обязанностей. При открытіи Палатъ Государственныхъ Имуществъ въ нашей губерніи было учреждено много волостныхъ и еще больше сельскихъ управленій; но мѣрѣ же водворенія новаго порядка, уразумѣнія жителями своихъ обязанностей, эти волости постепенно стягивались въ болѣе многолюдныя, и теперь въ нашей губерніи этихъ волостей очень мало, а сельскихъ правленій и вовсе нѣтъ. То-же можетъ произойти и съ волостями временно-обязанныхъ крестьянъ, но только по истеченіи нѣкотораго времени".

Мнѣнія А. И. Лизогуба о большей дробности волостей осталось, кажется, одинокимъ въ Присутствіи. Противъ него высказался рѣшительно кн. С. П. Голицынъ, затѣмъ Г. П. Галаганъ. Дѣленіе на волости, по мнѣнію кн. Голицына, для помѣщиковъ имѣетъ второстепенное, для крестьянъ же существенное значеніе, такъ какъ оно тѣсно связано съ ихъ ближайшими интересами, съ содержаніемъ волостной администраціи и пр. Относительно большій составъ волостей, какъ административныхъ и отвѣтственныхъ единицъ, вполнѣ совпадаетъ и съ видами самого правительства, такъ какъ гарантируетъ болѣе правильное выполненіе крестьянами общественныхъ обязанностей".

Утверждая, поэтому, проэктъ раздѣленія на волости черниговскаго уѣзда, Присутствіе, согласно предложенію кн. С. П. Голицына, предоставило право крестьянамъ ходатайство-

вать о соединеніи нѣсколькихъ волостей въ одну, и это не по одному только черниговскому, а по всѣмъ уѣздамъ губерніи.

Г. П. Галаганъ въ своихъ заключеніяхъ относительно проэкта раздѣленія на волости остерскаго уѣзеа исходилъ изъ началъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя высказывалъ А. И. Лизогубъ. „Дробныя волости, говорилъ онъ, сколько бы ни представляли удобствъ въ административномъ отношеніи, но эти удобства едва-ли во многихъ случаяхъ не парализуются тяжестью издержекъ, падающихъ, для содержанія должностныхъ лицъ по волости, на крестьянъ, столько уже терпящихъ отъ безденежья и обремененныхъ тяжелыми, въ сравненіи съ ихъ средствами, податьми. Дробить волости нельзя иначе, какъ съ величайшею осмотрительностью и въ крайнихъ случаяхъ". Поэтому Г. П. Галаганъ сократилъ число волостей въ остерскомъ уѣздѣ съ 7, проэктированныхъ коммиссіей, на 5, причемъ смолинская волость должна была заключать 484 души крестьянъ, олеинская—804, старогородская—1297, семиполковская—1417 душъ, гоголевская—784 души. Губернское Присутствіе согласилось съ докладомъ Г. П. Галагана [1]).

Вслѣдъ за черниговскимъ и остерскимъ проэктами стали поступать проэкты раздѣленія на волости и изъ другихъ уѣздовъ. Въ томъ же засѣданіи 22 мая былъ утвержденъ проэктъ суражскаго уѣзда, Г. П. Галаганъ взялъ разсмотрѣніе проэкта по конотопскому, а П. А. Васильчиковъ по козелецкому уѣздамъ, причемъ для того, чтобы ускорить дѣло, оба они рѣшили отправиться въ соотвѣтствующіе уѣзды и на мѣстѣ убѣдиться въ цѣлесообразности представленныхъ уѣздными коммиссіями проэктовъ [2]). Дальнѣйшее разсмотрѣніе проэктовъ распредѣленія на волости шло приблизительно въ такомъ порядкѣ: 26 мая былъ утвержденъ нѣжинскій проэктъ, 30 мая—кролевецкій [3]);

---

[1]) Журн. № 13, 22 мая.

[2]) Журн. № 15, 26 мая.

[3]) Журн. № 16, 30 мая. По кролевецкому уѣзду было два проэкта, одинъ съ раздѣленіемъ уѣзда на 20 волостей, другой—на 11; былъ утвержденъ послѣдній.

2 іюня—козелецкій, 5 іюня—борзенскій, городницкій, сосницкій, новозыбковскій, стародубскій, мглинской и конотопскій; 9 іюня были утверждены проэкты распредѣленій волостей въ уѣздахъ глуховскомъ и новгородсѣверскомъ, и такимъ образомъ эта важная часть подготовительной работы въ введенію Положеній 19 февраля была закончена.

Къ распредѣленію селеній на волости Губернское Присутствіе отнеслось добросовѣстно, старалось, по возможности, охранять интересы крестьянъ. Проэкты утверждались послѣ основательнаго и детальнаго разсмотрѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ, напр., по сосницкому, стародубскому, новозыбковскому и др. уѣздамъ подвергались довольно существеннымъ измѣненіямъ. При утвержденіи каждаго проэкта указывалось, что крестьяне имѣютъ право ходатайствовать объ измѣненіи волостей. Крестьяне воспользовались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ правомъ при самомъ же осуществленіи утвержденныхъ проэктовъ и этимъ вызывали иногда затрудненія. Въ мглинскомъ уѣздѣ, напр., они ходатайствовали о соединеніи варминской волости съ романовской. Мировой посредникъ, поэтому, не приводилъ и волостнаго старшину къ присягѣ. Губернское Присутствіе разъяснило, что мировой посредникъ долженъ сначала осуществить на практикѣ уже утвержденный проэктъ, а потомъ только принимать ходатайства, причемъ Присутствію должны быть представлены подробныя свѣдѣнія о согласіи на это волостей, какъ той, которая должна упразднится, такъ и той, къ которой упраздняемая волость присоединялась; вмѣстѣ съ этимъ необходимо было представить также свѣдѣнія о числѣ душъ преобразовываемыхъ волостей и о разстояніи отъ волостнаго правленія вновь проэктированной волости всѣхъ поселеній, которыя должны войти въ составъ ея. Подобный же случай имѣлъ мѣсто и въ новозыбковскомъ уѣздѣ, гдѣ турстенская волость, при самомъ открытіи своемъ, хотѣла присоединиться къ киваевской или бѣлоколодезской [1]).

---

[1]) Журн. № 26. 22 іюля.

Ходатайствовали о соединеніи волостей иногда и помѣщики; но Присутствіе всегда обусловливало такое соединеніе согласіемъ крестьянъ. Такъ было, напр., съ ходатайствомъ богатаго глуховскаго помѣщика Н. И. Неплюева, который просилъ присоединить с. Бѣлицы къ ямпольской, а с. Усокъ къ шостенской волости глуховскаго уѣзда [1]).

VII.

Ко времени утвержденія всѣхъ проэктовъ волостей были намѣчены уже и мировые участки, ихъ количество, а также лица, которыя соглашались принять на себя трудную и отвѣтственную роль мировыхъ посредниковъ. Предполагалось первоначально учредить 57 мировыхъ участковъ [2]), и лица, избранныя на должности мировыхъ посредниковъ 19 іюня были представлены губернаторомъ на утвержденіе Сената. 31 іюля послѣдовалъ указъ Сената объ ихъ утвержденіи, доложенный Губернскому Присутствію въ засѣданіи 17 августа. Къ концу года произошли уже нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи мировыхъ участковъ, а также въ самомъ личномъ составѣ мировыхъ посредниковъ, такъ что контингентъ ихъ можно считать окончательно установленнымъ только лишь къ концу 1861 года. [3])

---

[1]) Журн. № 41, 8 сентября.

[2]) Журналъ № 19, 6 іюня.

[3]) Въ *черниговскомъ* уѣздѣ было 4 мировыхъ участка. Мировыми посредниками были утверждены: по бобровицкому участку Ник. Ив. Савинъ; черниговскому—первоначально Алекс. Красовскій, а къ концу года Ив, Ал. Кобеляцкій; жукотскому—Петръ Петр. Исаевичъ, 1-й; задесенскому—Ник. Як. Дуброво. Въ *борзенскомъ* уѣздѣ—3 участка: парафіевскій—Вас. Петр. Ловцовъ; плисковскій—Ник. Гр. Кандыба; комаровскій—Никод. Никод. Карачевскій-Волкъ. Въ *мглиновскомъ* уѣздѣ—3 участка: тулиголовскій—Мих. Алек. Фонъ-деръ-Бриггенъ; ямпольскій—Мих. Ник. Карпѣка; есманскій—Дм. Гр. Лазаревичъ. Въ *городницкомъ* уѣздѣ—4 участка: дроздовицкій—Алек. Влад. Лизогубъ;

Положеніе мировыхъ посредниковъ на первыхъ порахъ было довольно таки затруднительнымъ. Имъ приходилось не только примѣнять Положенія 19 февраля, но и разъяснить ихъ темный

петровицкій—Петръ Лавр. Червинскій; алешнянскій—Фед. Фед. Линдфорсъ; любечскій—Ник. Ив. Миклашевскій. Въ *козелецкомъ* уѣздѣ—4 участка: старобасанскій—Серг. Петр. Якубовичъ; мостищскій—Вас. Петр. Брюхачевъ; чемерскій—Алекс. Вас. Шрамченко; новобасанскій—Ник. Аркад. Кочубей. Въ *конотопскомъ* уѣздѣ—3 участка: григоровскій—Конст. Петр. Тарновскій; конотопскій—Леонидъ Ив. Астафьевъ; куриловскій—Алекс. Гр. Кандиба. Въ *кролевецкомъ* уѣздѣ—4 участка: кролевецкій, или быстрицкій Вас. Арк. Кочубей; краснопольскій—Трофимъ Ильичъ Соломка; чеплѣевскій—Мих. Прокоф. Ворощенко; разлетовскій—Парменъ Андр. Марковичъ. Въ *мглинскомъ* уѣздѣ—5 участковъ: мглинской—Матвѣй Анаст. Скаржинскій; романовскій—Конст. Мих. Верига; кульневскій—Ив. Вас. Губчицъ; почепскій—Алекс. Мих. Туманскій; ивойтенскій—Мих. Егор. Страшковъ. Въ *новгородсѣверскомъ* уѣздѣ—4 участка: шептаковскій—Гавр. Вас. Короткевичъ; машевскій—кн. Алекс. Вас. Голицынъ; старогутнянскій—Степ. Степ. Псіолъ; очкинскій—Ив. Фед. Маевскій. Въ *новозыбковскомъ* уѣздѣ—5 участковъ: щербиницкій—Пав. Надѣинъ, къ концу года вакансія; радонежскій—Ив. Фед. Чарнолузскій, киваевскій—Прокоф. Вас. Немировичъ-Данченко, хоромецкій—Петръ Ив. Хомянскій; тимоновскій Алексѣй Гр. Средбольскій. Въ *нѣжинскомъ* уѣздѣ—3 участка: носовскій—Ник. Ник. Волжинъ; талалаевскій—Як. Ник. Почека; веркіевскій—Вас. Як. Макаровъ. Въ *остерскомъ* уѣздѣ—2 участка: старогородскій—Андр. Вас. Солонина и семиполковскій—Мих. Ник. Александровичъ. Въ *сосницкомъ* уѣздѣ—4 участка: александровскій—Ник. Ив. Товстолѣсъ; менскій—Мих. Мопс. Бобиръ; погорѣльскій—Николай Вас. Полторацкій; сосницкій—Ив. Матв. Марковичъ. Въ *стародубскомъ* уѣздѣ первоначально 3, къ концу года 4 участка: городищенскій—Сем. Ив. Навзоровъ; пантусовскій—Конст. Вл. Лайкевичъ, пануровскій, первоначально Фед. Хомянскій, а затѣмъ Дм. Андр. Марковичъ, юдиновскій—Иппол. Мих. Марковичъ. Въ *суражскомъ* уѣздѣ—4 участка: будянскій—Алекс. Евгр. Чернявскій; гордѣевскій—Вас. Вас. Перекрестовъ; лялицкій—Ник. Гр. Есимонтовскій; медвѣдовскій—первоначально Викторъ Раковичъ, но онъ не вступалъ въ должность, по болѣзни, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ Фомою Ив. Беневскимъ (Журн. Присут. № 33, 12 августа и Памятная книжка черниговъ. губ. на 1862 г.).

и подъ часъ запутанный смыслъ крестьянамъ. На этотъ счетъ Губернское Присутствіе совѣтовало „избѣгать разъясненія отдѣльныхъ статей Положенія, такъ какъ, не говоря уже о возможности превратнаго пониманія такихъ разъясненій, въ общемъ отвлеченномъ, такъ сказать, разъясненіи невозможно предвидѣть всѣхъ могущихъ соединяться на практикѣ случайностей; изъясненіе же подлиннаго смысла, какъ отдѣльныхъ статей, такъ и всей ихъ совокупности, можетъ быть дѣлаемо съ большею пользою при примѣненіи законоположеній къ отдѣльнымъ случаямъ".

Обращаясь затѣмъ къ выясненію вопроса о значеніи мировыхъ посредниковъ, Губернское Присутствіе подчеркивало, что „должность мирового посредника не составляетъ собою административно-начальствующей инстанціи". Положеніе мирового посредника, по закону, самостоятельно, независимо отъ административныхъ учрежденій. „Мировой посредникъ есть лицо, дѣйствующее только по призыву одной изъ сторонъ, между которыми возникаютъ недоразумѣнія или несогласія". При своемъ вступленіи въ должность, мировой посредникъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ всѣхъ жителей своего участка и затѣмъ избѣгать всякихъ общихъ распоряженій, не вызываемыхъ требованіемъ съ чьей-либо стороны. [1])

Для рѣшенія разныхъ споровъ, недоразумѣній и жалобъ, возникавшихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; для разбора жалобъ крестьянъ и обществъ на волостные суды и волостныхъ должностныхъ лицъ, а также для того, чтобы предпринимать разныя распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ, которыя выходили изъ компетенціи мировыхъ посредниковъ—были учреждены мировые съѣзды. [2]) Они состояли, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ,

---

[1]) Журналъ № 13, 22 мая.

[2]) Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежден. ст. 105—108.

а также, изъ особыхъ членовъ отъ правительства, которыхъ полагалось отъ 2 до 4-хъ на губернію, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Избраніе лицъ въ эти должности предоставлялось губернаторамъ. Мировые съѣзды должны были собираться въ назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ уѣздномъ городѣ или селѣ, смотря по роду дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію. Неприбытіе въ засѣданіе съѣзда члена отъ правительства не останавливало дѣйствій съѣзда, если присутствіе состояло не менѣе, какъ изъ 3 членовъ. [1])

Какое число мировыхъ съѣздовъ необходимо было для черниговской губерніи?

Съѣздъ, по закону, могъ быть учрежденъ въ каждомъ уѣздѣ. Губернатору предоставлялось при этомъ право, по совѣщанію съ дворянствомъ, открывать мировые съѣзды на два и болѣе смежныхъ уѣзда, если онъ находилъ это, по мѣстнымъ условіямъ, полезнымъ. [2])

Губернскій предводитель дворянства Н. П. Бороздна, который взялся въ Губернскомъ Присутствіи разработать этотъ вопросъ, [3]) высказался за соединеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ въ одинъ мировой съѣздъ. [4]) Онъ же предлагалъ назначить для каждаго съѣзда не болѣе семи засѣданій въ году, по пяти лѣтомъ и по два зимою и ограничить засѣданія каждаго съѣзда семью днями. Засѣданія должны были, по этому проэкту, происходить въ дни мѣсяцевъ, напередъ назначеные. [5]) Присутствіе препроводило доклады Н. П. Бороздны уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просило ихъ высказать свои замѣчанія.

Отвѣты предводителей были, получены приблизительно черезъ полтора мѣсяца и обсуждались Присутствіемъ вмѣстѣ съ докла-

---

[1]) Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежд. ст. 97—104.

[2]) Тамъ же, примѣчаніе къ 97 ст.

[3]) Журналъ № 3, 27 марта.

[4]) Журналъ № 9, 11 мая.

[5]) Журналъ № 28, 24 іюля.

домъ Бороздны 28 іюля. Сводятся они къ тремъ категоріямъ. Шесть предводителей, а именно: черниговскій, конотопскій, кролевецкій, новозыбковскій, нѣжинскій и стародубскій нашли проэктъ Н. П. Бороздны очень удобнымъ и не требующимъ измѣненій. Предводители пяти уѣздовъ: козелецкаго, мглинскаго, остерскаго, сосницкаго и суражскаго ограничились нѣсколькими несущественными замѣчаніями, въ родѣ распредѣленія засѣданій между лѣтомъ и зимой, мѣстопребыванія соединеннаго съѣзда, продолжительности засѣданій его и т. п. Зато уѣздные предводители борзенскій, глуховской, городницкій и новгородсѣверскій оспаривали проэктъ Н. П. Бороздны въ корнѣ. Наиболѣе полныя и существеннѣйшіе возраженія противъ него представилъ городницкій предводитель дворянства А. П. Бакуринскій. [1]) Такъ какъ возраженія эти, въ значительной своей долѣ, объединяютъ замѣчанія и остальныхъ четырехъ предводителей дворянства, то на нихъ мы преимущественно и остановимся.

Принятые въ проэктѣ Н. П. Бороздны основанія, по мнѣнію А. П. Бакуринскаго, „не соотвѣтствуютъ сущности дѣла и разуму самого учрежденія“. Какъ бы ни были усердны мировые посредники, они не въ состояніи, особенно въ первое время, при новости дѣла, устранить возможность поступленія на ихъ рѣ-

---

[1]) Уѣзднымъ предводителямъ дворянства была предоставлена первостепенная роль въ крест. реформѣ 19 февр. 1861 г. Сообщаемъ, поэтому, списокъ уѣздныхъ предводителей дворянства черниговской губерніи въ 1861 году: черниговскій—Ив. Ник. Дурново; борзенскій—Конст. Алексѣев. Гамалѣя; глуховской—Влад. Ив. Туманскій; городницкій—Алекс. Петр. Бакуринскій; козелецкій—Ник. Дм. Барановскій; конотопскій—Петръ Гр. Кандиба; кролевецкій—Ник. Мих. Дурново; мглинской—графъ Алекс. Мих. Гудовичъ; новгородсѣверскій—графъ Карлъ Людвиговичъ Шуленбургъ; новозыбковскій—Петръ Никол. Немировичъ-Данченко; нѣжинскій—Яковъ Матв. Почека; остерскій—Мих. Никол. Александровичъ; сосницкій въ 1861 г. Григ. Ильичъ Марковичъ, въ 1862 г. Мих. Иван. Сахновскій, стародубскій—Григ. Сем. Щегловитовъ; суражскій—кн. Алекс. Григорьевичъ Баратовъ.

шенія жалобъ въ мировые съѣзды. Послѣдніе, „какъ коллегіальный гласный судъ, будутъ представлять для тяжущихся въ дѣлахъ судебно-полицейскаго разбирательства болѣе гарантіи, нежели единоличное мнѣніе мирового посредника". Мировымъ съѣздамъ предстоитъ много вообще работы, если принять во вниманіе количество дѣлъ, которыя не могутъ быть рѣшены единоличною властью мировыхъ посредниковъ или вовсе не входятъ въ кругъ ихъ отдѣльной власти. Засѣданія каждаго съѣзда, безъ сомнѣнія, должны быть, срочныя; но продолжительность ихъ должна зависѣть отъ количества накопившихся дѣлъ, а мѣсто засѣданія должно избираться въ той мѣстности, гдѣ возникли дѣла наибольшей важности. „При томъ, прибавляетъ предводитель, опредѣленіе мѣста и времени собранія съѣздовъ самимъ закономъ [1]) предоставлено взаимному соглашенію членовъ мирового съѣзда, и потому отнюдь не подлежитъ предположеннымъ стѣснительнымъ ограниченіямъ и предрѣшеніямъ Губернскаго Присутствія. Ни протяженіе нѣкоторыхъ уѣздовъ, при значительномъ числѣ нѣкоторыхъ имѣній и водворенныхъ въ нихъ крестьянъ, ни географическое ихъ положеніе не оправдываютъ соединенія двухъ уѣздовъ, въ цѣломъ ихъ составѣ, въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда; тогда какъ живость мѣстнаго интереса дѣла для помѣщиковъ и крестьянъ и разнообразіе требуемыхъ для его устройства мѣстныхъ же занятій, и, наконецъ, сложившаяся въ теченіе долгаго времени отдѣльность мѣстнаго уѣзднаго управленія, съ его выборными должностными лицами, по преимуществу довѣрія своихъ избирателей, противорѣчатъ соединенію двухъ уѣздовъ въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда".

Н. П. Бороздна выставлялъ въ своемъ проэктѣ то соображеніе, что при осуществленіи его, члены отъ правительства будутъ имѣть постоянныхъ занятій только по 147 дней въ годъ каждый. А. П. Бакунинскій рѣзко нападаетъ на это: „не полезнѣе ли будетъ, говоритъ онъ, чтобы члены отъ правительства были болѣе или менѣе заняты, положимъ и 200 дней въ годъ,

[1]) Полож. о губ. и уѣзд. учрежден. ст. 98, примѣчаніе.

но мировые съѣзды, оставаясь отдѣльнымъ для каждаго уѣзда учрежденіемъ, могли спѣшнѣе, тверже и разумнѣе вести важное дѣло общественнаго и поземельнаго устройства крестьянъ, тѣмъ болѣе, что самый законъ [1]) предвидѣлъ и установилъ что неприбытіе въ мировой съѣздъ члена отъ правительства не останавливаетъ дѣйствій съѣзда?"

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній городницкій предводитель дворянства полагалъ необходимымъ учредить мировые съѣзды въ каждомъ уѣздѣ. Въ дальнѣшемъ опытъ уже покажетъ, возможно или нѣтъ соединеніе нѣсколькихъ уѣздовъ въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда? Отъ правительства должны быть назначены три чиновника. На долю каждаго придется по шести уѣздовъ. На уѣздъ, такимъ образомъ, они будутъ имѣть возможность посвящать по 2 мѣсяца въ году—„время, вполнѣ достаточное для исполненія ихъ обязанностей правительственнаго надзора". Ограниченія въ срокахъ засѣданій и во времени собраній съѣздовъ не должно быть, такъ какъ это противорѣчитъ закону.

Таковы, въ общемъ, были замѣчанія и предложенія городницкаго предводителя дворянства. Борзенскій предводитель дворянства, отстаивая необходимость учрежденія съѣзда въ каждомъ уѣздѣ, указывалъ на то, что, при соединеніи нѣсколькихъ уѣздовъ, дальность разстоянія будетъ препятствовать крестьянамъ обжаловать въ съѣздѣ рѣшенія мировыхъ посредниковъ; глуховской выставлялъ на видъ затрудненія для мировыхъ посредниковъ посѣщать соединенныя засѣданія съѣзда; новгородсѣверскій въ своихъ замѣчаніяхъ соединялъ возраженія борзенскаго и глуховского предводителей. [2])

---

[1]) Полож. о губ. и уѣздн. учрежд. ст. 100.

[2]) Въ журналѣ 28 іюля къ послѣдней категоріи отвѣтовъ уѣздныхъ предводителей отнесенъ и отвѣтъ суражскаго предводителя дворянства кн. Баратова. Мы считаемъ это ошибочнымъ. Кн. Баратовъ, по существу, ничего не возражалъ противъ проекта Н. П. Бороздны. Онъ сдѣлалъ только замѣчанія о невозможности назначать за-

Предсѣдатель Присутствія кн. Голицынъ вполнѣ присоединился къ замѣчаніямъ тѣхъ предводителей дворянства, которые отстаивали необходимость учрежденія мировыхъ съѣздовъ въ каждомъ уѣздѣ. Съ ними согласилось и Губернское Присутствіе. Одинъ остерскій уѣздъ былъ только соединенъ съ козелецкимъ; въ каждомъ же изъ остальныхъ уѣздовъ были учреждены свои особые мировые съѣзды. Сроки засѣданій съѣздовъ и ихъ продолжительность не опредѣлялись заранѣе на цѣлый годъ; устанавлялась только извѣстная очередь въ засѣданіяхъ съѣздовъ по уѣздамъ, въ виду предоставленія возможности принимать въ нихъ участіе членамъ отъ правительства. Для установленія очереди уѣздные предводители дворянства должны были, по совѣщанію съ мировыми посредниками, представить свои соображенія губернатору. Они же должны были входить къ нему съ представленіемъ и о назначеніи каждаго съѣзда [1]). Къ концу 1861 года пришли, впрочемъ, къ заключенію о необходимости установить постоянные сроки для засѣданій съѣздовъ. На 1862 годъ такіе сроки были утверждены въ засѣданіи Губернскаго Присутствія 30 декабря 1861 г. [2]) Объ этихъ срокахъ было

сѣданія съѣзда въ Суражѣ весной; объ ограниченіи засѣданій съѣзда не 7, а 5 днями и о перечисленіи нѣкоторыхъ волостей изъ вѣдѣнія новозыбковскаго въ вѣдѣніе мглинско-суражскаго съѣзда.

[1]) Журналъ № 28, 28 іюля.

[2]) Журналъ № 77, 30 декабря, стр. 6. Сроки засѣданій съѣздовъ, по отдѣльнымъ уѣздамъ, были установлены такимъ образомъ: по черниговскому—3 февраля, 3 апрѣля, 3 іюня, 3 августа, 3 октября и 3 декабря; по борзенскому—25 числа, чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по глуховскому—2 числа каждаго мѣсяца; по козелецкому и остерскому—22 января, 22 февраля, 22 марта, 18 апрѣля, 22 мая, 8 іюня, 22 августа, 22 сентября, 22 октября, 22 ноября и 19 декабря; по конотопскому—чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ 10 февраля; по кролевецкому—17 числа каждаго мѣсяца, начиная съ февраля; по мглинскому—10 числа каждаго мѣсяца; по новгородсѣверскому—9 числа каждаго мѣсяца; по новозыбковскому—20 числа чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по нѣжинскому—12 числа чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по

затѣмъ сообщено помѣщикамъ и волостнымъ правленіямъ, для всеобщаго свѣдѣнія.

Что касается мѣста засѣданій съѣздовъ, то опредѣленіе его было предоставлено взаимному соглашенію самихъ членовъ. Большею частью съѣзды собирались въ уѣздныхъ городахъ.

Членовъ отъ правительства для участія въ засѣданіяхъ съѣздовъ было назначено не три, какъ предлагалъ А. П. Бакунинскій, а четыре. Кн. С. П. Голицынъ находилъ такое число необходимымъ, „принимая въ соображеніе число уѣздовъ и вообще мѣстныя условія черниговской губерніи". Представленныхъ кн. Голицынымъ кандидатовъ въ члены отъ правительства министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ 4 іюля. То были: Никифоръ Филимоновичъ Лузгановъ, Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, Петръ Григорьевичъ Борсукъ и Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. 15 іюля объ ихъ назначеніи было доложено Губернскому Присутствію. [1])

Губернаторъ распредѣлилъ между ними уѣздные съѣзды такимъ образомъ: Н. Ф. Лузгановъ долженъ былъ присутствовать въ съѣздахъ—новозыбковскомъ, суражскомъ и мглинскомъ; А. В. Марковичъ—въ стародубскомъ, новгородсѣверскомъ и глуховскомъ; А. М. Лазаревскій—въ кролевецкомъ, конотопскомъ, сосницкомъ и борзенскомъ и П. Г. Борсукъ—въ городницкомъ, черниговскомъ, нѣжинскомъ и козелецко-остерскомъ. [2])

сосницкому—2 числа чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по стародубскому—16 числа каждаго мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы засѣданія происходили попеременно въ уѣздномъ городѣ Стародубѣ и въ заштатномъ городѣ Погарѣ. (Первое засѣданіе 16 января имѣло быть въ Стародубѣ); по суражскому—одинъ разъ чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ 15 февраля. По городницкому уѣзду сроки не были установлены, такъ какъ къ 30 декабря не были получены по этому поводу соображенія отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

[1]) Журн. № 24, 15 іюля 1861 г. и № 28, 24 іюля.

[2]) Журн. № 37, 21 августа.

VIII.

Наряду съ организаціей учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніи, шла работа Губернскаго Присутствія по разрѣшенію цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ введеніемъ уставныхъ грамотъ. Среди нихъ введеніе въ предѣлахъ Малороссіи великороссійскаго положенія занимало первое мѣсто.

Великороссійское положеніе, по закону, разрѣшалось вводить въ тѣхъ имѣніяхъ новозыбковскаго, суражскаго, мглинскаго, стародубскаго, новгородсѣверскаго и глуховского уѣздовъ черниговской губерніи, въ которыхъ всѣ тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность. [1]) Замѣна малороссійскаго положенія великороссійскимъ въ этихъ уѣздахъ могла послѣдовать не иначе, какъ „по обоюдному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ". [2]) Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе отступило отъ этого принципа въ самомъ уже началѣ своей дѣятельности.

Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая въ Присутствіе поступили представленія уѣздныхъ предводителей дворянства стародубскаго, новозыбковскаго и суражскаго о введеніи въ ихъ уѣздахъ повсемѣстно великороссійскаго положенія. [3])

Губернское Присутствіе вмѣсто того, чтобы осторожно и внимательно отнестись къ этимъ представленіямъ, обсудить ихъ должнымъ образомъ, сразу же рѣшило вопросъ принципіально. Дѣло въ томъ, что въ харьковской губерніи также разрѣшалось вводить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ великороссійское положеніе; но тамъ это не было поставлено въ зависимость отъ обо-

---

[1]) Великороссійское Положеніе ст. 1-я, прим. 2-е. Малоросс. Полож. ст. 3.

[2]) Малоросс. Полож. ст. 2.

[3]) Отъ стародубскаго предводителя 16 апрѣля № 315, новозыбковскаго 18 апрѣля № 156, суражскаго 6 мая № 345 (Журналъ № 9, 11 мая).

юднаго согласія помѣщиковъ и крестьянъ. Харьковскому Губернскому Присутствію было предоставлено право, по своему усмотрѣнію, объявлять въ той или другой мѣстности господствующимъ великороссійское или малороссійское положеніе, и всѣ должны были безпрекословно подчиняться этому. Согласія на это со стороны помѣщиковъ и крестьянъ, а также утвержденія мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ не требовалось. [1]) Черниговское Губернское Присутствіе не имѣло такой власти. Оно могло только частично вводить великороссійское положеніе въ шести поименованныхъ въ Положеніи сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, да и то по обоюдному, какъ мы видѣли, соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ. Помѣщики, между тѣмъ, просили сдѣлать великороссійское положеніе обязательнымъ, ввести его повсемѣстно. Ихъ претензіи готово было удовлетворить и Губернское Присутствіе. По точному смыслу закона, говорится по этому поводу въ журналѣ 11 мая 1861 года, „Черниговскому Губернскому Присутствію не присвоено права замѣнять принципъ обоюднаго соглашенія повсемѣстнымъ, обязательнымъ для крестьянъ введеніемъ великороссійскаго положенія. Но съ другой стороны, признавая вполнѣ уважительными причины, приведенныя предводителями означенныхъ трехъ уѣздовъ, Губернское Присутствіе предоставило предсѣдателю войти по объясненному вопросу съ представленіемъ къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ полученія подобнаго ходатайства отъ мглинскаго, новгородсѣверскаго и глуховского уѣздовъ, распространить эту мѣру на эти уѣзды“. [2]) На этомъ Присутствіе, впрочемъ, не остановилось. Въ засѣданіи своемъ 17 мая оно постановило ходатайствовать о предоставленіи ему такого же права, какое было у Харьковскаго Присутствія, т. е., по своему усмотрѣнію, вводить повсемѣстно великороссійское или малороссійское положеніе. [3]) По-

---

[1]) Малоросс. Полож. ст. 2-я.

[2]) Журн. Присутствія № 11, 17 мая.

[3]) Журналъ № 13, 22 мая. «Присутствіе опредѣлило: предоставить предсѣдателю войти къ г. управляющему министерствомъ вну-

добный вопросъ могъ быть рѣшенъ, конечно, только въ законодательномъ порядкѣ; но управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не увидѣлъ въ этомъ „настоятельной необходимости“. [1])

Неудача ходатайства Черниговскаго Губернскаго Присутствія въ министерствѣ внутр. дѣлъ мало измѣнила дѣло по существу. Великорусское положеніе было, все-таки, введено помимо соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами повсемѣстно, въ уѣздахъ стародубскомъ, новозыбскомъ, мглинскомъ, и новгородсѣверскомъ. Современникъ говоритъ по этому поводу: „дѣло это (т. е. введеніе великороссійскаго положенія) велъ въ губерніи членъ отъ правительства И. Г. Есимонтовскій. Будущій историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи разскажетъ эпизодъ объ обязательномъ введеніи въ ней великороссійскаго положенія, при чемъ, вѣроятно, окажется, что повсемѣстному (въ названныхъ пяти уѣздахъ) введенію его едва-ли было мѣсто.“ [2])

По оффиціальному источнику, которымъ располагаемъ мы, трудно судить о значеніи того или другого лица въ проведеніи крестьянской реформы на мѣстѣ. Но нѣсколько указаній на роль И. Г. Есимонтовскаго въ вопросѣ о примѣненіи великороссій-

---

треннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о предоставленіи Присутствію права, согласно п. 2, прим. 1 къ ст. 1 великороссійскаго положенія, признать въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи господствующимъ одно изъ двухъ мѣстныхъ положеній (великороссійское или малороссійское) и въ дальнѣйшемъ примѣненіи этого права руководствоваться п.п. 2, 3 и 4 ст. 2 мѣст. малоросс. полож.».

[1]) Журналъ № 23, 13 іюля 1861 г.

[2]) Кіев. Стар. 1901 г. т. LXXII, мартъ, стр. 262 *А. Л. Отрывки изъ черниговскихъ воспоминаній.* Эти полные живаго интереса воспоминанія современника и участника крестьянской реформы въ черниговской губерніи, такъ сказать одухотворяютъ сухой перечень оффиціальныхъ данныхъ, сообщаемыхъ нами, освѣщаютъ ихъ должнымъ образомъ, объясняютъ. Для историка крестьянской реформы въ черниговской губерніи воспоминанія г. А. Л. должны послужить путеводной нитью для выясненія цѣлаго ряда интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ крестьянской реформой въ черниговской губ.

скаго положенія въ черниговской губерніи есть и въ журналахъ Губернскаго Присутствія. Онъ напр., взялъ на себя составленіе представленія министру внут. дѣлъ о повсемѣстномъ введеніи этого положенія. [1]) Проектъ представленія былъ имъ прочитанъ въ засѣданіи 17 мая, но окончательная редакція его отложена была до полученія ходатайства отъ мглинскаго предводителя дворянства, такъ какъ И. Г. Есимонтовскій заявилъ, что мглинское дворянство, какъ и новозыбковское, стародубское и суражское, о которыхъ шла рѣчь въ этомъ засѣданіи, рѣшило ходатайствовать о повсемѣстномъ введеніи въ мглинскомъ уѣздѣ великороссійскаго положенія. [2]) Въ засѣданіи 22 мая было прочитано и это ходатайство. Тогда же былъ окончательно принятъ и проектъ представленія управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. [3])

Въ засѣданіи Губернскаго Присутствія 26 мая участвовали стародубскій предводитель дворянства Г. С. Щегловиговъ и мировой посредникъ тимоновскаго участка новозыбковскаго уѣзда А. Г. Сребдольскій. Когда предсѣдатель обратилъ ихъ вниманіе на ходатайство Присутствія, согласно съ представленіемъ мглинскаго дворянства, о повсемѣстномъ введеніи великороссійскаго положенія въ сѣверныхъ уѣздахъ, они замѣтили, что „хотя между желаніемъ, выраженнымъ дворянствомъ ихъ уѣздовъ и между ходатайствомъ мглинскаго дворянства есть нѣкоторый оттѣнокъ, но они съ своей стороны полагаютъ, что разрѣшеніе вопроса о введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ того или другого положенія въ томъ смыслѣ, въ которомъ предположено Присутствіемъ сдѣлать представленіе высшему правительству, также въ нѣкоторой степени можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній ихъ уѣздовъ.“ [4])

---

[1]) Журн. № 9, 11 мая.
[2]) Журналъ № 11, 17 мая.
[3]) Журналъ № 13, 22 мая.
[4]) Журналъ № 15, 26 мая.

Намъ неизвѣстны подлинныя представленія предводителей дворянства Губернскому Присутствію, и мы, поэтому, не можемъ воспроизвести здѣсь тѣ различные оттѣнки въ ходатайствахъ, о которыхъ говорили и Г. С. Щегловитовъ и А. В. Средбольскій. Изъ журналовъ Присутствія мы только знаемъ, что основаніемъ для введенія великороссійскаго положенія въ четырехъ только что поименованныхъ уѣздовъ у дворянства служили слѣдующія соображенія, принятыя потомъ и Губернскимъ Присутствіемъ:

1) „Въ мглинскомъ, стародубскомъ, суражскомъ и новозыбковскомъ уѣздахъ вовсе не существуетъ раздѣленія рабочихъ на тяглыхъ и пѣшихъ, потому что обработка земли сохою и пріобрѣтеніе крестьянами рабочаго скота (лошадей) не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ что пѣшій работникъ составляетъ случайное исключеніе.

2) Всѣ крестьяне, являясь на работу, пѣшіе или конные, по усмотрѣнію помѣщика, пользуются одинаковымъ поземельнымъ надѣломъ и отбываютъ одинаковыя повинности; подворное же или участковое пользованіе землею, составляющее одно изъ коренныхъ началъ малороссійскаго хозяйственнаго устройства, существуетъ, какъ рѣдкое исключеніе.

3) Поземельный надѣлъ крестьянъ нерѣдко подвергается передѣламъ, по желанію самыхъ крестьянъ, что также несовмѣстно съ хозяйственнымъ устройствомъ малороссійскимъ.

4) При введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи мѣстнаго малороссійскаго положенія, несоотвѣтствующаго условіямъ мѣстнаго хозяйства, должно будетъ послѣдовать коренное измѣненіе въ установившемся обычномъ пользованіи землею.

5) Безземельные крестьяне, если въ означенныхъ выше уѣздахъ будетъ примѣнено мѣстное малороссійское положеніе, будутъ имѣть надежду на одни добавочные участки, состоящіе изъ неудобренной запольной пашни, безъ конопляниковъ, между тѣмъ какъ, по характеру мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, каждое тягло должно быть надѣлено конопляникомъ, ближайшею полевою землею, получающею удобреніе, и землею дальнѣйшею.

Отсюда само собой обнаруживается то безвыходное состояніе безземельныхъ крестьянъ, въ которое они будутъ поставлены при полученіи добавочныхъ участковъ".[1])

Кромѣ четырехъ уѣздовъ, о которыхъ шла рѣчь выше, допускалось введеніе великороссійскаго положенія еще въ уѣздахъ новгородсѣверскомъ и глуховскомъ.

Ходатайство объ этомъ новгородсѣверскаго дворянства разсматривалось въ засѣданіи Присутствія 9 іюня. Въ этомъ засѣданіи присутствовалъ и новгородсѣверскій предводитель дворянства графъ К. Л. Шуленбургъ. Сущность его представленія заключалась въ томъ, чтобы признать великороссійское положеніе господствующимъ въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, съ предоставленіемъ, впрочемъ, свободнаго выбора тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые бы захотѣли устроить свои отношенія съ крестьянами по положенію малороссійскому.

Основанія, выставленныя гр. Шуленбургомъ, въ пользу своего ходатайства, были слѣдующія:

1) „Хотя равномѣрный, собственно тягловой надѣлъ угодій и отбываніе по нему одинаковой повинности въ пользу помѣщика введены въ немногихъ только имѣніяхъ, и то въ позднѣйшее время, гдѣ земли уже правильно разбиты на десятины, но во всѣхъ владѣніяхъ крестьяне, надѣленные покосами, издревле отбывали и отбываютъ издѣльную повинность, хотя и съ душъ, но съ одиночною запряжкою.

2) Въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне пользуются не пѣшимъ только усадебнымъ и полевымъ надѣломъ, но и покосами, который (?) и даетъ право на требованіе отъ нихъ подворной повинности.

3) Крестьяне въ случаѣ спѣшенія (т. е. если они дѣлаются пѣшими) какого-либо домохозяина, отбираютъ отъ него пахати, по случаю неспособности его нести конную или воловую повинность и возвращаютъ лишь по пріобрѣтеніи имъ хорошаго скота.

---

[1]) Журналъ № 13, 22 мая.

4) Существующій въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ хозяйственный порядокъ совершенно похожъ на тотъ, какой существуетъ въ сосѣдней съ нимъ орловской губерніи".

Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ доводами гр. Шуленбурга, и его ходатайство было удовлетворено. Новгородсѣверскій уѣздъ былъ поставленъ въ ряду тѣхъ, гдѣ господствующимъ признавалось великороссійское положеніе. [1])

Что касается дворянства глуховского уѣзда, то оно не возбуждало вопроса о введеніи повсемѣстно въ уѣздѣ великороссійскаго положенія. Господствующимъ въ немъ осталось, поэтому, положеніе малороссійское; великороссійское же вводилось въ видѣ исключенія.

8 августа мировой посредникъ есманскаго участка Д. Г. Лазаревичъ сдѣлалъ представленіе о томъ, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ ходатайствуютъ о введеніи въ ихъ имѣніяхъ великороссійскаго положенія. Мировой посредникъ находилъ эти ходатайства основательными, а потому заслуживающими удовлетворенія. Въ отзывахъ своихъ владѣльцы заявили, что въ ихъ имѣніяхъ существуетъ тягловая система, всѣ тягла получаютъ одинаковый надѣлъ и отбываютъ одинаковую повинность: „Всѣ эти имѣнія составляютъ непрерывную смежность или съ пограничными великороссійскими уѣздами: рыльскимъ, путивльскимъ и сѣвскимъ, или между собой; обработка земли производится въ нихъ легко и повсемѣстно одноконною сохою; вся мѣстность или юго-восточная часть уѣзда, заключая въ себѣ дачи всѣхъ этихъ селеній, составляетъ непрерывное черноземное пространство земли".

На представленіе Д. Г. Лазаревича, Губернское Присутствіе указало, что введеніе великороссійскаго положенія можетъ послѣдовать только по обоюдному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ, а если согласія нѣтъ, то окончательно дѣло рѣшается мировымъ съѣздомъ. [2]) Д. Г. Лазаревичъ почему-то очень

---

[1]) Журналъ № 21, 9 іюня.

[2]) Журн. № 34, 14 августа.

торопился съ разрѣшеніемъ вопроса о введеніи въ его участкѣ великороссійскаго положенія. 23 августа, чрезъ 15, значитъ, дней, не получая отвѣта отъ Губернскаго Присутствія, онъ снова повторилъ свое ходатайство, [1]) хотя въ это время вопросъ, какъ мы знаемъ, былъ уже разрѣшенъ. Получивъ журналъ Присутствія, мировой посредникъ нашелъ въ немъ противорѣчіе съ циркуляромъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что когда Губернское Присутствіе сдѣлало представленіе о повсемѣстномъ введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійскаго положенія, министерство не нашло возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ законодательнымъ путемъ, и управляющій министерствомъ напомнилъ при этомъ порядокъ введенія великороссійскаго положенія, какой былъ уже опредѣленъ закономъ 19 февраля. Въ циркулярѣ своемъ онъ только выразился, что въ случаѣ отсутствія согласія между помѣщиками и крестьянами, великороссійское положеніе вводится по окончательному рѣшенію мирового посредника. [2]) Здѣсь-то Д. Г. Лазаревичъ и увидѣлъ противорѣчіе съ журналомъ Присутствія. Послѣднее, очевидно, боясь рѣшеніе вопроса такой первостепенной важности предоставить усмотрѣнію единоличной власти посредника—говорило вмѣсто мирового посредника о мировомъ съѣздѣ.

По этому поводу Д. Г. Лазаревичъ возбудилъ вопросъ, долженъ ли посредникъ представлять мировому съѣзду всѣ данныя по ходатайствамъ о введеніи великороссійскаго положенія, не дѣлая никакого заключенія, или же постановивъ собственное рѣшеніе и объявивъ его помѣщику и крестьянамъ, предоставить недовольной сторонѣ жаловаться въ мировой съѣздъ въ опредѣленный срокъ?

Интересно опредѣленіе Губернскаго Присутствія въ отвѣтъ на это представленіе. Мы приводимъ его цѣликомъ. „Какъ предписаніе г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 27 іюня съ № 2243, такъ и опредѣленіе Губернскаго При-

---

[1]) Журн. № 40, 1 сентября.

[2]) Журн. № 23, 13 іюля.

сутствія, изложенное въ журналѣ № 34, ссылаясь на однѣ и тѣ же статьи, не могутъ оставлять сомнѣнія относительно надлежащаго ихъ смысла. Что касается второго, предложеннаго г. посредникомъ вопроса, то, представляя въ мировой съѣздъ частныя ходатайства о введеніи великороссійскаго положенія, мировой посредникъ, безъ сомнѣнія, долженъ представить всѣ тѣ данныя, которыя необходимы будутъ съѣзду для правильности рѣшенія дѣла; постановлять же по дѣламъ подобнаго рода свое рѣшеніе, а тѣмъ болѣе объявлять его владѣльцу и крестьянамъ съ предоставленіемъ только недовольной сторонѣ права жалобы въ опредѣленный срокъ мировому посреднику не слѣдуетъ". [1]) Губернское Присутствіе осталось, такимъ образомъ, вѣрно своему первоначальному постановленію, предоставивъ окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса коллективному учрежденію.

Кажется, впрочемъ, и это далеко не всегда гарантировало полную осторожность при введеніи великороссійскаго положенія въ Малороссіи.

Въ засѣданіи мирового съѣзда 2 сентября въ г. Глуховѣ мировой посредникъ ямпольскаго участка М. Н. Карпѣка представилъ на разрѣшеніе слѣдующій случай. Въ имѣніи одного помѣщика его участка крестьяне отбывали повинность по тягламъ; но были и такіе, которые имѣли по полтягла. Какое положеніе слѣдовало примѣнить въ такомъ имѣніи, великороссійское или малороссійское? Мировой посредникъ склонялся къ великороссійскому положенію. „Когда повинность отбывается крестьянами отъ тягла и полутягла одинаково (отдѣльно по каждому виду)—говорилъ онъ—и надѣлъ тягла и полутягла тоже одинаковъ, то такое хозяйство слѣдуетъ признавать великороссійскимъ, ибо, сколько ему извѣстно, по имѣніямъ великороссійскимъ тоже существуютъ хозяйства, гдѣ имѣются тягла и полутягла; послѣдніе отбываются пѣшими рабочими."

Мировой съѣздъ согласился съ мнѣніемъ посредника, но, не имѣя яснаго указанія на подобные случаи въ законѣ, рѣ-

---

[1]) Журн. № 43, 19 сентября.

шилъ не приводить своего постановленія въ исполненіе, а представить его предварительно на разрѣшеніе Губернскаго Присутствія. Двое изъ членовъ мирового съѣзда, мировой посредникъ тулиловскаго участка М. А. Фонъ-деръ-Бриггенъ и членъ отъ правительства А. В. Марковичъ, высказали при этомъ такое соображеніе: „было бы, по ихъ мнѣнію, отступленіемъ отъ Положенія—расширять предѣлы права на введеніе въ нѣкоторыя имѣнія глуховского уѣзда великороссійскаго положенія, такъ какъ право это не распространяется на всѣ виды тягольнаго хозяйства, а только на такой его видъ, въ которомъ всѣ тягла получаютъ одинаковый надѣлъ и отбываютъ одинаковую повинность, какъ это категорически выражено въ ст. 3-й малороссійскаго Положенія".

Губернское Присутствіе нашло, что указанный ямпольскимъ посредникомъ характеръ хозяйственнаго устройства не могъ служить достаточнымъ основаніемъ къ обязательному для крестьянъ введенію мѣстнаго великороссійскаго положенія. Хотя, какъ говоритъ посредникъ, повинность съ полутягла въ названномъ имѣніи и была равна повинности съ тягла, но это, должно быть, было ничѣмъ инымъ, какъ трехдневной барщиной съ пѣшаго участка, которая отбывалась пѣшимъ работникомъ безъ рабочаго скота. Иначе было бы большой несообразностью, если бы одна и таже конная повинность отбывалась съ тягла и полутягла. Самый способъ отбыванія издѣльной повинности пѣшими рабочими, какъ изображалъ его мировой посредникъ, указываетъ скорѣй на „исключительную особенность мѣстнаго малороссійскаго хозяйства". [1])

Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе не всегда и не вездѣ проявляло такую осторожность.

Въ числѣ уѣздовъ, которые хотя и не имѣли права, по малороссійскому положенію, вводить у себя положеніе великороссійское, тѣмъ не менѣе добивались его—былъ уѣздъ сосницкій. Дворянство этого уѣзда просило о введеніи великороссійскаго поло-

---

[1]) Журналъ № 49, 9 октября.

женія въ сѣверной части уѣзда, выставляя на видъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, большею частью отрубныхъ, „обработка земли производится сохою и заведено великороссійское хозяйственное устройство съ одинаковымъ надѣломъ и одинаковою за него повинностью. Ходатаемъ за сосницкое дворянство въ Губернскомъ Присутствіи явился А. И. Лизогубъ, самъ сосницкій помѣщикъ. Согласно съ заключеніемъ послѣдняго, и состоялось постановленіе о введеніи великороссійскаго положенія въ сѣверной части сосницкаго уѣзда.[1])

Министерство, впрочемъ, не сразу согласилось на это. Сначала были затребованы свѣдѣнія о томъ, „сколько въ означенномъ уѣздѣ находится имѣній, къ которымъ могло бы быть примѣнено великороссійское положеніе, по точному смыслу закона". [2]) Свѣдѣнія эти были доставлены въ министерство, и высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія отъ 21 сентября разрѣшено было вводить великороссійское положеніе въ тѣхъ имѣніяхъ сѣверной части сосницкаго уѣзда, гдѣ всѣ тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность.

Предписаніе объ этомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было доложено Губернскому Присутствію въ засѣданіи 18 октября. Тогда же было доложено и другое его предписаніе о признаніи господствующимъ въ уѣздахъ новозыбковскомъ, суражскомъ, мглинскомъ, стародубскомъ и новгородсѣверскомъ великороссійскаго положенія. Малороссійское положеніе разрѣшалось вводить здѣсь только въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, въ видѣ исключенія. Журналъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія по этому поводу былъ высочайше утвержденъ 26 сентября. [3])

Великороссійское положеніе было выгодно для помѣщиковъ, потому что опредѣляло меньшій размѣръ душеваго надѣла, но

---

[1]) Журналъ № 11, 17 мая.

[2]) Журналъ № 23, 13 іюля.

[3]) Журналъ № 52, 18 октября.

зато большій оброкъ, чѣмъ это установлено было для соотвѣтствующихъ уѣздовъ положеніемъ малороссійскимъ. [1]) Это и побуждало какъ отдѣльныхъ дворянъ, такъ и дворянства цѣлыхъ уѣздовъ хлопотать о введеніи его у себя. Хлопоталъ, напр., о введеніи великороссійскаго положенія въ своемъ имѣніи въ борзенскомъ уѣздѣ гвардіи капитанъ Александръ Петровичъ Шечковъ. Губернское Присутствіе нашло, что „введеніе великороссійскаго положенія въ одномъ изъ имѣній борзенскаго уѣзда ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ“ [2]). Хлопотало и кролевецкое дворянство. Кролевецкій уѣздъ, говорило оно, граничитъ съ курскою губерніею и имѣетъ хозяйственное устройство, сходное съ хозяйственнымъ устройствомъ смежныхъ уѣздовъ этой губерніи. Въ кролевецкомъ уѣздѣ недостатокъ полевой земли. Тамошніе крестьяне обращаютъ главное вниманіе на разведеніе огородныхъ растеній. Усадьбы ихъ, поэтому, состоятъ преимущественно изъ огородовъ. Въ этомъ уѣздѣ помѣщики не содержали своего рабочаго скота, такъ какъ запашки ихъ, по свойству почвы, безъ затрудненія обрабатывались крестьянскими, одноупряжными сохами, взамѣнъ чего крестьяне преимущественно были надѣлены сѣнокосными угодьями. Губернское Присутствіе все-таки не удовлетворилось этими доводами и рѣшительно отклонило ходатайство кролевецкихъ дворянъ. [3]) Великороссійское положеніе не было, такимъ образомъ, введено въ кролевецкомъ уѣздѣ.

---

[1]) Для уѣздовъ мглинскаго, суражскаго и новозыбковскаго малорос. полож. высшій душевой надѣлъ полевой и усадебной земли былъ установленъ въ $4^1/_2$ дес.; высшій размѣръ пѣшаго участка полевой земли въ 7 дес.; рабочихъ дней за десятину полевой земли 12; оброкъ по 1 р. 40 коп. за десятину. Низшій надѣлъ исчислялся въ половину высшаго (Прилож. къ 9 ст. малорос. полож.) Въ сосѣднихъ же мѣстностяхъ смоленской и орловской губерній высшій душевой надѣлъ былъ 4 дес., за которые полагалось 40 мужскихъ барщинскихъ дней и 8 р. оброка. Низшій надѣлъ исчислялся въ $^1/_3$ высшаго (Велик. полож. ст. 190).

[2]) Журналъ № 23, 13 іюня.

[3]) Журналъ № 26, 22 іюня.

Такова оффиціальная исторія введенія великороссійскаго положенія въ Малороссіи, на сколько можно прослѣдить ее по журналамъ Губернскаго Присутствія. Одному можно только удивляться—это тому довѣрію, съ которымъ Губернское Присутствіе относилось въ такомъ важномъ дѣлѣ къ доводамъ, которые приводились въ пользу господства великороссійскаго хозяйства въ той или другой мѣстности предводителями дворянства, т. е. стороной заинтересованной, потому уже не бывшей въ состояніи отнестись къ дѣлу безпристрастно. Изъ журналовъ Присутствія нигдѣ не видно, чтобы оно когда-нибудь примѣнило повѣрку дворянскихъ доводовъ, захотѣло бы убѣдиться, дѣйствительно ли въ той или другой мѣстности существуетъ тягловое великороссійское хозяйство, на сколько оно распространено, выгодно и соотвѣтствуетъ желанію крестьянъ? Вводя въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійское положеніе, Губернское Присутствіе какъ бы совершенно забыло про интересы послѣднихъ. Болѣе того, оно совершенно игнорировало ихъ. Потому то Губернское Присутствіе и шло такъ дѣятельно навстрѣчу отмѣнѣ закона, который былъ, правда, непріятенъ дворянству, но который хотя немного ограждалъ интересы крестьянъ, когда требовалъ и ихъ согласія на введеніе великороссійскаго положенія.

Для того, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе этого факта, мы должны сравнить великороссійское положеніе съ малороссійскимъ и отмѣтить ихъ существенную разницу.

Ник. Василенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

XIII.

„Первые дни послѣ нашей свадьбы"—писалъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„наполнены были впечатлѣній высокихъ: то читали мы Пушкина, то восхищались пѣснями Шевченка, то радовались письмамъ безцѣннаго Петра Александровича и его домашнихъ. Къ увлеченію нашихъ духовныхъ наслажденій, Петръ Александровичъ прислалъ намъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ пріятелями" (sic) Гоголя, съ наказомъ запереться отъ всѣхъ съ Сашей и заразъ прочитать внимательно всю книгу". „Переписка съ друзьями" была прислана авторомъ Плетневу для напечатанія въ одной изъ наименѣе посѣщаемыхъ типографій и съ просьбой о полнѣйшемъ секретѣ, который въ другихъ случаяхъ, дѣйствительно, свято сохранился Плетневымъ, но для Кулиша было сдѣлано исключеніе, какъ для особенно близкаго человѣка и притомъ горячо интересовавшагося всѣмъ, что̀ касалось Гоголя: такимъ образомъ въ этомъ исключительномъ довѣріи до нѣкоторой степени сказалась степень дружеской довѣрчивости Плетнева къ Кулишу. Сохранились впрочемъ даже

[1]) См. Кіев. Ст. № 3.

извѣстія, что Плетневъ хотѣлъ передать Кулишу свой „Современникъ“, [1]) а предъ выѣздомъ за границу рекомендовалъ Кулиша Жуковскому слѣдующимъ выраженіемъ: „посылаю тебѣ другого себя“.

Кулишъ поѣхалъ съ женою на Кіевъ и Варшаву. Въ Кіевѣ онъ видѣлся съ Юзефовичемъ, Юскевичемъ, библіографомъ Свидзинскимъ, съ княжной Вар. Ник. Репниной и познакомился съ Ригельманомъ, о которомъ даетъ самый лучшій отзывъ какъ въ письмѣ, такъ и въ дневникѣ. Въ Варшавѣ же онъ познакомился съ молодымъ ученымъ полякомъ Микуцкимъ, желавшимъ поступить въ московскій университетъ и уже представившимъ одно филологическое изслѣдованіе въ Академію наукъ, которое удостоилось тамъ одобренія, переданнаго ему черезъ Плетнева. Кулишъ рекомендуетъ его вниманію Бодянскаго. Въ дорогѣ онъ дышитъ полною грудью и наслаждается всѣми фибрами своего существа, раздѣляя восторги съ женою, о которой съ удовольствіемъ замѣчаетъ въ дневникѣ: „Спутница моя—великая охотница до развалинъ, и въ Корцѣ налюбовалась ими вдоволь“. Общее настроеніе самое счастливое: „Благодарю Провидѣніе и чувствую, какъ много долженъ я поработать, чтобъ оправдать его необыкновенную благость ко мнѣ“. [2])

---

[1]) См. Переписку Грота съ Плетневымъ т. II, стр. 613 и проч.

[2]) Болѣе подробный маршрутъ Кулиша можетъ быть намѣченъ на основаніи его дневника: изъ Кіева онъ поѣхалъ черезъ Волынскую губернію, миновалъ Радомысль и Житомиръ, Новоградъ-Волынскъ, Корецъ, наконецъ прибылъ въ Варшаву. Вездѣ его вниманіе привлекали красоты мѣстностей, остатки древностей, развалины; онъ постоянно ихъ рисовалъ, интересъ археолога и живое чувство эстетика находили себѣ повсюду обильную пищу; на все Кулишъ смотрѣлъ глазами любознательнаго и мыслящаго человѣка, безъ всякаго искусственнаго напряженія и почти незамѣтно для самого себя схватывая въ каждомъ заслуживающемъ вниманія предметѣ черты, часто совершенно ускользающія отъ людей, усердно старающихся осматривать въ путешествіи достопримѣчательное, но не умѣющихъ найти... Кулишъ же былъ и драгоцѣннымъ спутникомъ для менѣе наблюда-

Со временемъ Кулишъ въ весьма поэтическихъ краскахъ выражалъ свои чувства въ письмахъ къ женѣ, напр., говоря о хуторѣ Мотроновкѣ, онъ однажды писалъ: „Здѣсь все оживляетъ въ моей душѣ воспоминанія сладкихъ минутъ любви моей, и ты, будучи наконецъ старушкою, въ этихъ мѣстахъ вѣчно будешь одарена сіяніемъ молодости, которая даровала мнѣ столько счастливыхъ минутъ и поэтическихъ страданій". Въ другомъ письмѣ и въ другое время онъ говорилъ: „Я нашелъ наши вѣнчальныя свѣчи и возьму ихъ съ собою. Священный памятникъ! я не желалъ бы оставить его въ чьихъ-бы то ни было рукахъ послѣ моей смерти; оскорбительна и самая мысль объ этомъ. О Саша, да будетъ благословенъ день нашего знакомства! Много горя испыталъ я отъ своего собственнаго и твоего неблагоразумія, но душа моя удовлетворена сознаніемъ, что меня любила и любитъ такая благородная, прекрасная женщина". Такія чувства онъ сохранилъ къ женѣ до золотой свадьбы, т. е. до послѣднихъ дней жизни.[1])

Веселые и счастливые ѣхали Кулишъ съ женой и В. М. Бѣлозерскій; въ самомъ радостномъ настроеніи были они въ Варшавѣ, гдѣ много бесѣдовали съ своимъ землякомъ, сенаторомъ Стороженкомъ, который привлекалъ къ себѣ Кулиша своими украинскими симпатіями и интересами и хранившимся у него рѣдкими національными документами высокой цѣнности. Стороженко рекомендовалъ Кулиша намѣстнику, извѣстному Паскевичу—также малороссу—какъ козака чистой крови.—„Приводи его ко мнѣ!" съ живостью воскликнулъ Паскевичъ, но въ эту самую минуту получилъ изъ Петербурга приказъ объ

тельныхъ людей, невольно открывая имъ глаза на эти «ускользающія достопримѣчательности».

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Чуйкевичу Кулишъ говоритъ: «Да, я счастливъ своею жинкою: такая украинка, что просто восхищеніе: Шевченка наизусть знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ иного и студента; женщина разумная, твердая въ намѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдностямъ человѣчества—однимъ словомъ, достойная самой высокой степени въ обществѣ» («Кіевская Старина», 1893, IX, стр. 357).

арестѣ Кулиша, и Кулишъ съ Бѣлозерскимъ немедленно были отправлены обратно.

XIV.

Трехлѣтнее пребываніе въ Тулѣ было самой безотрадной полосой въ многострадальной жизни Кулиша. [1]) Испытаніе казалось тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ рѣзче и безпощаднѣе чувствовался переходъ отъ мелькнувшаго свѣтлымъ лучемъ счастья и радужныхъ блестящихъ надеждъ недавняго прошлаго къ мукамъ безпросвѣтнаго горя. Все порвалось сразу, но молодость и избытокъ душевныхъ силъ имѣли спасительное дѣйствіе на Кулиша, облегчая тяжесть наложенныхъ на него веригъ. Благодаря имъ, блѣднѣло сознаніе неожиданно рухнувшей карьеры и бодрѣе переносились тяжелыя матеріальныя невзгоды, хотя ничто не было въ силахъ заглушить въ такой энергичной и дѣятельной натурѣ болѣзненнаго ощущенія невольнаго перерыва дѣятельности. Въ то время какъ другого прежде всего стала бы въ подобномъ положеніи угнетать мрачная неизвѣстность въ будущемъ и невыносимая окружающая обстановка, „горячій“ Кулишъ жестоко страдалъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ человѣкъ, призванный къ дѣятельности и борьбѣ, полный силъ и по самому темпераменту рвущійся въ водоворотъ жизни, но въ это же время обреченный на несвойственное ему бездѣйствіе; его терзала насильная и безплодная задержка на неопредѣленное время на только-что начатомъ пути, тогда какъ жизнь не ждала, и лучшіе годы уходили. Разлученный съ друзьями, оторванный отъ литературнаго міра, онъ былъ поставленъ въ необходимость,

[1]) Первоначально Императоромъ Николаемъ было назначено: «запретить писать и на службу въ Вологоду». («Русскій Архивъ», 1892, XI, стр. 292).

отложивъ лучшія мечты и надежды молодости, сживаться съ несимпатичной и чуждой средой, съ которой мало имѣлъ общаго и въ особенности не былъ связанъ самыми интимными, задушевными стремленіями. Находясь на положеніи ссыльнаго, онъ былъ, наконецъ, обреченъ терпѣть всякія придирки и стѣсненія со всѣхъ сторонъ и считаться съ предубѣжденіями мѣстныхъ обывателей. Дневникъ былъ теперь надолго забытъ Кулишемъ, и только 6 октября 1848 г. онъ записалъ въ немъ слѣдующія строки: „Этотъ большой промежутокъ времени“ (съ начала ссылки) „исполненъ былъ разнаго рода горестями, которыхъ не имѣю духу писать, потому что до сихъ поръ не вышелъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которое попалъ, какъ въ яму. Надѣюсь, что съ перемѣной обстоятельствъ я примусь за описаніе этой эпохи моей жизни съ удовольствіемъ пловца, разсказывающаго о минувшихъ опасностяхъ. Теперь, для ясности дневника, скажу только, что въ Варшавѣ я былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, а оттуда послали меня на службу въ Тулу. Здѣсь я нашелъ въ людяхъ, съ которыми я долженъ былъ имѣть сношенія, такую суровость нравовъ, какъ будто я опальный временъ Бориса Годунова. Должности по службѣ мнѣ до сихъ поръ не дали (т. е. не дали такой, которая была бы для меня сносною), и я живу съ женой въ тѣсной квартирѣ, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ“.[1]) Въ исходѣ перваго года ссылки онъ въ такихъ выраженіяхъ жаловался на свое житье О. М. Бодянскому: „Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку—не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраняются отъ меня, я служу и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи“. Въ то же время онъ утѣшалъ Бодянскаго,

[1]) «Кіев. Ст.», 1897, X, 43 и „Рус. Арх.“ 1892, XI, 299—300

переведеннаго за напечатаніе извѣстнаго сочиненія Флетчера въ казанскій университетъ изъ московскаго. 24 ноября 1848 г. Кулишъ писалъ Бодянскому: „Полежимъ на прилавкѣ и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безпечно веселиться зрѣлищемъ треволненій свѣта. Мы трудились, работа вырвана у насъ изъ рукъ: отчего жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашымъ ворогамъ було тяжко: пускай видитъ свѣтъ, что честный человѣкъ можетъ быть веселъ на всякомъ мѣстѣ владычества его“.[1]) „Къ счастію, тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще въ вывокой степени и невозможно ничѣмъ убить его“.

XV.

Внѣшняя обстановка Кулиша была, конечно, также самая печальная. Еще въ самое первое время было немного легче: молодому и полному энергіи идеалисту какъ-то не вѣрилось, чтобы судьба надолго захотѣла забросить его въ Тулу, и онъ, несмотря ни на что, нѣкоторое время не терялъ надежды на скорое избавленіе. Молодые супруги заняли недурную квартиру въ домѣ какого-то кузнеца, стоившую четыреста руб-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1892, XI, 302, и «Кіевск. Стар.», 1897, XI, 242. Впослѣдствіи, когда, по минованіи кары, Бодянскій былъ снова возвращенъ на московскую каѳедру, Кулишъ писалъ ему: «Нужно ли увѣрять васъ, что я отъ всей души раздѣляю вашу радость. Я впрочемъ долго досадовалъ на себя, отчего я не радуюсь возвращенію вашему на каѳедру такъ, какъ радуюсь какому-нибудь событію въ собственномъ уголкѣ. Но теперь вижу, что радость эта растянута въ тонкую проволку, которая тонкою, но непрерывною

лей въ годъ, что̀ показываетъ въ нихъ недостаточное пока сознаніе всей трудности своего положенія; они старались, насколько возможно, украсить свое изгнанническое жилище согласно съ требованіями развитаго вкуса. Но мѣсяцы тянулись длинной вереницей и рѣшительно не приносили съ собой ничего похожаго на смягченіе участи, а между тѣмъ понемногу проживалось все приданное, такъ что вскорѣ пришлось переселиться уже на маленькую дешевую квартирку, состоявшую всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ мебелью. Здѣсь-то начинались всякія невзгоды и непріятности. Въ противоположность прежнему доброму, хотя и совершенно простому хозяину-кузнецу, котораго Кулишъ въ своемъ идеалистическомъ увлеченіи безуспѣшно хотѣлъ сколько-нибудь образовать и съ этой цѣлью нерѣдко приглашалъ къ себѣ на чай или на вечеръ, новые хозяева стали обращаться съ своими жильцами, какъ съ людьми отверженными и беззащитными, которыхъ можно было тѣснить сколько душѣ угодно, потому что они, какъ люди опальные и безправные, не могли жаловаться. Рѣшивъ, что съ ссыльными церемониться нечего, эти люди начали мало-по-малу, основываясь на томъ, что для двоихъ не надо много мѣста, постепенно отнимать у жильцовъ то комнату, то сѣни, то сарай для дровъ, и даже начали застанавливать сундуками выходъ изъ квартиры. „Дней десять или болѣе назадъ“, писалъ однажды Кулишъ ономy изъ родственниковъ,—„мы испытали отъ своихъ хозяевъ такія непріятности, что должны были перемѣнить квартиру. Къ нимъ изъ Москвы возвратились ихъ прежніе жильцы, и этого было достаточно, чтобъ загородить сундукомъ дверь въ общую переднюю и заставить насъ принимать гостей черезъ кухню и спальню—другого средства выжить насъ въ ихъ головахъ не отыскалось. И послѣ этого еще приходитъ хозяинъ прощаться какъ ни въ

нитью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ». За все время отсутствія Бодянскаго изъ Москвы Кулишъ часто спрашивалъ его, не нуждается ли онъ, и предлагалъ ему деньги.

чемъ не бывало. Мы перенесли эту скверность съ образцовымъ терпѣніемъ". Квартирной платы такіе люди, разумѣется, не хотѣли ждать ни одного лишняго дня, и каждый разъ передъ приближеніемъ срока хозяйка цѣлый день съ утра не уставала напоминать о ней. Но особенно возросла ихъ наглость, когда молодымъ изгнанникамъ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ нищетой. Они могли бы, правда, написать о своемъ положеніи въ деревню, къ тещѣ Кулиша, но этому мѣшало то, что послѣдняя, слишкомъ живо принимая къ сердцу всѣ интересы молодой четы, была намѣренно и весьма заботливо оставляема въ невѣдѣніи о томъ, что происходило на самомъ дѣлѣ; если-бы она могла только представить себѣ, какую нужду, какую горькую участь терпѣла съ зятемъ на чужой сторонѣ ея любимая дочь, только что выпорхнувшая изъ теплаго родительскаго гнѣздышка и всегда балованная не только своей семьей, но даже всѣми сосѣдями! Трудно было-бы поручиться, какія послѣдствія могло имѣть не прикрашенное правдивое извѣстіе, способное, можетъ быть, ее, не привыкшую къ самой мысли о ссылки мужа своей дочери, убить въ буквальномъ смыслѣ слова. „Жена уѣхала въ Малороссію"—писалъ Кулишъ Бодянскому въ октябрѣ 1847 г., слѣдовательно уже по прошествіи полугода ихъ ссылки—„чтобы отдохнуть отъ своихъ горестей, которыя злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посѣяла при самомъ началѣ ея жизненнаго поприща". [1]) Но при свиданіи она не рѣшилась разсказать матери всю истину о ихъ житьѣ-бытьѣ, хотя послѣднее становилось совершенно невыносимымъ, когда даже ихъ собственная крѣпостная прислуга, видя беззащитность господъ, начала имъ заявлять съ презрѣніемъ, что она не привыкла къ ихъ порядкамъ, что у настоящихъ господъ долженъ быть собственный домъ, а не наемная квартира, что они должны держать цѣлый штатъ слугъ и занимать просторные покои. Эти мелочи, при всемъ своемъ ничтожествѣ, не давали забывать о горькой безправности,

[1]) «Кіевская Старина», 1897, X, 43.

въ особенности когда надо было перебиваться, отказывая себѣ въ необходимомъ, спать на полу и скрывать отъ окружающихъ размѣры своей нужды, во избѣжаніе того смѣшаннаго съ ненавистью презрѣнія, съ какимъ относятся всякаго рода холопы къ обѣднѣвшимъ господамъ". [1]) Жестокое однообразіе ворчанья хозяйки и горничной, не безъ ядовитости любившей напоминать женѣ Кулиша о прежней лучшей порѣ, о коляскахъ и другихъ принадлежностяхъ былого довольства, всякія дрязги въ родѣ совершенно открытаго и наглаго грабежа дровъ въ сараѣ, и т. п.—до того разстраивали и выводили изъ себя, что Кулишъ далъ своимъ гонительницамъ разныя нелестныя для нихъ прозвища въ городѣ: проклятущая баба № 1, проклятущая баба № 2 и т. п. Въ то же время приходилось иногда подвергаться обидному обращенію и со стороны людей, принадлежавшихъ къ такъ называемому образованному классу. Такъ, однажды съ чувствомъ глубокаго возмущенія Кулишъ сообщалъ своей женѣ объ одномъ родственникѣ ихъ общихъ знакомыхъ: „Сегодня онъ присылаетъ мнѣ солдата сказать мнѣ, что у него есть какое-то письмо ко мнѣ изъ Петербурга и что не угодно ли мнѣ съ нимъ повидаться. Я разспросилъ солдата обстоятельно, какъ именно онъ говорилъ, и убѣдился, что дѣйствительно, вмѣсто визита мнѣ, послалъ за мной, какъ за сапожникомъ. Хоть бы записку написалъ и, какъ водится между порядочными людьми, извинился чѣмъ-нибудь, что не можетъ самъ побывать у меня, а проситъ къ себѣ, а то отыскалъ какого-то десятскаго и, для перваго знакомства, прислалъ пригласить къ себѣ въ гостинницу".

Тяжело было все это, но еще несравненно тяжелѣе было невольное отчужденіе отъ общества, происходившее отъ того, что «всѣ или недоступны, или слишкомъ ниже того образованія,

---

[1]) Злосчастная чета должна была даже прибѣгать къ хитростямъ, чтобы скрыть свое истинное положеніе; такъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду приказывали ставить самоваръ, не пользуясь имъ, частью для вида, частью только для прислуги.

при которомъ знакомство было бы пріятно», такъ что—писалъ Кулишъ въ дневникѣ: «одинъ только художникъ А. да его сестра у насъ бываютъ». При такихъ условіяхъ осталось только совершенно утонуть въ литературныхъ занятіяхъ, [1]) какъ и дѣлалъ Кулишъ, изучая лѣтописи и „Книгу Большого Чертежа [2]) и работая надъ собственными трудами; но натура подвижного сангвиника требовала болѣе разнообразной дѣятельности и больше непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью. Тѣмъ не менѣе свойственная Кулишу бодрость духа и спокойная совѣсть значительно облегчали трудность его положенія. 27 іюня 1840 г. онъ писалъ Бодянскому: „Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благоденствуемъ. Живемъ въ концѣ города и ходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Невдалекѣ отъ города на низменномъ холмѣ виднѣется прекрасная церковь съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церкви кладбище съ сельскими непышными крестами; за нею и вокругъ—поля и лѣса.“ [3]) Любовь къ природѣ является прекраснымъ бальзамомъ для душевныхъ мукъ. Позднѣе, 10 мая 1850 года, Кулишъ также писалъ Бодянскому; „Я совершилъ новый переѣздъ на квартиру и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ сады и пруды, въ которыхъ безъ умолку распѣваютъ воздушные и водяные жители, что̀ мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чей-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи“. [4])

---

[1]) Кулишъ написалъ въ Тулѣ «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріѣ Самозванцѣ», историческій романъ «Алексѣй Однорогъ», романъ «Искатели счастья» (потомъ сожженный, но изъ него напечатана часть подъ названіемъ «Потомки Гайдамаковъ».

[2]) «Русскій Архивъ», 1892, XI, 299; «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 42.

[3]) «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 253.

[4]) Тамъ же, стр. 258.

XVI.

Черезъ нѣкоторое время, однако, нашлись въ Тулѣ образованные люди, понимающіе значеніе идей и дѣятельности Кулиша и умѣвшіе цѣнить его какъ талантливаго представителя серьезнаго умственнаго труда. Между такими людьми онъ нашелъ потомъ даже друзей и почитателей, что, безъ сомнѣнія, не могло не ободрить его въ нравственномъ отношеніи, когда онъ уже совсѣмъ готовъ былъ „считать себя похожимъ на зачумленнаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любитъ“. [1]) Впрочемъ, самочувствіе его было все-таки, можетъ быть, лучше, нежели его товарищей по изгнанію; онъ все-таки „благоденствовалъ, поколику это возможно въ Тулѣ“, [2]) тогда какъ Н. И. Костомаровъ приблизительно около того же времени жаловался на то, что его въ Саратовѣ „томитъ такая убійственная грусть, которую описать невозможно. Заняться нечѣмъ, читать нечего“. [3]) „Горе мнѣ на чужинѣ и только“, писалъ онъ, а его мать значительно позднѣе сокрушалась о томъ, что „Николай безъ должности; мѣста не даютъ ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованія, больной, постарѣлъ, посѣдѣлъ“, [4]) А между тѣмъ Костомаровъ пользовался несравненно лучшимъ обществомъ, къ которому принадлежали между прочимъ люди, также интересовавшіеся исторіей, какъ напр. сдѣлавшійся впослѣдствіи профессоромъ петербургскаго Александровскаго лицея Е. А. Бѣловъ и другіе. Мы едва ли ошибемся, если эту разницу объяснимъ неодинаковымъ семейнымъ положеніемъ обоихъ друзей; жизнь Костомарова была некрасна, помимо неволи, отъ стеченія цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимала потеря имъ около того времени

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, X, стр. 43.
[2]) Тамъ же, стр. 44.
[3]) Тамъ же, стр. 133.
[4]) Тамъ же, стр. 139.

восьми слишкомъ тысячъ руб. денегъ и необезпеченная жизнь безъ жалованья, грозившая разореніемъ, и все-таки въ матеріальномъ отношеніи онъ, разумѣется, былъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ въ сравненіи съ почти круглымъ бѣднякомъ Кулишомъ. Но недозволеніе ѣхать въ Кіевъ для женитьбы, безпокойство за жизнь матери, долго оставлявшей его безъ писемъ въ холерный 1848 годъ, хлопоты и заботы по поводу веденной ею тяжбы, а главное—отсутствіе живой нравственной поддержки въ средѣ домашней удручали его до того, что онъ однажды характеризовалъ свое нравственное состояніе въ слѣдующей фразѣ: „цѣпь горестей вяжетъ всю жизнь мою“.[1]) Кулишу, напротивъ, сильно облегчала бремя ссылки его жена, бывшая для него не только вѣрной спутницей, но и главной его нравственной опорой. Это было существо, преданное ему въ высшей степени, энтузіастка любви и преданности, готовая всюду идти за нимъ, подвергаться для него всякимъ испытаніямъ. „Видя передъ собой человѣка съ божественнымъ ореоломъ“,—говорила она,—я молилась его образу, дивилась ему, наглядѣться не могла“. Всѣ планы, большіе и малые, каждый жизненный шагъ обсуждались обоими супругами сообща, безъ разногласій и неудовольствій. Но особенно Кулишъ почерпалъ всегда энергію въ беззавѣтной преданности своей жены, встрѣчая въ тяжелыя минуты ея заботливый, любящій взоръ. По своей практичности имъ случалось иногда обоимъ ради насущнаго хлѣба придумывать совершенно неподходящіе для нихъ предпріятія, напр. нанимать огородъ для обработыванія овощей, но, съ другой стороны, иногда удавалось въ самомъ дѣлѣ пріискать полезный и благодарный трудъ; такъ, по цѣлымъ часамъ работалъ Кулишъ за столярнымъ верстакомъ, трудясь надъ выдѣлкой подставокъ для иконъ, такъ называемыхъ „божниковъ“, чтобы продажей ихъ выручить хоть какія-нибудь деньги. Такая нравственная выдержка и энергія молодой четы, такое умѣнье обегчать другъ другу общее бѣдствіе были высоко оцѣнены тѣми людьми, кото-

[1]) Тамъ же, стр. 136.

рымъ случалось ближе узнать въ то время жизнь Кулишей и которые умѣли уважать нравственныя достоинства, не смущаясь бѣдностью обстановки. И вотъ Тула, а отчасти Москва, даютъ Кулишу нѣсколько новыхъ драгоцѣнныхъ друзей, сохранившихъ къ нему навсегда теплую привязанность. Въ то время прежде всего съ нимъ сблизился жившій въ Москвѣ директоръ Московско-Тульскаго банка Николай Яковлевичъ Макаровъ. Изъ признательности къ его теплой, безкорыстной дружбѣ и изъ уваженія къ его уму и рѣдкой добротѣ, Кулишъ, лишившійся по волѣ императора Николая I права писать и подъ своими произведеніями подписывать собственную фамилію, какъ бы слилъ на время свою литературную личность съ его именемъ, такъ что и до сихъ поръ нѣкоторые его труды не успѣли появиться въ новыхъ изданіяхъ подъ именемъ своего настоящаго автора. Главный же другъ Кулиша въ Тулѣ былъ жандармскій капитанъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, служившій впослѣдствіи комендантомъ динабургской крѣпости. Сближеніе съ нимъ Кулиша было настолько тѣсное, что они даже задумали написать вмѣстѣ романъ, не составивъ, однако, предварительно общаго плана, но поступая такъ: напишетъ одинъ изъ нихъ главу и, не сообщивъ даже товарищу по работѣ содержанія написаннаго, получитъ отъ него продолженіе—и такъ было написано нѣсколько главъ...[1]) Очень оригинальна была первая встрѣча и начало знакомства Кулиша съ Гусевымъ. Однажды въ концѣ іюля, наканунѣ именинъ Кулиша,[2]) его жена, занимаясь убран-

[1]) Объ этомъ романѣ Кулишъ писалъ въ 1865 г. В. В. Тарновскому (см. «Кіевская Старина», 1898, IV, 111 стр.) Копія съ рукописи хранится у одного изъ родственниковъ Кулиша, И. И. Бѣлозерскаго.

[2]) Именины Кулиша всегда праздновались нашей изгнаннической четой по возможности весело, для чего обыкновенно они пользовались квартирой своего пріятеля Гусева. Однажды онъ такъ описывалъ это Бодянскому: „Играли на фортепіано, пѣли, танцовали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднявшись надъ темною глубиной полей, обнаружилъ въ ней своимъ отраженіемъ

ствомъ комнаты и устраивая гирлянду изъ полевыхъ цвѣтовъ для семейнаго праздника, стала на подоконникъ и вдругъ, къ величайшему ужасу своему, видитъ на улицѣ неизвѣстнаго человѣка въ синемъ мундирѣ, направляющагося самымъ несомнѣннымъ образомъ прямехонько къ ихъ калиткѣ. Этого было достаточно, чтобы напуганное воображеніе нервной женщины нарисовало страшную картину, и Александра Михайловна едва могла удержаться на ногахъ. Поспѣшно соскочивъ съ подоконника, она едва успѣла, показавъ въ окно, шепнуть мужу: „Кажется, насъ ждетъ новое несчастіе!“. Но вотъ непрошенный гость уже входитъ въ калитку. Пантелеймонъ Александровичъ, только-что вернувшійся съ кладбища, на которое любилъ ходить, любуясь тамъ цвѣтами, выходитъ на встрѣчу посѣтителю, а жена его, оставшись въ комнатахъ, переживаетъ ужасныя минуты. Но что̀ это? отчего они долго не идутъ? что̀ тамъ еще между ними? Выглянувъ въ окно, Александра Михайловна видитъ нѣчто совершенно невѣроятное: мужъ ея спокойнымъ тономъ говоритъ съ человѣкомъ въ синемъ мундирѣ; еще минута—они дружески обнимаются, слышатся привѣтствія и радостныя восклицанія. Наконецъ дѣло разъясняется; незнакомецъ оказывается близкимъ родственникомъ одного изъ братьевъ Нордштремовъ, служившаго въ третьемъ отдѣленіи и просившаго его зайти навѣстить своихъ пріятелей-изгнанниковъ. Говорятъ, что Гусеву Нордштремы на прощанье совѣтовали понравиться Кулишу и заслужить его уваженіе, и вотъ на вопросъ его, чѣмъ онъ можетъ достигнуть этого, Кулишъ съ живостью отвѣчалъ: „только правдою. Судите по совѣсти, защищайте невинныхъ, будьте милостивы къ заключеннымъ, и вы будете имѣть во мнѣ друга, и синій мундиръ не помѣшаетъ моему уваженію къ вамъ“.

Вскорѣ послѣ этого Гусевъ сдѣлалъ второй визитъ своимъ новымъ знакомымъ—уже съ женой, и оба семейства быстро подружились. „Прелестные люди во всѣхъ отношеніяхъ!“ вспо-

---

струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ этомъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности, пейзажъ».

минаетъ о нихъ Александра Михайловна. „Мы у нихъ очень часто бывали. Онъ пріятно пѣлъ „Бородушку“ и другія народныя пѣсни. Онъ предлагалъ намъ выстроить флигель на своемъ дворѣ“. Потомъ эти близкія отношенія были на короткое время прерваны смертью молодой жены Гусева, что повергло его въ глубочайшее отчаяніе; она скончалась въ Торжкѣ, куда поѣхала погостить у матери. Оставшись вдовцомъ съ двумя дѣтьми, Гусевъ нанялъ для нихъ нѣмку бонну, но глубоко чувствовалъ свое сиротство. Кулиши тогда приняли его предложеніе и поселились въ его домѣ въ мезонинѣ, избавившись тѣмъ отъ своихъ прежнихъ хозяевъ. [1])

Въ числѣ лицъ, умѣвшихъ съ тактомъ и деликатностью относиться къ Кулишу, слѣдуетъ назвать преемника тульскаго губернатора Крузенштерна, Козодаева, человѣка умнаго и просвѣщеннаго, пріѣхавшаго первымъ къ Кулишу съ визитомъ. Наконецъ, къ тульскому времени жизни Кулиша относится также знакомство его съ будущимъ докторомъ И. Ц. Славницкимъ, любопытное потому, что здѣсь завязались добрыя отношенія между ученымъ и смѣло обратившимся къ нему за совѣтомъ подросткомъ—гимназистомъ, который оказался потомъ горячимъ его почитателемъ. Неожиданное обращеніе къ Кулишу юноши встрѣтило въ немъ, считавшемъ всегда умственный трудъ общимъ дѣломъ и общей задачей развитыхъ людей, теплый отголосокъ. „Милостивый государь“,—отвѣчалъ Кулишъ въ письмѣ: „мнѣ очень пріятно, что вы наугадъ или почему бы то ни было считаете меня человѣкомъ, готовымъ оказать ближнему услугу. Отчасти вы не ошибаетесь; но, какъ человѣкъ прямой, я дол-

---

[1]) Ко времени жизни въ домѣ Гусева относятся первые уроки рисованія, данные Кулишомъ его женѣ.—Были также и другіе случайные знакомые у Кулиша въ Тулѣ, какъ напр. нѣкто Шиманскій, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ къ Бодянскому, Чарнецкій, получавшій отъ Кулиша польскія книги и въ благодарность доставлявшій ему книги изъ завѣдываемой имъ казенной библіотеки.

женъ васъ предупредить, что не на всякую услугу станетъ у меня великодушія. Я занятъ своими дѣлами очень сильно и при томъ съ такою (можетъ быть, и ошибочною) мыслью, что этимъ самымъ исполняю и обязанности любви къ ближнему. Вы почтили меня названіемъ „ученаго“, слѣдовательно должны предполагать въ моемъ умѣ цѣль, къ которой я стремлюсь, по возможности всѣми моими силами. И такъ вы можете и даже имѣете право ожидать совѣта и даже, можетъ быть, немного болѣе того, если вы нуждаетесь въ немъ для какого-нибудь сочиненія, или для облегченія вашихъ трудовъ въ изученіи какой-нибудь хорошо извѣстной мнѣ отрасли знаній. Вы видите, что я высказываюсь вамъ просто и откровенно, и если эта записка не перемѣнитъ вашего намѣренія лично со мною побесѣдовать, то не угодно ли вамъ завтра пожаловать ко мнѣ въ 10 часовъ утра. Можетъ быть, я буду дома одинъ, а если и не одинъ, то васъ будутъ слушать лучшія уши, какія когда-либо природа помѣщала на женской головѣ: [1]) это значитъ не что иное, какъ то, что ваши, положимъ, юношескія идеи не покажутся имъ непонятными или смѣшными. Вашъ покорный слуга П. К. [2])

Письмо это кажется намъ любопытнымъ какъ потому, что оно дышитъ правдивостью и полной готовностью притти на помощь юношѣ—корреспонденту, такъ и по выраженнымъ въ немъ чувствамъ любви и уваженія, которыми онъ былъ всегда связанъ съ женой. [3])

---

[1]) Т. е. его жены.

[2]) По поводу этого письма г. Славницкій сдѣлалъ на подлинномъ слѣдующую помѣтку: „первое письмо ко мнѣ, лично еще не знакомому. Я былъ тогда гимназистомъ въ предпослѣднемъ классѣ, а Кулишъ жилъ въ ссылкѣ въ Тулѣ».

[3]) О служебной дѣятельности Кулиша въ Тулѣ мы имѣемъ слѣдующія оффиціальныя данныя: „опредѣленъ въ канцелярію начальника Тульской губерніи 17 сентября 1847 года; назначенъ исполняющимъ должность корректора губернской типографіи октября 24, 1848 года“. Болѣе подробныя данныя о службѣ и другихъ занятіяхъ Кулиша находимъ въ его перепискѣ.

XVII.

Въ исходѣ 1847 года Кулишу жилось уже значительно легче и представилось было, благодаря ходатайству тульскихъ знакомыхъ, правда, незначительное мѣсто при городской больницѣ. 16 декабря 1847 года онъ писалъ одному изъ братьевъ жены: „Былъ я сегодня въ первый разъ у Крузенштерна. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто смотрителя больницы; жалованья 400 р. (1500 р. асс.) и квартира. Я принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что предложеніе сдѣлано очень внимательно". О томъ же онъ сообщалъ Бодянскому отъ 27 декабря: „новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы" [1]). Но отъ этого мѣста, однако же, Кулишъ потомъ отказался, отговоренный женой, которая страшилась за него возможности, къ довершенію всѣхъ бѣдъ и страданій, еще заразиться какой-нибудь инфекціонной болѣзнью. О предложеніи губернаторомъ Кулишу должности помощника редактора губернскихъ вѣдомостей за 600 р. въ годъ, мы находимъ въ перепискѣ указаніе, что занятіе это было принято временно, за неимѣніемъ другихъ, по крайней нуждѣ, хотя Кулишъ, сберегая свое время для болѣе производительныхъ и пріятныхъ трудовъ, систематически отказывался отъ многихъ другихъ предложеній, напр. отъ уроковъ: „Недавно къ П. А. являлся какой-то чиновникъ съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ въ домахъ давать уроки, но П. А. отказался, потому что здѣсь самая хорошая цѣна 2 р. с. за урокъ, а тѣмъ болѣе онъ отказался, что ребенокъ десяти только лѣтъ: да за эти деньги, право, не стоитъ изъ нашей улицы выбираться"!

Таковы были условія жизни Кулишей въ Тулѣ. Отмѣтимъ въ заключеніе нашего обзора ихъ тульской жизни еще одно тяжелое приключеніе, хотя и не отразившееся ничѣмъ въ ихъ

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, X, 44.

дальнѣйшей жизни и даже не особенно замѣтно вырисовывающееся на общемъ мрачномъ фонѣ ихъ изгнанническаго существованія, но тѣмъ не менѣе заслуживающее упоминанія. Этимъ происшествіемъ было наводненіе, чрезвычайно рѣдко случающееся въ Тулѣ (послѣднее передъ тѣмъ наводненіе было 30 лѣтъ назадъ). „Однажды"—вспоминаетъ Александра Михайловна Кулишъ—„мы услыхали какой-то необычайный гулъ; потомъ, смотримъ, понемногу появляется вода. Наконецъ, изъ находившихся напротивъ избъ, изъ оконъ плывутъ рѣшета, мычки, нитки и разныя хозяйственныя снадобья. На кровлѣ сидятъ женщины съ люльками, плачутъ дѣти, поютъ пѣтухи, воютъ собаки и иногда вода несетъ ихъ прикованными на цѣпи къ будкѣ, и будка кувыркается и толкаетъ ее во всѣ стороны; потомъ плывутъ люди на доскахъ, на челнокахъ, въ воздухѣ слышится какое-то гудѣнье, а вода все прибываетъ. Встревоженный мужъ мѣряетъ воду каждыя десять минутъ, посматривая на часы, а вода все прибываетъ". Такъ разсказывала намъ объ этомъ происшествіи Ганна Барвинокъ. „Сердце у насъ замираетъ, дѣваться намъ некуда и нѣтъ знакомой души"! прибавляетъ она: „недостаетъ уже трехъ вершковъ, чтобы хлынуть черезъ порогъ въ нашу кухню; вотъ уже и два вершка только... Книги и все погибаетъ, да и намъ то какъ выбраться. Не помню, сколько было часовъ ночи. Ждемъ дальше, что̀ будетъ. Стоитъ вода полчаса, но уже не прибываетъ. Къ свѣту стала упадать, а потомъ все больше уменьшаться и наконецъ совсѣмъ исчезла". Вскорѣ послѣ этого супруги наняли квартиру у бѣдныхъ дворянъ, перемѣнивъ свое жилище уже чуть не въ десятый разъ, но и тутъ повторилась прежняя исторія: то подъ благовиднымъ предлогомъ хозяева выпросятъ картину, на томъ основаніи, что братъ де рисуетъ, а назадъ не возвращаютъ, то зачитываютъ книгу...

XVIII.

Въ началѣ декабря 1848 года Александра Михайловна Кулишъ, движимая любовью къ мужу и желаніемъ улучшить ихъ общую участь, рѣшилась ѣхать хлопотать въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ другихъ вліятельныхъ знакомыхъ, она могла разсчитывать особенно на содѣйствіе сенатора Кочубея, благодаря покровительству котораго воспитывались на казенный счетъ ея братья. Здѣсь она снова встрѣтилась и съ братьями, навѣстила по нѣскольку разъ всѣхъ друзей мужа и совершенно перенеслась въ иную, отрадную сферу. Обыкновенно по утрамъ она ѣздила (часто въ сопровожденіи брата Виктора Михайловича, не разъ хлопотавшаго также по дѣламъ Костомарова) хлопотать въ разныя учрежденія и къ разнымъ власть имѣющимъ лицамъ, а свободные часы и вечера проводила въ пріятномъ обществѣ Плетневыхъ и Ишимовыхъ. При наступленіи новаго года она писала мужу: „о Боже, если бы этотъ годъ былъ для насъ отрадой за всѣ наши многія, многія страданія! Неужели судьба наша не перемѣнится?.. Но я надѣюсь на что-то лучшее“. Первую встрѣчу съ П. А. Плетневымъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, она описываетъ такимъ образомъ: „Петръ Александровичъ заѣхалъ къ Ишимовой съ Оленькой (дочерью). Петръ Александровичъ входитъ въ гостинную, а я стояла у другихъ дверей, прямо противъ него; онъ улыбнулся, увидѣвши меня, и долго держалъ за руку. Потомъ мы удалились съ нимъ въ другую комнату, и онъ долго разспрашивалъ о тебѣ. Еще до его пріѣзда Оленька очень просила меня пріѣхать къ ней въ среду, но я не могла дать ей слова; она пригласила меня въ воскресенье и потомъ вмѣстѣ въ концертъ, и я обѣщала. Потомъ Петръ Александровичъ ту же самую просьбу повторилъ“. И вотъ снова передъ Александрой Михайловной мелькаютъ симпатичныя лица Плетневыхъ, Нордштремовъ, братьевъ Гротъ и другихъ. Иногда она въ дружескомъ кругу проводитъ вечера, ей играютъ на фортепіано, поютъ, читаютъ, но она ни

на минуту не забываетъ своей заботы, соединенной впрочемъ съ отрадной надеждой на освобожденіе. Въ одной дружеской семьѣ ее просятъ подольше посидѣть, остаться ночевать; возвращается домой—тамъ снова ее ожидаетъ радушная встрѣча знакомыхъ. „Боже, опять ласки, вниманіе! да наградитъ ихъ всѣхъ Господь“! восклицаетъ Александра Михайловна. Но посреди хлопотъ, по разнымъ причинамъ сильно затянувшихся, внезапно начались новыя волненія: оставшійся въ Тулѣ бобылемъ мужъ заждался и наконецъ, захворавъ, дошелъ въ своемъ нетерпѣніи до того, что совершенно въ разрѣзъ съ своими прежними инструкціями, [1]) настойчиво потребовалъ скорѣйшаго возвращенія жены. Главное же было то, что его затворническая жизнь не оживлялась и не скрашивалась теперь постояннымъ присутствіемъ преданнаго существа. Извѣстія изъ Петербурга сильно взволновали его, живо перенося въ счастливое прошедшее [2]), и дразнили своимъ убійственнымъ контрастомъ съ переживаемыми впечатлѣніями, хотя, съ другой стороны, онъ получалъ возможность слѣдить за всѣмъ, касающимся друзей, причемъ иногда до него доходили интересныя и важныя извѣстія. Что было дѣлать? Александра Михайловна стала совѣтоваться съ Плетневымъ, который сказалъ ей: „онъ похожъ на ребенка; напишите ему нѣжное письмо, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгое и убѣдительное“. Такое мнѣніе Плетнева было вызвано, можетъ быть, какимъ-нибудь неожиданно рѣзкимъ отвѣтомъ ему Ку-

---

[1]) Прежде онъ писалъ ей такъ: «Если нужно оставаться въ Петербургѣ для успѣха въ нашемъ дѣлѣ, то оставайся, не порть его выѣздомъ; но если отказъ или рѣшеніе, то не медли ни одного дня, потому что дни мнѣ кажутся годами».

[2]) Съ другой стороны, вспоминались, конечно, и печальные эпизоды изъ прошлой жизни; напр., однажды Александра Михайловна писала мужу: «положеніе мое въ эту минуту похоже на давно прошедшее», (т. е. на то, что происходило съ ней во время его заключенія въ Третьемъ Отдѣленіи, когда она жила у брата Виктора): «лежу на томъ же диванѣ, гляжу на куполъ Исаакіевскаго собора, освѣщенный солнцемъ, испытываю тѣ же мученія, думая о тебѣ».

лиша. Настроеніе послѣдняго въ его письмахъ къ Плетневу являлось иногда слишкомъ перемѣнчивымъ, такъ что случалось, что похвалы Плетнева мужеству и терпѣнію, съ какими Кулишъ переносилъ свое несчастіе, вызывали неожиданно цѣлую бурю неудовольствія со стороны послѣдняго, заставъ его въ минуту отчаянія. Въ маѣ 1849 г. Плетневъ писалъ Кулишу: „Ни съ чѣмъ не сравню я утѣшенія, какое доставили мнѣ письмомъ своимъ отъ 14 мая. Въ немъ я встрѣтилъ все, чѣмъ такъ давно усиливался наполнить сердце ваше, потрясенное бурею и долго смущаемое волнами житейскаго моря. Теперь, сколько я долженъ судить по всему заключающемуся въ письмѣ вашемъ, вы достигнули благополучной пристани“ и проч... Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: „Вы прекрасно сказали, что высшее награжденіе—въ самомъ трудѣ“ и проч. На это послѣдовалъ очень рѣзкій отвѣтъ: „Сытый голоднаго не разумѣетъ. Восхищались люди и умирающимъ гладіаторомъ“ и проч.

Въ концѣ 1849 года Кулишъ уже началъ отчаяваться и терять терпѣніе. Однажды онъ писалъ: „Если надо просить намъ графа Орлова, то увѣдомьте и дайте наставленіе, какъ. Я право, не знаю, о чемъ просить. Я уже перепробовалъ все, и ничего не хотятъ для меня сдѣлать—такъ не лучше ли дать покой себѣ и другимъ и довольствоваться тѣмъ, чего меня не лишили. Притомъ же не знаю, буду ли я счастливѣе съ перемѣною своего положенія. Я такъ вошелъ въ свою колею, что мнѣ тяжело и подумать о другой. Впрочемъ, какую бы мнѣ ни дали службу, если только она доставитъ мнѣ средства жить, я ее приму съ благодарностью. Но если и ничего не дадутъ, то не стану ни на кого жаловаться: мнѣ хорошо и такъ на свѣтѣ; жаль бѣдной Саши, но все-таки грѣхъ жаловаться на тоску, когда я очень рѣдко даже припоминаю, гдѣ я и въ какомъ положеніи. Съ утра до вечера я всегда занятъ самымъ пріятнымъ образомъ и желаю одного—чтобъ заниматься такъ вѣчно“.

Черезъ жену доходили до Кулиша извѣстія о другихъ дорогихъ ему людяхъ, хотя и не жившихъ въ Петербургѣ, но находившихся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Но всего передать въ письмахъ были невозможно, а часто и неудобно, и потому приходилось многое откладывать до личнаго свиданія: „Сердце мое! мнѣ будетъ нужно много о чемъ разсказать тебѣ при свиданіи“, писала однажды Александра Михайловна мужу. Такъ она рвалась всей душой къ мужу и, въ свою очередь, долго безуспѣшно ждала свиданія съ любимымъ братомъ Василіемъ, который отчасти взялъ на себя потомъ продолженіе хлопотъ и въ началѣ 1850 года такъ извѣщалъ о своихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ: „въ Петербургѣ буду умолять достопочтеннѣйшаго генерала Дуббельта—оказать вамъ свою милость—перевести васъ въ Москву или дать лучшую должность“. Но долго не удавалось, однако, добиться исполненія не только этихъ просьбъ, но и простого свиданія. Зная нетерпѣливое ожиданіе своей сестры, онъ же съ грустью писалъ ей: „и стукъ колесъ, и визжаніе саней—все обманываетъ твое ожиданіе. Я здѣсь и здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ и ни на шагъ не подвигаюсь къ югу“. Наконецъ благодаря отчасти содѣйствію сенатора Кочубея, административная кара была снята съ Кулиша. Но больше здѣсь имѣло вліяніе представленіе Кулиша въ Тулѣ, по желанію губернатора, великимъ князьямъ во время ихъ проѣзда черезъ городъ. 6 сентября 1850 года Кулишъ писалъ Бодянскому: „Совершилъ путешествіе на Куликово поле, нарисовалъ памятникъ Димитрію Донскому для представленія великимъ князьямъ, во время ихъ проѣзда черезъ Тулу. Сегодня все это представлено, причемъ я удостоенъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ“ [1]). Когда онъ получилъ первое извѣстіе объ осво-

[1]) Есть въ одномъ заграничномъ изданіи, въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ, повидимому, на основаніи сообщеній самого Кулиша, свѣдѣніе о томъ, что Кулишъ, описавъ мѣстную старину во время своего заточенія въ Тулѣ, снабдилъ свой трудъ въ видѣ иллюстраціи археологическими и другими акварелями, и когда императоръ Николай увидѣлъ ихъ, то поинтересовался узнать имя художника. Это обстоятельство будто бы имѣло немалое вліяніе на болѣе раннее прощеніе Кулиша сравнительно съ его товарищами по несчастію.

божденіи черезъ жандармскаго полковника Шварца, (это было 14 декабря 1850 года), радость совершенно лишила его употребленія слова и онъ едва былъ въ состояніи на клочкѣ бумаги написать своей женѣ священное слово: „свобода“; клочекъ этотъ навсегда получилъ съ тѣхъ поръ для супруговъ драгоцѣнное значеніе и сохраняется до настоящаго времени у его вдовы. Плетневъ и другіе друзья Кулиша сочувствовали его освобожденію отъ всей души [1]). Костомаровъ, узнавъ о радостномъ событіи, писалъ Виктору Михайловичу Бѣловерскому: „Извѣстіе объ освобожденіи Пантелеймона Александровича доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему счастье по кратковременномъ страданіи“ [2]).

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Кулишъ былъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ и переписывался съ нимъ; см.— «Жизнь и труды Погодина», IX, 433—435; также VII, 141—145; VIII, 251—252; тамъ же о катастрофѣ 1847 г. XII, 147—150.

[2]) «Кіевская Старина», 1897, X, 136.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Древнѣйшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (*Описаніе*). Столѣтній юбилей Энеиды Котляревскаго, помимо нѣкотораго оживленія національнаго чувства, явился счастливымъ и въ другомъ отношеніи. Открылся рядъ рукописныхъ произведеній К—скаго, хотя правда и не оригиналовъ, но являющихся древнѣйшими по сравненію съ печатными экземплярами и потому представляющихъ интересъ прототиповъ или во всякомъ случаѣ варьянтовъ. Таковы—изданный П. Житецкимъ списокъ «Энеиды» и другой, открытый недавно проф. Дашкевичемъ; затѣмъ, найденный, какъ мы слыхали, списокъ «Москаля Ч.» и предлагаемая нами рукопись «Наталки П.». О научномъ значеніи подобныхъ находокъ говорить не приходится: оно—внѣ сомнѣнія, если рукописи представляютъ даже тождественность съ печатными экземплярами, а тѣмъ болѣе при несходствѣ съ ними. Подобныя рукописи утверждаютъ или дополняютъ все напечатанное поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе освѣщаютъ самую личность автора. Къ такого рода спискамъ мы должны отнести и настоящій—«Наталки», представляющій для изслѣдователя, какъ мы постараемся показать, несомнѣнную важность. Рукопись «Наталки»—небольшая книжечка въ 8-ю листа, безъ пагинаціи и, къ сожалѣнію, безъ одного листка; написана она на пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, на оборотѣ послѣдняго листка имѣетъ зачеркнутую фамилію «Лукашевича» и, что самое главное, на 2-мъ листкѣ носитъ ясно обозначенную дату «1820» года. Эта послѣдняя сразу дѣлаетъ списокъ «Наталки» заслуживающимъ хотя-бы формаль-

наго вниманія: вѣдь онъ на 18 лѣтъ старше перваго, теперь антикварнаго, изданія нашей оперы и написанъ только на годъ позже появленія ея на сценѣ! Онъ, конечно, одинъ изъ массы подобныхъ же списковъ, ходившихъ въ то время по рукамъ въ Украинѣ, написанъ не авторомъ пьесы, но во всякомъ случаѣ довольно исправно. Исторія этого списка не сложна; по собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ находился первоначально въ библіотекѣ извѣстнаго Лукашевича, затѣмъ достался историку Н. Маркевичу, отъ него полтавскому любителю старины Бучневичу, а отъ послѣдняго украинскому поэту г. Жарко, который и представилъ любезно рукопись въ наше распоряженіе. Книжечка переписана лицомъ несомнѣнно украинскаго происхожденія, мало образованнымъ и къ правописанію относившимся довольно вольнолюбиво. На каждомъ шагу у него встрѣчается «и» вмѣсто «ы», и наоборотъ, иногда «ѣ» вмѣсто «и», даже «ы» вмѣсто «и», изрѣдка твердое «р», отдѣленіе предлога отъ глаголовъ и т. п. Словомъ, внѣшность рукописи блескомъ не отличается; но за то внутреннія достоинства искупаютъ недочеты правописанія ея безусловно. Важность ея заключается въ многочисленныхъ варіантахъ, изъ которыхъ немалое число довольно оригинальныхъ.

Вотъ главнѣйшіе изъ такихъ варіантовъ по сравненію съ изданіемъ Срезневскаго.

У Срезневскаго:	*Въ рукописи:*
Стр. 11 — тилько тоди и полегча, якъ нышкомъ поплачу.	— тилько тогди трошки легче, якъ нишкомъ заплачу.
» Ib. — по смерть не забуде;	— по викъ не забуду.
» 12 — не вышеупомянутымъ именемъ;	— не выше помьянутымъ имьярекъ;
» 14 — я рѣчи вашои въ толкъ собѣ не возьму;	— я ричи вашои не розумію;
» 16 — якъ же можешъ ты дружыться;	— якъ же тоби дружитися...
» 18 — всему земству урвалася теперъ...	— всему земскому суду увирвалась теперъ...

» 19	— золото—не дивка!	— то-то дивка!
»	— поважа матиръ свою;	— поважа стару матиръ.
»	— яка рукодильныця!	— а рукодильныця!
» 20	— молодець не убогый.	— чоловикъ не убогый.
» 23	— нарицаетъ себе... простою;	— нарицаетъ себе... селянкою.
» 42	— Гомінъ по дыброви;	— гоминъ на долыни.

Какъ можно видѣть, всѣ приведенные варіанты не отличаются рѣзкими особенностями и, хотя для будущаго критическаго изданія «Наталки» должны имѣть несомнѣнное значеніе, но почти являются равнозначными. За то въ рукописи имѣется рядъ мѣстъ, проникнутыхъ полной оригинальностью, частью совершенно имѣющихъ смыслъ діалога, а частью придающаго ему извѣстный колоритъ... Для наглядная представленія о такой важности рукописи, приведемъ сначала рядъ варіантовъ, измѣняющихъ кардинально текстъ, но пока не вліяющихъ на національную его окраску. Варьянты эти слѣдующіе.

	У Срезневскаго:	*Въ рукописи:*
Стр. 13	— и серце все стонетъ, Какъ камень, духъ въ пучину золъ тонетъ.	— и серце все стонетъ, Какъ камень, бухъ!—въ пучину золъ тонетъ.
» 15	— и душа моя ежечасно волаетъ тебе и послѣ нышпорной даже годыны.	— и душа моя ежечасно желаетъ и послѣ неоспорно даже тужыть.
» 21	— буде силы и жинку—тее-то якъ ёго—годовати и зодягати	— и жинку буде чымъ—тее-то якъ его—и другого кого годувать.
» 27	— и зненацька Ангелъ зъ неба зъ огненною ризкою злетивъ—	— и изненацька ангелъ зъ огненною рызою застыгъ

» 35 — и на ихъ нихто не гляне.	— на нея нихто и не гляне, якъ на старого грыба.
» 48 — и уже де и чортъ не зможе, то пошлы Макогоненка—заразъ докаже	— и вже де й чортъ не озьме, то пошлы Макогоненка, заразъ дистане.
» 49 — Терпелыха Горпына	— Терпелыха Катря.
» 50 — Де-жъ блукае мій Петрусь, Що и досы не вернувсь?	— Де-жъ блукае мій Петрусь, Що за мене вже забувсь?
» 52 — А у мене не орано И ничого не сіяно.	— А у мене не орано, А ни жыто не сіяно.
» 56 — Хиба есть яка земля, праведнымы Іовамы населена?	— Хиба есть така земля, праведнымы вивцямы населена?
» 57 — О, злая доле, чомъ ты не такая, якъ другыхъ?	— О, злая моя доля, не такая, якъ другыхъ!
» 58 — не успивъ ничого и спытаты.	— не вспивъ ничого сказать.
» 67 — туда запроторымъ, де козамъ рогы правлять...	— туда тебе запроторымо, де козамъ рогы правлять!
	Терпел. Съ слызны маро!

По приведеннымъ здѣсь образцамъ можно судить вполнѣ опредѣленно, насколько существенны измѣненія, которыя могутъ быть сдѣланы въ текстѣ «Наталки» на основаніи «оригинальности» варіантовъ; а что такія измѣненія должны быть сдѣланы, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ-же новые варіанты нашего списка, однородные по существу съ выписанными выше, но по формѣ выраженія и потому по значенію далеко оставляющіе ихъ за собою. Это—варіанты, которые мы назвали-бы «путеводительными», и вотъ почему. Въ спискѣ «Наталки» Срезнев-

скаго встрѣчается рядъ мѣстъ, не имѣющихъ часто никакого смысла и обязанныхъ этимъ, вѣроятно, самому издателю. Напрасно мы считали-бы ихъ опечатками и, согласно указанію Срезневскаго, обратились-бы за разъясненіемъ къ приложенному имъ къ пьесѣ Словарю: послѣдній не облегчаетъ дѣла нисколько. Вотъ въ такихъ случаяхъ данный списокъ является драгоцѣннымъ; онъ въ отношеніи печатнаго экземпляра играетъ роль исправителя и для установленія болѣе правильнаго текста становится положительно необходимымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть нижеслѣдующую таблицу.

Срезн.	*Рукоп.*
Стр. 13 — Позвы и коны страхъ надоѣли...	— Позвы, копіи страхъ надоилы.
» 14 — Уязвленное часто-реченою любовію серце	— Уязвленное чысто-сердечною любовію серце
» 18 — Я иду зъ дому. Выпроважавъ гостя	— Я иду до дому. Выпроважавъ гостя...
» Ib. — не тилько засидателямъ, ни самому комисарови уже не те, якъ давно було...	— не тилько засидателямъ, дай самому комисарови не те уже, що було...
» 22 — Колы другіи облызня піймають.	— колы другіи облызня піймалы.
» Ib. — Наталка піднесла печеного кабана	— Наталка піднесла печеного гарбуза
» 38 — колы бачыть ридну свою при старости... и ту-жъ умираючу одъ голоднои смерти	— Колы бачыть ридную свою матиръ при старости и..... тужъ-тужъ умыраючы одъ голоднои смерти.
и на вси стороны мотается:	
» 48 — Де не посіе, тамъ и уродыться	— де не посій, тамъ и въ родыцця

» 56 — Два плута въ сели, и селу безчестья не роблють, а не тилькы..	— два плутяги въ селп и селу безчестя нароблять.
» 59 — Отъ-же и въ Ворсклу не будешъ	— Отъ-же и въ Ворсклп пе булешъ.

Такое «исправляющее» значеніе нашего списка не исключаетъ, конечно, возможности присутствія и въ немъ самомъ извѣстнаго количества безсмысленностей, что, напримѣръ, видно изъ нижеслѣдующей таблицы варьянтовъ.

Срезн.	*Рукоп.*
» 17 — Ой по горп, по Паняньци	— Ой на горп на полянци (!).
» 26 — безъ дани, безъ пошлины.	— безъ даже (!), безъ пошлины...
» 28 — Тилькы велыкымъ грішныкамъ даромъ проходыть.	— Тилькы велыкымъ гришныкамъ такого банкету (!). задають...
» Ib. — Ой доля,... що до иншыхъ дуже гречна...	— Ib. — Ой доля... що до инчихъ прочна (!).
» 34 — чи не изъ города ты таку прымху прынесла?	— чи не зъ города таку приманку принесла?
» Ib. — той небогатый, той неметкый.	— той небагатый, той меткый.

Такимъ образомъ, найденная рукопись не можетъ быть названа совершенной; но несовершенство ея—вещь въ данномъ случаѣ и не существенная и исправимая, благодаря тому-же изданію Срезневскаго. Для насъ, наоборотъ, болѣе важно сравнительное *совершенство* рукописи относительно печатнаго списка, и тотъ фактъ, что послѣдній безъ нея обойтись не можетъ: эта рукопись, въ силу обилія варіантовъ указаннаго типа, должна стать исходной точкой для каждаго изслѣдующаго и устанавляющаго текстъ «Наталки». Но иная катего-

рія варіантовъ такое значеніе рукописи усиливаетъ еще болѣе. Мы разумѣемъ варьянты, сообщающіе пьесѣ Котляревскаго особенный украинскій характеръ, который въ редакціи Срезневскаго подвергся нѣкоторой руссификаціи. Этотъ болѣе глубокій національный характеръ изложенія выражается какъ въ общемъ колоритѣ пьесы, такъ и въ ея частностяхъ. Общій болѣе яркій украинскій колоритъ рукописи наблюдается въ слѣдующихъ мѣстахъ.

	Срезн.	*Рукоп.*
Стр. 14	— знайся кинь зъ конемъ	— знайся кинь зъ кинемъ.
» 16	— безпомощною сыротою	— безпомочною сыротою
» 19	— вовся не той	— вовсе.
» 23	— що вона... одна моя госпожа.	— що вона... одна моя галочка.
» 30	— объ нимъ ни слуху нема, ни послушанія.	— объ іому ни слуху, ни послушання.
» 35	— але яка жызнь ихъ...	— але яке-жъ ихъ жытя!
» 36	— мудрійша — одъ Царя Соломона	— мудрійша одъ царя Салымона.
» Ib	— вашому горю и пособити.	— вашому горю и помогты.
» 39	— Добро имъ посылаеть	— Добро имъ посылае
	И зъ нымы викъ жыветь	— И зъ нымы викъ жыве.
» 42	— бувъ въ городи, шукавъ миста	— бувъ у городи, шукавъ мисця
» 44	— и вовся мени незнакомый	— И зовсимъ мени не звисны.

» 45 — но я, благодареніе Богу, до сего часу	— но я, дяковать Богу, до якого часу
» 60 — до мене опять вернувсь	— тай до мене навернувсь.
» Ib. — объ любви поговорыте	— объ любови поговорыте.

Таковы образцы особенностей найденнаго списка, сообщающіе тексту пьесы общій украинскій колоритъ; но есть возможныя въ данномъ направленіи и частности. И это именно въ обрисовкѣ типа Вознаго. У Срезневскаго послѣдній до нѣкоторой степени обрушенъ; виноватъ-ли въ этомъ самъ авторъ или издатель пьесы, неизвѣстно,—но, во всякомъ случаѣ, неполныя украинскія очертанія названнаго типа даютъ себя чувствовать. Вотъ этотъ-то недостатокъ вновь восполняетъ до извѣстной степени найденная рукопись, что можно иллюстрировать такими образцами.

Срезн.	*Рукоп.*
Стр. 13 — Насталъ мой часъ	— Наставъ мій часъ.
» 12 — Но желаю изъ медовыхъ устъ твоихъ	— но бажаю изъ устъ твоихъ медовыхъ.
» 13 — Не ощущалъ возженія въ крови	— не ощущавъ возженія въ крови.
» Ib — Какъ райскій кринъ.	— якъ райськый кринъ.
» Ib. — Когда-бы я имѣлъ— тее то якъ его—столько языковъ, сколько артикуловъ,	— когда-бы я имѣвъ тее-то якъ его... стилько языкивъ, скилько артыкулывъ,
» 15 — открой мнѣ хотя въ терминѣ	— открый мени хотя въ терминѣ.
» 22 — Якъ совитуешъ въ таковомъ моемъ припадци	— якъ ты совитуешъ въ такимъ моимъ прыпадку.
» 98 — розмышлялъ я предоволно,	— розмышлявъ я предоволно,

Вотъ, такимъ образомъ, главнѣйшія особенности найденной рукописи по сравненію ея съ печатнымъ спискомъ. Если мы теперь скажемъ, что число отличительныхъ ея чертъ есть свыше 600, то станетъ яснымъ, насколько рукопись «Наталки» любопытна для изслѣдователя. Для будущаго установителя текста пьесы она должна стать незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ даже въ томъ случаѣ, если-бы отыскана была подлинная рукопись Котляревскаго. При данномъ-же условіи, найденный списокъ почти замѣняетъ утраченный оригиналъ, исправляя существующія печатныя редакціи и, вѣроятно, передавая болѣе или менѣе близко первоначальную редакцію пьесы. Такъ или иначе, но на открытую рукопись «Наталки» мы обращаемъ вниманіе лицъ, имѣющихъ возможность издать ее параллельно съ текстомъ изданія Срезневскаго.

Для изслѣдователей произведеній Котляревскаго она представляетъ безспорный интересъ научный.

И. Стешенко.

Булава гетмана Тетери. Вещественныхъ памятниковъ гетманщины сохранилось, какъ извѣстно, очень мало, да и то, что сохранилось—разбросано по разнымъ мѣстамъ, большею частію безъ печатныхъ свѣдѣній—гдѣ и что́ хранится. А если есть печатныя свѣдѣнія, то они часто находятся въ такихъ книгахъ и книжкахъ, гдѣ никакъ не подозрѣваешь встрѣтить описаніе этихъ памятниковъ. Вотъ напр., свѣдѣніе о булавѣ гетмана Тетери напечатано въ книжкѣ: *Marya Bogorodzica w Nazareti na Jasnej—Gorze Częstochowskiey* (2 томика, изд. въ 1845 г., въ Краковѣ). Здѣсь, (въ главѣ—Skarbiec, pamiątki uchowane и проч., II, 81—88) въ числѣ гетманскихъ булавъ, сохраняющихся въ ризницѣ монастыря, указана «Buława pstro złocona, w jaszczur [1]) bez kamieni, Tetery, hetmana zaporozkiego». Извѣстно, что Тетеря кончилъ жизнь іезуитомъ, чѣмъ и объясняется, что булава его попала въ католическій монастырь. [2])

---

[1]) Булава, древко которой обтянуто змѣиной кожей.

[2]) Въ этой же книжкѣ перечислены (II, 149 и слѣд.) католическія чудотворныя иконы Богородицы, находящіяся въ костелахъ юго-западнаго края: въ Летичевѣ, Коднѣ, Заславлѣ, Клевани, Луцкѣ и друг.

Два письма гетмана Мазепы къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрѣ 1705 года. Какъ извѣстно, лѣтомъ 1705 г., Мазепа, по приказу царя, выступилъ въ походъ, въ Польшу. Дѣло шло о поддержаніи короля Августа противъ его соперника Станислава Лещинскаго. Походъ затянулся, и гетману пришлось, съ своимъ войскомъ, зазимовать на Волыни, въ Дубно. Въ этомъ походѣ не разъ случалось, что офицеры великорусскихъ войскъ позволяли себѣ оскорблять малороссійскихъ козаковъ; старшина послѣднихъ жаловалась гетману, но послѣдній рѣдко могъ помогать обиженнымъ.... По свидѣтельству Орлика, въ это время у Мазепы зародилась первая мысль объ измѣнѣ. Никакихъ подробностей объ этомъ походѣ въ малороссійскихъ источникахъ, до сихъ поръ, мы не имѣемъ. Тѣмъ интереснѣе, слѣдовательно, печатаемыя здѣсь два письма Мазепы, писанныя въ декабрѣ 1705 г., изъ Дубно, къ наказному гадяцкому полковнику Велецкому [1]), и говорящія именно объ этомъ походѣ. Между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ Мазепа говоритъ о своихъ «*щоденныхъ турбаціяхъ*», связанныхъ съ этимъ походомъ.

—

1. Мой ласкавый пане полковнику наказный гадяцкій. З листу в. м. вѣдомо намъ о распораженю полку вашого на зимовіи консистенціи товариства, за що, в. м., похваляемъ и пилно жадаемъ и приказуемъ, абысь в. м. всячески оное заохочувалъ, дабы не тискливе зоставали (чтобы не скучали) на той монаршей его царского пресвѣтлого величества службы, до его жъ великого государя указу и нашой волѣ, поневажъ и мы, гетманъ, такъ же мусимъ тутъ въ воеводствѣ волинскомъ найдоватися. А що, в. м., въ томъ же листѣ и о щуплости товариству полку вашого станціи докладаешъ, теды самъ уже, в. м., потрафляй въ тое, жебы, якъ належитъ, моглося товариство полку вашого доволно быти станціями, на которихъ если на назначенихъ вамъ въ воеводствахъ белзцкомъ и волинскомъ мѣстцахъ же можется помѣстити, то хочай руского воеводства и земли львовской

[1]) Василій Велецкій, съ конца XVII в. по 1709 г. былъ гадяцкимъ полков. судьею, а потомъ, по выходѣ въ отставку (1711—1721 г.), оставался значн. войск. товарищемъ. Отъ Мазепы Велецкій получилъ два села: Синювку, въ гадяцкомъ полку, и Ювковцы, въ Лубенскомъ; а отъ Скоропадскаго, въ 1716 г., получилъ гадяцкое село Броварки. Сынъ этого Велецкаго, Василій же, былъ гадяцкимъ полков. сотникомъ.

часть, къ воеводствамъ белзкому и волинскому прилеглу, займѣте и остатокъ полку своего товариства распоряжайте на станціи, намъ болше о томъ не докучаючи, *кідыжъ и безъ того есть намъ зтолко щодевне турбацій*. О тое и повторе жадаючи и приказуючи в. м. пилно, ему жъ засылаемъ упреймое наше поздоровлене. З Дубна. 1 декабря, 1705 року. В. м-ти зичливый пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ рукою власною.

—

2. Мой ласкавий пане полковнику наказный гадяцкий. Уже то повторный пресвѣтлѣйшого монархи, его царского пресвѣтлого величества зайшолъ насъ указъ, абисмо войска рейменту нашего, на консистенціяхъ въ воеводствѣ белзкомъ и землѣ хелмской зостаючіе, ординовали, подъ коммендою наказного нашого пана полковника чернѣговского, на службу его монаршую и на зимовіи консистенціи, ку Кракову и Сандомиру в злученіи з енераломъ его королевского величества Сазонскимъ; прето мы, по першомъ монаршомъ указу, засилалисмо в. м-ти таковый нашъ ординансъ, жебысь в., м., з товариствомъ полку гадяцкого, въ борошенніе всякіе приспособлялся запасы и якъ належитъ до походу военного в поготовости знайдовался. Теперъ зась, по повторномъ монаршомъ указу, повторный в. м., черезъ сей листъ нашъ, засилаемъ ординансъ и пилно приказуемъ, абысь, в. м., заразъ за одобранемъ оного, двигнувши зъ консистенцій все полку гадяцкого товариство, не оставуючи ни единого въ добрахъ королевскихъ и духовныхъ человѣка, яко наискорей зо всѣмъ полкомъ спѣшилъся въ злученіи зъ наказнымъ нашимъ паномъ полковникомъ чернѣговскимъ и енераломъ королевского величества саксонскимъ, трактомъ ку Кракову и Сандомиру лежачимъ, ку Вислѣ. Въ добрахъ зась шляхецкихъ можешъ, в. м., по два, а в силу—по три человѣка товариства тихъ, котріи не способніи до служби войсковой суть, зостановити для того, жебы хто иншій не убѣгъ и не занялъ тихъ консистенцій. А когда военный трафится случай, повиненъ в. м. пану полковникови чернѣговскому належитое отдавати послушенство и, за помощію Божією, для чести монаршей и славы войска Запорожского, щире и отважне противно непріятеля ставати. О тое в. м. и повторе пилно приказуемъ и его жъ Богу поручаемъ. Данъ в Дубну. Декабря 21, 1705 року. Вм-ти зичливий Іванъ Мазепа гетманъ, рукою власною. *(Оба письма съ подлинниковъ, полученныхъ отъ Н. И. Янжула).*

Свѣдѣніе объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ. Въ первомъ выпускѣ тома II-го „Трудовъ Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ.“ (стр. 149—150) графиня П. С. Уварова напечатала списокъ царскихъ грамотъ, выданныхъ: а) Леонтію и сыну его Павлу Полуботкамъ на маетности въ Черниговскомъ полку и б) гадяцкому полковнику Мих. Вас. Самойловичу на маетности въ Лебединскомъ у., Харьковской губерніи. Тутъ же упомянуто и о другихъ документахъ, принадлежавшихъ Полуботкамъ. Всѣ эти документы хранятся въ с. Михайловкѣ, Лебединскаго у., Харьк. г., у тамошнихъ помѣщиковъ гр. Капнистовъ. Какъ попали туда Полуботковскія бумаги, это объясняется генеалогическими свѣдѣніями. С. Михайловка была основана въ 1678 г. гадяцкимъ полковникомъ, Михайломъ Васильевичемъ Самойловичемъ, на пожалованныхъ ему „помѣстныхъ земляхъ“, въ Лебединскомъ уѣздѣ, «за р. Псломъ, въ урочищѣ Бѣсовщинѣ». Этотъ полковникъ былъ родной племянникъ гетмана Самойловича, который поставилъ его полковникомъ по родству. [1]) Это же родство дало возможность молодому полковнику жениться на дочери стараго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка.—Послѣ низложенія гетмана Самойловича, Мазепа, преслѣдуя родню послѣдняго, напалъ и на гадяцкаго полковника, за какую-то, разумѣется, измѣну. Мих. Самойловича сослали въ Сибирь, а Михайловку Мазепа отдалъ своему племяннику, Обидовскому; а когда измѣнилъ самъ Мазепа, то Михайловку, которою владѣла вдова Обидовскаго, выпросилъ у царя Павелъ Полуботокъ, опираясь на свое свойство съ основателемъ этого села. Отъ Полуботковъ Михайловка переходила, повидимому, къ разнымъ лицамъ; теперь ею владѣютъ гр. Капнисты. Засимъ рождается любопытный вопросъ: какимъ образомъ такія важныя бумаги Полуботковъ, какъ царскія грамоты и другіе семейные документы—попали въ Михайловку въ то время, когда Павелъ Полуботокъ, его сыновья и слѣд. потомки—постоянно были въ Черниговщинѣ?—Изъ сообщенія Д. П. Миллера, недавно посѣтившаго ту же Михайловку,

[1]) Мих. Самойловичъ поставленъ былъ гадяцкимъ полковникомъ послѣ смерти полковника Остренка, причемъ гетманъ, оправдываясь противъ нареканій, что онъ въ полковники ставитъ почти исключительно родню и друзей, относительно племянника оправдывался такъ: „а на Гадяцкое полковничество тамошніе полчане, по убіеніи полковника своего, прошеніемъ крѣпкимъ племянника моего допомоглись» .. Дополн. къ актамъ историч., т. XI, стр. 168.

съ археографическою цѣлью въ виду предстоящаго Харьковскаго археологическаго съѣзда, видно (Вѣстн. Всемірн. Истор., 1901 г., № 2, стр. 205), что въ семейномъ архивѣ гр. Капнистовъ хранятся не только оффиціальные документы на маетности Полуботковъ, но и такія рѣдкости, какъ напр., «рукописный сборникъ, составленный Павломъ Полуботкомъ во время его ученія въ кіевской академіи», „постановленіе генеральной канцеляріи (?) объ избраніи П. Полуботка въ наказные гетманы" и проч.—Почему же эти бумаги хранятся въ Михайловкѣ, а не у черниговскихъ наслѣдниковъ Полуботковъ—Милорадовичей, Лашкевичей и друг.? Не потому ли, что они могли быть пересланы изъ Черниговщины въ Михайловку тогда, когда семья Полуботка, узнавъ объ арестѣ послѣдняго въ Петербургѣ, сожгла и его письма въ Черниговскомъ домѣ Полуботка. (Истор. Р., Солов., кн. IV, стр. 836). Конечно, документовъ на маетности жечь не рѣшались, но боясь, что ихъ можетъ забрать царскій слѣдователь Румянцовъ (А. И.), семья Полуботка могла отправить оставшіяся бумаги на храненіе въ далекую маетность...

Будемъ ожидать, что Д. П. Миллеръ сообщитъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ остаткахъ Полуботковскаго семейнаго архива. Кстати, этихъ семейныхъ архивовъ въ Малороссіи теперь почти уже не существуетъ: погибли они отъ крайняго небреженія потомковъ тѣхъ лицъ, которыя съ к. XVII в., вмѣстѣ съ маетностями, накопляли и разные „шпаргалы". [1])

V **Отдача гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ.** Во время назначенія Разумовскаго гетманомъ, у матери его имѣлось только небольшое село Адамовка, подаренное ей старшимъ сыномъ, Алексѣемъ. Въ хуторѣ около Адамовки, Разумовская устроила себѣ усадьбу, въ которой и жила. Но когда младшій сынъ поставленъ былъ гетманомъ, мать его въ томъ же году (1751 г.) обратилась къ ментору этого сына и про-

---

[1]) Недавно мы пріобрѣли въ одной изъ подольскихъ книжныхъ лавочекъ (въ Кіевѣ) цѣлый фоліантъ семейныхъ бумагъ Корецкихъ и Кулябко-Корецкихъ. Пріобрѣли мы этотъ сборникъ бумагъ за рубль или за два...

сила походатайствовать у послѣдняго—нельзя ли ей дать, поблизу къ ея хутору, еще какую нибудь маетность, «для вспоможенія къ дому Адамовскому». Тепловъ поспѣшилъ исполнить эту просьбу, результатомъ которой явилась отдача гетманомъ матери своей двухъ богатыхъ мѣстечекъ въ «вѣчное владѣніе», какъ это видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ [1]).

1) »Милостивая Государыня графиня Наталія Демьяновна! По повелѣнію вашему, чрезъ г. Пустоту, какъ о дворахъ, такъ и о Івасѣ(?) я его ясневельможности того жъ часа доложилъ, на что и резолюція воспослѣдовала вашему сіятельству угодная. Итакъ я ваше сіятельство всенижайше поздравляю владеніемъ новыхъ маетностей, которыя собственно персонѣ вашего сіятельства принадлежать, желая всеусердно и всегда пользоваться ясневельможнаго гетмана а вашего любезнѣйшаго сына почтеніемъ и ласковостію къ родительницѣ своей. При чемъ предаю себя въ неотмѣнную вашего сіятельства высокую милость, есмь со всегдашнимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства, милостивой государыни, *всенижайшій слуга Григорій Тепловъ.*

Глуховъ. Октября 18 дня, 1751 году».

P. S. Дѣвушку Надежду его сіятельство приказалъ просить прислать, а для взятія брать ея родной посланъ.

2) «Милостивая Государыня матушка! Увѣдомившись чрезъ посланнаго вашего, что вы имѣете нужду въ нѣкоторомъ вспоможеніи къ дому вашему Адамовскому, того ради, хотя вы на нѣкоторое только время просили, однакожъ я, изъ почтенія къ вамъ сыновняго, опредѣлилъ въ вѣчное и спокойное владѣніе, въ полку киевскомъ, мѣстечка Носовку и Кобыжчу, со всѣми въ оныхъ жительствующими свободными и посполитыми людьми и съ надлежащими ко оными мѣстечкамъ грунтами, угодьями и всѣми принадлежностями, на что вамъ, государыня матушка, и универсалъ при семъ посылаю, желая отъ всего серца оными маетностями благополучно и долголѣтно владѣть. А себя препоручая вашимъ родительскимъ молитвамъ, пребываю вашъ *послушный сынъ графъ К. Разумовскій.*

Глуховъ. Октября 18 дня. 1751 году».

---

[1]) Письма получены въ подлинникахъ отъ А. Ф Бадрова.

[1]) Курсивомъ напечатанныя слова писаны собственноручно.—Выданный Разумовскимъ при томъ универсалъ см. Обозр. Рум. Описи, 142.

Къ этимъ письмамъ можно добавить, что Носовка и Кобыжча были *сотенными городками*, которые до того, всецѣло (разумѣется, безъ козаковъ) почти еще не отдавались въ частное владѣніе, да при томъ еще и въ вѣчное. Однако-жъ Носовка и Кобыжча не остались у Разумовскихъ, такъ какъ, при упраздненіи гетманства, крестьяне этихъ мѣстечекъ обращены были въ «коронныхъ». Позже Носовка и Кобыжча были выпрошены себѣ Безбородкомъ, умѣвшимъ выбирать доходныя маетности.

Къ исторіи Гадяцкаго полка. По свѣдѣніямъ Шафонскаго (Черниг. нам., 88 и 628), въ его время, въ гадяцкомъ архивѣ (ратушномъ?) хранились «замковыя дневныя записки, гдѣ замку гадяцкаго королевскаго управитель, иногда самъ, иногда обще съ гадяцкимъ войтомъ, всѣ дѣла жителей гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ разбирать. Сія судовая дневная записка, съ выгнаніемъ поляковъ 1654 г., на польскомъ языкѣ кончилась, а за оною, такимъ же образомъ, продолжалась на русскомъ, гдѣ тоже намѣстники замковые, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали».... Отсюда видимъ, что еще въ 1786 г. въ Гадячѣ сохранялись *городскія книги*, начинавшіяся съ 1645 г.; въ этихъ книгахъ заключалось множество драгоцѣннаго матеріала для исторіи юридическаго быта данной мѣстности и полныя свѣдѣнія о персоналѣ тогдашней полковой старшины. Все это погибло, и въ настоящее время приходится дорожить каждымъ листомъ той или другой «выписи» изъ утраченныхъ городскихъ книгъ. Одна изъ такихъ «выписей» и печатается здѣсь, при чемъ въ ней указываются два лица: 1) вовсе неизвѣстный до сихъ поръ гадяцкій полковникъ *Яковъ Тишенко* и 2) *Павелъ Апостолъ*, отецъ гетмана, тоже бывшій въ 1659 г. гадяцкимъ полковникомъ, который продаетъ въ Гадячѣ свою усадьбу, и. ч. въ это время онъ усиленно скупалъ [1]) земли въ Миргородщинѣ, гдѣ, послѣ Гадяча, Апостолъ съ своей семьей основался и гдѣ онъ вывелъ въ люди своего сына Даніила, одного изъ лучшихъ людей въ старой Малороссіи, но до сихъ поръ еще мало вѣдомаго въ печатной литературѣ.

---

[1]) См. Русск Арх. 1875 г., I, 92.

«Выпись с книгъ полковихъ гадяцкихъ в року 1670, ноемря 3 дня.

Передо мною, Яковомъ Тишенъкомъ, полковникомъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого гадяцкимъ, и при мнѣ будучи Хвеска Донъца, сотника гадяцкого, Кирила Мартиновича, есаула полкового, Стефана Мокрѣевича и инихъ людей зацнихъ і вѣри годъних при томъ било не мало, персоналитеръ постановившись славетъний товаришъ войсковий Павелъ Апостолъ призналъ явне, ясне и доброволне, иж продалъ дворъ свой власний, не пений і в жадномъ долгу не заведенний, стоячий в мѣстѣ Гадячомъ, насупротивъ двора Есифа Давидовича, на рогу, пану Михайлу Княпце, полковнику миргородскому, за певную готовую суму коп сто литовской личбы, ему самому, малжонце и потомкомъ его, до вѣчного вживанія и спокойного держанія. Волпожъ ему продати, даровати і яко хотя, на свой пожитокъ, оборочати. А еслибы хто мѣлъ одозвати близкостю права дѣдизного, од того вышеписаний продавца всего уволняетъ, если бы где панъ Михайло за мою продажу, а свою куплю, всякого суду и права мѣлъ приложитись осмакомъ (?).....[1]) коною, що обополне просили насъ, абысмо про память казали до книгъ полковихъ гадяцкихъ записати, що і одержали. Съ которихъ то книгъ и тотъ випись потребуючой сторонѣ казалисмо видати, при звиклой печати полку гадяцкого и съ подписомъ руки писарской. Писанъ въ Гадячомъ, року и дня звишписаного. Хведор Трушенъко, писаръ сего екстракту». *М. П. (Съ подлинника).*

Жалоба конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго. 1754 г. «Въ войсковую енеральную канцелярію. Нижайшее доношеніе. Въ мѣстечку Конотопѣ житель конотопскій Данило Торянскій доволние года на сотенномъ уряду конотопскомъ билъ: первѣе, сотеннымъ писаремъ, а послѣ сотеннымъ атаманомъ и наказнымъ сотникомъ, по приключившейся ему водной болѣзни, въ которой онъ 16 недѣль болѣлъ, такъ що въ бѣдной болѣзни его, при

---

[1]) Не разобрано одно слово.

его всекрайнѣйшей скудости, отъ болю его, въ животѣ нему заплодились черви, а посля де, какъ по волѣ Божіей, съ настоящою христіанской диспозиціею, принялъ отъ духовнаго отца не единыжды, чрезъ такъ долгую его болѣзнь, исповѣдь христіанскую, а при окончаніи, божественныхъ и тайнъ удостоенъ съ покаяніемъ, сего ноября 13-го умре, то жена его зъ родственниками—приходскому попу пресвитеру церкви Рождеста Богоматере Іякову о его умертіи объявили, то онъ первѣе, сказалъ де, по обичаю христіанскому, позвонить и яму выкопать; и то чинилось на другій день смерты его. Того же другого дни, по прошенію, оной же его мертвеца жена и кревныхъ, и за обичай козачій, ординована была для опровожения, ко гробу тѣла, сотенная короговъ и вооруженные козаки,—но онъ, попъ Яковъ Костенецкій, по прихотѣ своей, чтобъ за бѣдного мертвеца, по коему ничего по его скудости не оставалось, удрать з имущества, хотя, совсѣмъ приборъ билъ, но тѣло не пополъ, требуя денегъ на сорокоустъ, и по особливой его претенсіи. Что видя близкіе и козаки къ опровоженію тѣла его прибранные, неоднократно ходили и просили, чтобъ онъ помянутого мерца тѣло принялъ и погребъ, точію онъ по обиклой ненасытности и вымагателству своему, того отнюдь не учинилъ. Увидя же народъ, коихъ было болѣе тисящи, къ тому погребу пришедшихъ, оного попа безчеловѣчество и мерьцово странство, что въ очахъ грѣшное тѣло идятъ черви; и не могучи того терпѣть, а уже день к вечеру зближался, другой (разъ ?) отъ общества ходили до него попа и зъ виговоромъ, что если не пойдетъ онъ, попъ, по оное тѣло, то и безъ него имѣютъ понести къ церквѣ, но онъ и потому не пошовъ, почему народъ и безъ приходского попа, взяли сами со обикновеннымъ погребовымъ порядкомъ, несли до помянутой церкви. Егда же принесли до близъ церкви, егда стали для зближаючогося тѣла звонить, то предъявленного попа приходского сынъ, попъ же Иванъ Костецкій, нападши на людей тихъ, что звонили, билъ и побилъ Савку Кондратенка и другихъ, і оного тѣла до церкви не допустилъ, и въ крайное смятеніе и невпокой весь народъ привелъ. И потомъ видя народъ принужденный въ другой приходъ до священниковъ пойти и упросить, чтобъ принаймнѣй оное тѣло наверсѣ, до погробу, въ церквѣ поставить, которое тѣло хотяй в церквѣ другого приходу, по всенародному упрошенію внесено, однакъ и поминѣ, чему уже пятій день, непогребенно и яма викопанная, по приказу оного жъ попа і зарита, хотя отъ протопопи конотопскаго Мойсея Кривецкого

ордеромъ велено ему, попу, чтобъ онъ тое тѣло похоронилъ, точію и по нынѣ не хоронитъ. И яко о семъ ввесь народъ смущенъ и крайне стужаетъ о взнесеніи о томъ, куда надлежитъ, тогодля сотенний конотопскій урядъ въ генеральную войсковую концеларію, яко главную команду свою, ко учиненію належащого по сему на всенародное всеусиловное прошеніе, разсмотрѣнія взноситъ. Сотникъ конотопскій Федоръ Костенецкій. Атаманъ сотеній Максимъ Вербицкій. Писаръ сотенній Захарій Бибиковъ. Асаулъ сотенній Федоръ Парпура. 1754 году, ноября « » дня.» (Съ *подлинника*) Изъ приложеннаго къ жалобѣ черновика видно, что гетманомъ было сообщено кіевскому митрополиту подробное описаніе случая съ просьбою „накрѣпко запретить попу Костенецкому впредь чинить непотребныхъ здирствъ и таковыхъ народу смятеній и блазнителнихъ непорядковъ.“ Это было написано 23 ноября, т. е. чрезъ десять дней послѣ смерти Торянскаго, тѣло котораго, повидимому все еще ожидало погребенія...

Стоимость похоронъ прилуцкой обывательки въ 1726 г.

«*Реестръ мнѣ Маріи Стефановой, сколко на поминовеніе небожчицы дщери своей Ѳедори витрателемъ*». «Отцу протопопѣ прилуцкому чтири рубля.—Викарію протопопскому отцу Сосновскому пять золотыхъ.—Дяконови протопопскому жъ кону.—Дякови спаскому копу.—*На другую церковъ*. Отцу Лѣсяневичу талярей десять.—Вѣкарію отцу Омиону (sic) залотыхъ пять.—Отцу дяконови кону.—Дякови чотири золотіи.—Паламареви два золотихъ.—Подпаламарому гривня.—Іваницкому вѣкарію пять золотыхъ.—Дякови Іваницкому кону.—Паламареви полкопи.—Варвинскому намѣсникови копъ вусѣмъ зовсѣмъ.—До Переясловля два червоніи онъ, Жураковскій, (мужъ умершей) взявши в мене, не отдалъ.—Голубовскому попови вусѣмъ копъ.—Переволочанскому (священнику) шкапу (лошадь) добрую.—Заизкому (с. Заизда священнику) вола доброго.—Обѣдувъ было сѣмъ и на каждій обѣдъ, кромѣ харчи и напитку, готовихъ грошей виходило по десять золотихъ. На всѣхъ поповъ и с панахидамы, на дяковъ и паламарей сѣмъдесятъ золотыхъ.—На похороны цеховымъ за сѣмъ цеховъ, по гривнѣ.—На подзвонне, по всѣмъ церквамъ, когда небожка померла, на похоронъ попамъ и дякамъ заплатила копъ шесть». (*Съ подлинника*). Этотъ реестръ принадлежитъ вдовѣ Степана Ивановича

Носа (сына полковника) и составленъ ею при спорѣ съ зятемъ Мартыномъ Жураковскимъ, который, по смерти жены своей Федоры Степановны Носъ, спорилъ съ тещею за недополученное приданое.

На 19-е февраля 1861 г. 19-го февраля 1901 года [1]).

Вже сорокъ годочкивъ сёгодня мынуло,
Якъ Мученыкъ—Батько намъ свитъ розвьязавъ;
Людей, що въ неволи послиплы—поснулы,
На волю Винъ вывивъ и любо сказавъ:
„Замучени диткы! Хреститься й тикайте
Изъ темного лёху на волю, на свитъ:
На воли—роздолли вы доли шукайте...
Це вамъ, мои люби, видъ Мене прывитъ."
Неначе изъ неба труба затрубыла,
Мовъ гримъ весняный той усихъ стрепенувъ,—
Такъ „воля" забытыхъ людей розбудыла,
И тыхъ пидвела, хто й на викы заснувъ.
Велыкдень крестянамъ, друге Воскресиння:
Изъ пекла ихъ души попалы у рай—
Зъ неволи у волю; настало спасиння,—
Радіе, ажъ плаче, замученый край.
Хыба ще не въилысь прыгинчи на поли?
Чы диткы маленьки въ стерни не пеклысь?
Чы маты голодна не жаждала воли?
Чы слёзы дивочи въ-ночи не лылысь?
Усе те мынуло... Бодай не верталось,
Бодай нашымъ диткамъ того не диждать,
Що нашымъ сердешнымъ батькамъ доставалось:
Щобъ лютій неволи сынамы не стать.

[1]) Мы получили это стихотвореніе, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно и потому не могли его помѣстить въ мартовскую книжку, посвященную главнымъ образомъ 40—лѣтію со дня „воли" для крестьянъ. Намъ особенно пріятно было получить это стихотвореніе потому, что оно явилось изъ-подъ пера человѣка, принадлежащаго къ крестьянскому сословію и вдохновившагося тѣмъ моментомъ, который въ жизни русскаго крестьянства можетъ быть названъ поистинѣ „великимъ днемъ". *Ред.*

И намъ, сиромахамъ, не слидъ забуваты
На вищо намъ воля святая далась,
Для чого въ неволи не сталы страждаты,
За що неповынная кровъ пролылась:
На те, щобъ мы, маючы волю шыроку,
Не спалы пидъ тыномъ, якъ часто бува,
Щобъ мы, трудовымы, замисто оброку,
На воли справдылы велыки слова:
„Одъ-ныни на трудъ твій—шырокая воля,
Иды соби зъ Богомъ, бо ты чоловикъ,
Нехай усмихнется щаслывая доля,
Тоби й твоимъ диткамъ, на воли, по-викъ."
Такъ вично-жъ въ день „воли" передъ образамы
Молиться, крестяне, за душу Царя,—
Щобъ лыкъ ёго ясный, умытый слёзамы,
Сіявъ-бы у хати, якъ въ неби зоря.

Крестьянинъ **М. Н-п-в-да.**

1901 года февраля 13 дня.
г. Миргородъ.

Текущія извѣстія.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка въ 40-ую годовщину его смерти.

Въ Россіи:

Александровскъ (Екатеринославск. губ.). 26-го февраля с. г. Въ Александровскѣ, Екатериносл. губ., въ театрѣ Молчановскаго, былъ устроенъ кружкомъ почитателей украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, въ память сорокалѣтней годовщины его смерти, литературно-вокальный вечеръ въ пользу библіотеки и бѣдныхъ. На вечерѣ П. И. Чижевскимъ была прочитана біографія Т. Г., послѣ чего предъ туманной картиной (портретъ Шевченка) мѣстный поэтъ Т. А. Полищукъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное памяти Т. Г. Шевченка.

Дальнѣйшая программа вечера, состоявшаго изъ трехъ отдѣленій, была посвящена исключительно исполненію украинскихъ пѣсенъ хоромъ, подъ управленіемъ Н. С. Попова, и чтенію произведеній чествуемаго поэта.

Сборъ отъ вечера достигъ почти 400 рублей. (Южн. Кр. № 15).

26 февраля въ *Екатеринодарѣ*, въ Войсковомъ соборѣ соборнымъ протоіереемъ о. М. Воскресенскимъ въ сослуженіи двухъ священниковъ совершена была панихида по случаю исполнившагося сорокалѣтія со дня кончины великаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. На панихидѣ присутствовало значительное стеченіе молящихся офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и разныхъ вѣдомствъ частныхъ лицъ. (Куб. Обл. Вѣд., № 45).

Тамъ же 25 февраля, въ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ, устроенъ былъ членомъ правленія названнаго общества, А. А. Левитскимъ, общедоступный вечеръ въ залѣ Александро-Невскаго религіозно-просвѣтительнаго братства, въ память 19 февраля 1861 года и украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Всѣ билеты были распроданы еще за долго до начала вечера, и многимъ, желавшимъ попасть на него, пришлось отказать за недостаткомъ мѣста. Вечеръ состоялъ изъ двухъ вокально-музыкальныхъ отдѣленій, изъ которыхъ первое было посвящено чествованію 19 февраля 1861 года, а второе—памяти Т. Г. Шевченка.

Первое отдѣленіе открылось чтеніемъ реферата Л. М. Мельникова: «Изъ исторіи крѣпостного права на Кубани», изъ котораго слушатели узнали, что хотя Кубанская область (бывшая Черноморія) заселена бывшими запорожцами—вольными козаками и ихъ потомками,—болѣе чиновные и богатые между ними имѣли крѣпостныхъ-дворовыхъ и не разъ пытались добиться права имѣть крѣпостныхъ крестьянъ, но терпѣли неудачи. (Куб. Обл. Вѣд. № 46).

Тамъ же обществомъ любителей изящныхъ искусствъ 2 марта былъ устроенъ семейный вечеръ.

Мѣстное общество не осталось равнодушнымъ къ памяти великаго поэта, наполнивъ обширный залъ женской гимназіи.

Вечеръ открылся рефератомъ И. Т. Ротаря «Міросозерцаніе Тараса Григорьевича Шевченка».

Затѣмъ слѣдовали: «Сонъ пидъ ничъ 26 лютого року 1901 г.» Н. К. Вороного,—полное глубокаго чувства стихотвореніе ad hoc,

прочитанное самимъ авторомъ, молодымъ поэтомъ, уже составившимъ себѣ имя въ малорусской литературѣ.

Послѣ Н. К. Вороного г. Добровольскій пропѣлъ соло: «Огни горять», а затѣмъ, по настоятельной просьбѣ публики,—«Ой, Днипре мій, Днипре»! Затѣмъ слѣдовало «Посланіе къ Шафарику» и отрывки изъ поэмы „Иванъ Гусъ"; какъ то, такъ и другіе мастерски прочитанные М. О. Поночовнымъ, произвели сильное впечатлѣніе на слушателей.

«Ой що жъ то за воронъ», народная пѣсня, традиціонно исполняемая хоромъ на шевченковскихъ вечерахъ, закончила первое отдѣленіе вечера. Хоромъ, состоявшимъ изъ членовъ общества, управлялъ Я. П. Соколовскій.

Второе отдѣленіе вечера открылось знаменитымъ стихотвореніемъ «Думы мои, думы мои», которое съ глубокимъ чувствомъ продекламировалъ Н. К. Вороный, прочитавшій затѣмъ на bis еще одно стихотвореніе Шевченка.

Продолжительные и шумные аплодисменты вызвали также пѣніе г. Флоренскаго, прекрасно исполнившаго чудную, въ поэтическомъ и музыкальномъ отношеніяхъ, элегію «Гетьманы, гетьманы, якъ бы то вы всталы», которую пришлось повторить по настоятельному требованію слушателей, и затѣмъ изящную піесу «На що мени кари очи».

Послѣ г-жи Ось, прекрасно прочитавшей „Наймычку", А. А. Левитскій продекламировалъ: «Есть на свити доля» и «Мени однаково».

Въ заключеніе вечера хоръ любителей подъ управленіемъ Я. П. Соколовскаго исполнилъ отрывокъ изъ Шевченковой «Хустыны», переложенной на музыку М. Лысенкомъ.

Отчетъ объ этомъ вечерѣ былъ бы не полонъ, еслибы не упомянуть объ одной особенности, имѣвшей мѣсто на этомъ вечерѣ: мы имѣемъ въ виду скромную по размѣрамъ, но нелишенную интереса выставку портретовъ, рисунковъ и книгъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ чествованію поэта.

На двухъ классныхъ доскахъ кнопками и гвоздиками были укрѣплены портреты и рисунки, изображавшіе Т. Г. Шевченка въ разные періоды его жизни, его друзей, виды его могилы—первоначальный и послѣдующій, иллюстраціи къ «Кобзарю». Среди выставленныхъ портретовъ первое мѣсто по значенію своему занялъ небольшой, украшенный вѣнкомъ изъ свѣжаго барвинка, собственноручный портретъ Т. Г. Шевченко, сдѣланный имъ въ ссылкѣ и присланный въ подарокъ Я. Г. Кухаренку, послѣднему наказному атаману войска Черно-

морскаго, бывшему искреннимъ, долголѣтнимъ другомъ великаго поэта. (Куб. Обл. Вѣд. № 52).

Въ Екатеринославѣ 10 марта литературно-музыкальная секція устроила вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка, по случаю 40-лѣтія со дня его смерти. Кромѣ хора секціи и лучшихъ силъ изъ мѣстныхъ любителей, въ музыкальномъ отдѣленіи приняла участіе артистка Е. А. Муравьева; въ литературномъ отдѣленіи, кромѣ нѣсколькихъ декламаторовъ, А. Н. Лисовскій прочелъ сообщеніе о малороссійскихъ думахъ, которое было иллюстрировано исполненіемъ ихъ извѣстнымъ бандуристомъ Ходкевичемъ, пріѣхавшимъ спеціально для этой цѣли изъ Харькова, а г-жа Ефименко прочла свою статью, посвященную памати Шевченка. Въ началѣ вечера хоромъ и оркестромъ секціи была исполнена кантата Лысенко «Бьють пороги», на слова Шевченка. Доходъ съ вечера предназначается въ пользу публичной библіотеки Екатеринославской коммиссіи народныхъ чтеній, на отдѣлъ, посвященный произведеніямъ украинскихъ писателей. (Приднѣпр. Край, № 1120).

Въ Кіевѣ 21-го марта, въ залѣ купеческаго собранія состоялся вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Вечеръ этотъ привлекъ многочисленныхъ почитателей украинскаго поэта. Вокальная часть вечера не оставляла желать ничего лучшаго: огромный хоръ г. Лисенко пользовался обычнымъ успѣхомъ и вынужденъ былъ биссировать почти каждый номеръ своей разнообразной программы, составленной исключительно изъ пѣсенъ на слова Шевченка; съ такимъ же успѣхомъ выступали г-жи Зотова и Ермоленко, какъ каждая въ отдѣльности, такъ и вмѣстѣ, спѣвши по настоянію публики два раза дуэтъ «Плыве човенъ». Изъ остальныхъ вокальныхъ номеровъ наибольшее впечатлѣніе произвела чудная музыка извѣстнаго «Спива Яремы» («Гетьманы»...) Въ литературной части вечера принимали участіе М. М. Старицкая и г. Багровъ. Первая прочитала съ большимъ чувствомъ стихотвореніе въ память Т. Г. Шевченка, оставившее сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Почти такое же впечатлѣніе произвела одна изъ лирическихъ думокъ Шевченка, въ исполненіи г. Багрова.

Въ Москвѣ 25-го февраля, въ день рожденія Т. Г. Шевченка, по иниціативѣ московскаго кружка малороссовъ въ церкви Большаго Вознесенія, что у Никитскихъ Воротъ, была отслужена мѣстнымъ духовенствомъ при пѣніи хора пѣвчихъ, послѣ литургіи панихида по

покойномъ поэтѣ. За панихидой присутствовали: писатель Н. Н. Златовратскій, украинскіе драматическіе писатели: гг. Кропивницкій и Карпенко-Карый, артисты и артистки находящейся въ Москвѣ малороссійской труппы М. Л. Кропивницкаго, проживающіе въ Москвѣ малороссы и почитатели покойнаго поэта. (Русск. Вѣд. № 56).

Тамъ-же 26-го февраля, въ 40-ю годовщину кончины Т. Г. Шевченка, въ гостинницѣ «Континенталь» состоялся обѣдъ въ память поэта, въ которомъ участвовали нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ, малороссійскіе драматическіе писатели М. Л. Кропивницкій и И. К. Карпенко Карый, артисты малороссійской труппы Н. К. Садовскій и А. К. Саксаганскій, Н. В. Левитскій и другіе почитатели поэта.

Произнесено было много рѣчей, характеризовавшихъ Шевченка какъ великаго поэта, человѣка и гражданина, и прочитано нѣсколько его произведеній. Особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Н. Н. Златовратскаго о значеніи Шевченка какъ поэта, олицетворявшаго въ своихъ произведеніяхъ не только душу малороссовъ, но идеалы и стремленія всего русскаго народа и общечеловѣческія чувства. По предложенію Н. Н. Златовратскаго сдѣланъ былъ сборъ въ пользу бѣднѣйшихъ родственниковъ Т. Г. Шевченка. (Рус. Вѣдом. № 57).

Въ Полтавѣ 11 марта, во второмъ общественномъ собраніи, въ память сорокалѣтія со дня смерти поэта Т. Г. Шевченка, устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе: г-жи Онацевичъ, Островская, г.г. Рудченко, Курдиновскій и нѣкоторыя другія лица, а также малорусскій смѣшанный хоръ любителей подъ управленіемъ П. Н. Гордіевскаго и Маркевича и извѣстный украинскій бандуристъ Галайда. Всѣ исполнители довольно не дурно справлялись со своими номерами. Хоромъ было исполнено нѣсколько пѣсенъ: «Заповитъ», «Туманъ хвылямы лягае» изъ оперы «Майська ничъ», «Маршъ на смерть Шевченка», кантата «Бьють пороги» и «Писня про Софрона», слова Шевченка. Бандуристъ Галайда прекрасно исполнилъ нѣсколько вещицъ на своей бандурѣ. Залъ собранія былъ очень красиво убранъ, особенно эстрада, на которой помѣстили задекорированный портретъ Т. Г. Шевченка. Двери, ведущія на эстраду, и печи были украшены различными предметами ручного производства крестьянъ Полтавской губ., какъ-то: плахтами, скатертями, полотенцами. По стѣнамъ были развѣшаны соотвѣтственно задекорированные медальоны съ надписями на нихъ названій различ-

ныхъ произведеній Шевченка. Половина сбора съ вечера назначена въ пользу благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 54 и 57).

Въ С-Петербургѣ, 26 февраля въ день сорокалѣтней годовщины со дня смерти украинского поэта Т. Г. Шевченка, въ Казанскомъ соборѣ протоіереемъ В. И. Мареяннымъ отслужена была панихида по покойномъ поэтѣ. Соборъ наполненъ былъ многочисленными земляками и почитателями Тараса Григорьевича. На панихидѣ присутствовали также члены общества имени Т. Г. Шевченка, во главѣ съ предсѣдателемъ А. Н. Марковичемъ, И. С. Иващенковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. Л. Лесевичъ, профессоръ П. П. Пелехинъ и много представителей печати. 19 марта назначено торжественное собраніе общества имени Т. Г. Шевченко. (С.-Пет. Вѣд. № 56).

Въ Симферополѣ, 26 февраля въ каѳедральномъ соборѣ была отслужена панихида; въ театрѣ состоялось чествованіе поэта; прочтена была его біографія, а затѣмъ данъ парадный спектакль съ апоѳеозомъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 46).

Въ Томскѣ —26 февр. въ театрѣ при безплатной библіотекѣ устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, состоявшій изъ трехъ отдѣленій.

Послѣ того какъ оркестръ исполнилъ увертюру соч. Франка, профессоръ томскаго университета М. А. Рейснеръ прочелъ біографію Т. Г. Шевченка. Рѣчь его была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Затѣмъ были исполнены, въ музыкально-вокальномъ отдѣленіи—«Гетьманы», «Ой одна я, одна», «Утоптала стежечку», «Бьють пороги», «Ой Днипре мій, Днипре», «Коломыйка», «Коли розлучаются двое», «Закувала та сыза зозуля» и мн. друг. Въ заключеніе былъ поставленъ апоѳеозъ: картина къ «Думы мои, думы». Картина представляла собою поэта, окруженнаго типами его произведеній: „Кобзарь“, „Гайдамаки“, „Гетьманъ“, „Невольники“, „Катерына“. (Сибирская Жизнь, № 46).

Въ Херсонѣ, 26 фев. въ 12 ч. дня въ Успенскомъ соборѣ протоіереемъ о. В. Ефремовымъ отслужена панихида по случаю сороковой годовщины со дня кончины поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Пѣлъ хоръ подвизающагося на сценѣ городского театра кіевскаго товарищества малороссійскихъ артистовъ. Храмъ былъ полонъ молящимися, въ томъ числѣ дамами, представителями чиновнаго міра,

учащимися мѣстныхъ учебныхъ заведеній и тружениками печатнаго дѣла. (Югъ, № 856).

Въ Галиціи (вообще въ Австро-Венгріи).

Во *Львовѣ*.—28 февраля въ залѣ „Народного Дому“ устроила литературно-музыкальный вечеръ гимназическая молодежь. Программа составлена была преимущественно изъ произведеній Шевченка. Вечеръ открылся чтеніемъ реферата гимназиста Петраковця «Які виливи слідно в Шевченковій «Тополі».

Тамъ же, 1 марта, въ томъ же помѣщеніи—устроенъ былъ торжественный литературно-музыкально-вокальный вечеръ соединенными силами всѣхъ львовскихъ украинскихъ товариществъ (главн. образомъ «Просьвіта» и «Львівський Боян»). На вечеръ собрались почитатели Шевченка изъ Перемышля, Стрыя, Станиславова и мног. другихъ мѣстностей.

Въ *Перемышлѣ*—8 марта устроенъ былъ вечеръ въ залѣ «Рускаго дівочого Інстітуту».

Въ *Коломыѣ*—11 марта, мѣстная гимназическая молодежь устроила литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ *Стрыѣ*—13 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью.

Въ *Тернополѣ*—13 марта устроенъ былъ вечеръ стараніями «народно-руских товариств» въ залѣ «Сокола».

Въ *Черновцахъ*—12 марта въ черновецкой 1-й гимназіи устроенъ былъ воспитанниками литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ *Бучачѣ*—устроенъ былъ 12-го марта вечеръ гимназической молодежью.

Въ *Бережанахъ* (на Буковинѣ)—3 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью.

Въ *Путиловѣ* (на Буковинѣ)—10 марта устроенъ былъ вечеръ путиловской филіей товар. «Руска Школа».

Въ *Новимъ-Сели* (въ Галичинѣ)—11 февраля состоялся вокально-декламаторскій вечеръ, въ простой крестьянской хатѣ. Устроителемъ явился нотаріусъ Герасимовичъ, поясняшій въ краткой, простой рѣчи цѣль даннаго вечера.

Въ *Яворовѣ*—устроенъ былъ 11-го марта вечеръ «Міщанською Читальнею».

Въ *Теребовлѣ*—устроенъ былъ 11 марта вечеръ мѣстной «Міщанською Читальнею».

Въ *Вѣнѣ*—26 февраля устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ украинскимъ рабочимъ обществомъ «Поступъ», въ Restaurent «zum Weingarten».

Тамъ же, 3 марта устроенъ былъ вечеръ обществомъ «Січ». („Руслан", „Буковина", „Дѣло").

—

Отказъ въ постановкѣ памятника Т. Г. Шевченку. Министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило ходатайство «Союза русскихъ писателей» о разрѣшеніи открыть подписку на устройство памятниковъ Шевченку и Бѣлинскому. (Кіев. Газ. № 63).

—

Неизвѣстный портретъ Т. Г. Шевченка. У присяжнаго повѣреннаго П. П. Коренева, въ Москвѣ, хранится портретъ, рисованный медовыми красками на картонѣ и изображающій молодого человѣка въ арестантскомъ халатѣ на фонѣ сѣрой каменной стѣны. Теперешній собственникъ этого портрета получилъ его отъ своего покойнаго дяди, академика петербургской академіи художествъ Николая Назаровича Коренева. Преданіе говоритъ, что портретъ этотъ, полученный покойнымъ Н. Н. Кореневымъ отъ профессора петерб. академіи художествъ Якобія, изображаетъ Т. Г. Шевченка въ заключеніи и писанъ самимъ художникомъ-поэтомъ. Было-бы желательно, чтобы это преданіе было провѣрено компетентными лицами, которыя могли бы опредѣлить значеніе этого интереснаго портрета. (Русск. Вѣдом. № 60).

—

Родственники Т. Г. Шевченка. По словамъ проф. Стороженка, племянники Т. Г. Шевченка—дѣти его брата Никиты и сестры Ирины, живущіе въ Кирилловкѣ, кіевской губ., теперь до извѣстной степени обезпечены: черезъ одну высокопоставленную даму профессору удалось обратить на нихъ милостивое вниманіе Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и они теперь получаютъ изъ собственныхъ средствъ Ея Величества по 200 руб. ежегодно. (Кіевск. Газ. № 61).

Съ другой стороны, «Русскія Вѣдомости» (№ 50), просятъ обратить вниманіе благотворителей на бѣдственное положеніе семьи О. И. Бойко, родственниковъ Т. Г. Шевченка. Благодаря помощи добрыхъ

людей О. И. удалось помѣстить дѣтей въ учебныя заведенія; въ настоящее время дочь ея находится уже въ старшемъ классѣ епархіальнаго училища, но невзносъ платы за ученье за два послѣдніе года грозитъ ей увольненіемъ передъ самымъ окончаніемъ курса. Пожертвованія можно пересылать въ г. Кременецъ, Волынской губ., Завальная ул., домъ Шипановской, Ольгѣ Ивановнѣ Бойко.

Слѣдуетъ добавить, что сынъ О. И. Бойко, внукъ Т. Г. Шевченка, воспитывался въ той-же кременецкой духов. семинаріи. Онъ писалъ стихи и приводилъ ими въ восторгъ весь городъ. Каждое стихотвореніе онъ подписывалъ: «Л. Бойко, внукъ Тараса Шевченка». Въ своихъ стихахъ онъ, какъ и знаменитый дѣдъ, которому онъ, видимо, подражалъ, увлекается запорожскою Сѣчью, красотами украинской природы, ненавидитъ враговъ Украйны, недоволенъ настоящимъ и стремится къ чему-то болѣе высокому, лучшему, прекрасному. Многообѣщающій молодой человѣкъ, проявлявшій всегда странности, въ послѣднее время, какъ сообщаетъ «Русск. Сл.», сталъ заговариваться, и дѣло кончилось тѣмъ, что его пришлось отправить въ Кирилловскую больницу для умалишенныхъ въ Кіевъ. У Бойко помѣшательство на религіозной почвѣ.

—

Благоустройство могилы И. П. Котляревскаго. По соглашенію управляющаго Полтавской школой садоводства и огородничества В. П. Альховскаго съ завѣдующимъ Полтавскимъ городскимъ садомъ г. Орловскимъ, нынѣшней весной будутъ произведены посадки декоративныхъ растеній на могилѣ и около могилы творца «Энеиды» и «Наталки-Полтавки» И. П. Котляревскаго. (Полт. Губ. Вѣд. № 57).

—

Памяти П. И. Нищенскаго. 4 марта истекло ровно пять лѣтъ со дня смерти извѣстнаго талантливаго украинскаго писателя и композитора Петра Ивановича Нищенскаго.

Помѣщая нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и литературно-композиторской дѣятельности его (въ газетѣ «Кіевская Газета»), г. *Р. Л.* заканчиваетъ свою обширную замѣтку слѣдующими словами: «Интеллигентные украинцы, гордящіеся заслугами покойнаго писателя и композитора, не только не нашли возможнымъ до сихъ поръ поставить надъ могилой Петра Ивановича хотя бы самаго скромнаго памятника, но даже до сихъ поръ не поинтересовались тѣмъ богатымъ

литературнымъ наслѣдствомъ, какое осталось послѣ Петра Ивановича. А осталось послѣ покойнаго писателя болѣе десяти пудовъ бумагъ, и въ томъ числѣ неоконченная «Иліада». Чтобы издать все то, что заслуживаетъ общественнаго интереса, нужны люди и средства; а родные П. И. выполнить сами эту трудную задачу не могутъ. Будемъ надѣяться, что хоть къ десятилѣтней годовщинѣ смерти П. И. Нищенскаго украинскіе интеллигенты исполнятъ по отношенію къ выдающемуся работнику на украинской нивѣ то, что составляетъ не только ихъ нравственный долгъ, но и священную обязанность. Пока-же это, къ сожалѣнію, только pia desideria». (Кіевск. Газ. № 63).

—

Чествованіе памяти А. Я. Конисскаго. 10 декабря минувшаго года, по полученіи извѣстія о смерти А. Я. Конисскаго, въ Симферополѣ почитатели его таланта собрались на панихиду въ Александро-Невской церкви. Послѣ панихиды небольшой кружокъ знакомыхъ и почитателей покойнаго собрался въ Grand-отелѣ помянуть почившаго добрымъ словомъ. На обѣдѣ однимъ изъ присутствующихъ была произнесена краткая рѣчь. Присутствующіе условились послать женѣ А. Я. слѣдующаго содержанія телеграмму: «Гурток Симферопольских Українців, вболіваючи о понесеній Вами і всею Україною утраті, бажае, щоб сумний фактъ смерти Олександра Яковича викликав живійший рух в житті українства». Того же числа въ мѣстной газетѣ «Крымъ» напечатанъ былъ краткій некрологъ О. Я. Конисскаго. (Літературно-Науковий Вістникъ, кн. III).

—

Юбилей Ганны Барвинокъ (А. М. Кулишъ). *(Корреспонденція).* 3 марта 1901 г. праздновался сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности Александры Михайловны Кулишъ, извѣстной подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ. На литературное поприще уважаемая писательница выступила въ 1860 г., когда мужъ ея, П. А. Кулишъ, напечаталъ въ альманахѣ «Хата» два ея разсказа: «Въ-осены лито» и «Лыхо не безъ добра». Разсказы эти отличались прекраснымъ образнымъ языкомъ и большимъ умѣньемъ писательницы изъ матеріала, доставляемаго разговорами ея сельскихъ знакомыхъ, творить художественныя картинки народной жизни, простыя, реальныя и поэтическія въ то-же время. Тѣ-же качества проявляются и во многихъ послѣдующихъ разсказахъ А. М. Кулишъ, которые она

печатала въ „Основѣ“ (подъ псевд. Г. Барвинокъ и А. Нечуй-Витеръ), „Правді“, „Кіевской Старинѣ“, „Літературно-Науковому Вістнику“ и др. изданіяхъ. Всего Ганна Барвинокъ написала болѣе тридцати разсказовъ. Наиболѣе удачные изъ нихъ принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ украинской литературы. Къ таковымъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ, относятся: „Не було змалку, не буде й до'станку“, „Перемогла“, „Русалка“, „Пьяныця“, „Короливщына».

Темами для своихъ разсказовъ Ганна Барвинокъ избираетъ преимущественно *женскую долю*, съ замѣчательной правдивостью изображая горести жизни нашей сельской женщины, и при крайней простотѣ пріемовъ и неизмѣнномъ уклоненіи отъ всякихъ бьющихъ на эффектъ выраженій производитъ иногда большое впечатлѣніе и достигаетъ созданія истинно поэтическихъ изображеній. Не смотря на преклонныя лѣта (А. М. Кулишъ, урожденная Бѣлозерская, родилась въ 1828 г.), она продолжаетъ работать и въ настоящее время, то создавая новые разсказы (см., напр., въ Ш-й книгѣ «Літетурно-Наукового Вістника» за этотъ годъ ея разсказъ «Гречаники»), то съ замѣчательной энергіей ведя дѣло изданія произведеній своего покойнаго супруга. Ею самою или по ея порученію издано до сихъ поръ 10 его книгъ: «Воспоминанія дѣтства». «Оповіданння», «Досвитки», «Драмована Трылогія», «Чорна рада» и переводы драмъ Шекспира: «Гамлет», «Приборкана гоструха», «Макбет», «Коріолан», «Юлій Цезарь».

Собственно, отъ празднованія юбилея уважаемая писательница отказалась, но принимала поздравленія 3 марта у себя въ домѣ, въ своемъ хуторѣ „Мотроновка-Кулишивка“ (подъ Борзною), гдѣ она родилась и прожила большую часть своей жизни и гдѣ покоится прахъ П. А. Кулиша и брата писательницы, В. М. Бѣлозерскаго, бывшаго редактора „Основы“. Кромѣ личныхъ поздравленій, принесенныхъ писательницѣ нарочно прибывшими для того гостями, ею получено было много адресовъ, писемъ и телеграммъ, со множествомъ подписей, изъ различныхъ мѣстностей Россіи и Австріи, а именно: изъ Кіева, Чернигова, Львова, Нѣжина, изъ одного села, Херсона, Одессы, Екатеринослава, Екатеринодара, Бахмута, Звягеля, Умани, Полтавы, Минска, Петербурга и Москвы, при чемъ изъ многихъ городовъ получилось по нѣсколько поздравленій. Между другими поздравленіями изъ Кіева было также поздравленіе и отъ редакціи „Кіевской Старины“, на страницахъ которой Ганна Барвинокъ по-

мѣщала свои разсказы. Въ поздравленіяхъ подчеркивалась талантливая дѣятельность А. М. Кулишъ какъ писательницы и та энергія, съ которою она опубликовываетъ произведенія своего супруга, а также выражались пожеланія болѣе свѣтлыхъ дней для украинскаго слова и болѣе широкаго развитія украинской литературы. Не смотря на то, что произведенія г-жи Кулишъ печатались большею частью или въ старыхъ, сдѣлавшихся уже библіографической рѣдкостью, изданіяхъ, или въ заграничныхъ малорусскихъ журналахъ, оказалось, что дружно привѣтствовавшая ее публика знакома съ ними. Это свидѣтельствуетъ какъ о талантѣ писательницы, такъ и о томъ интересѣ, который украинская литература начинаетъ возбуждать среди болѣе широкихъ круговъ публики (между привѣтствовавшими юбиляршу находились даже простые крестьяне и козаки).

—

Важное ходатайство. Недавно закончившій свои работы первый всероссійскій агрономическій съѣздъ въ Москвѣ, между прочимъ постановилъ возбудить ходатайство и разрѣшеніи издавать въ Малороссіи на малороссійскомъ языкѣ брошюры и органы періодической печати по сельскому хозяйству. (Куб. Вѣд., № 47).

—

Изданіе украинскихъ пѣсенъ. Историко-филологическое общество (харьковское? *Ред.*) приступаетъ къ собиранію украинскихъ пѣсенъ для изданія. (Приднѣпр. Край, № 1112).

—

Награда за солидный литературный трудъ. 14 февраля Коммиссія Харьковскаго университета назначила двѣ преміи за лучшій трудъ объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія. На конкурсъ было прислано много работъ. Лучшей было признано изслѣдованіе А. А. Русова «Описаніе Черниговской губерніи». Автору выдана премія въ 500 рублей, а рецензенту, В. Левицкому—присуждена золотая медаль.

—

Цѣнный даръ. Извѣстнымъ изслѣдователемъ южно-русской старины А. А. Андріевскимъ принесены въ даръ херсонскому археологическому музею 19 документовъ XVIII столѣтія, заключающихъ въ себѣ переписку выдающихся дѣятелей той эпохи. На документахъ встрѣчаемъ надписи: Алексѣя и Кирилла Разумовскихъ, гетмана Даніила Апостола, архіепископа кіевскаго Рафаила, князя Т. Трубецкого,

сербскаго митрополита Викентія, черногорскаго—Василія Петровича и друг. лицъ. („Югъ", № 863).

—

„Аѳины Полтавской губерніи". Лубнамъ, бывшимъ когда-то центромъ Украины и резиденціей гетмана Вишневецкаго, «грозитъ», по словамъ „Южн. Края", въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться Аѳинами Полтавской губерніи—такъ много здѣсь имѣется работниковъ духа. «Здѣсь живетъ изслѣдователь народнаго быта и народной медицины г-нъ Милорадовичъ, здѣсь живетъ знатокъ украинской старины г-нъ Бочкаревъ, здѣсь обрѣтается начинающая малорусская писательница Л. А. Яновская; здѣсь же объявился недавно композиторъ г-нъ Подгорецкій, который поставилъ на дняхъ отрывки изъ своей оперы «Купальна искра». Музыка этой оперы, несомнѣнно, красива, мелодична и полна народнаго духа. Только авторъ, видимо, по неопытности, недостаточно развилъ и использовалъ пришедшіе ему въ голову счастливыя и красивыя музыкальныя темы. Во всякомъ случаѣ, такое необычное для провинціи явленіе, какъ постановка на сценѣ оперы мѣстнаго композитора, при содѣйствіи мѣстныхъ же силъ, расшевелило обычную лѣнь, домосѣдство и винтофильство даже мѣстныхъ обывателей. Залъ театра, не смотря на очень дорогія цѣны, былъ почти полонъ. Публика единодушно и много аплодировала какъ автору, такъ и исполнителямъ. Любителямъ Украйны слѣдовало бъ обратить вниманіе на эту новую оперу". (Южн. Край, № 6949).

—

Сѣдая старина. Регистраторъ статистическаго отряда, ѣздившій по Полтавской губерніи, нашелъ, какъ сообщаетъ «Хуторянинъ», слѣдующій назидательный образчикъ сѣдой старины.

«Около воротъ сборни (носящей въ Лубенск. уѣздѣ, за одно съ волостью, названіе «полиціи»), у перелаза высится шестъ, на шестѣ привязаны «люлька» и пучокъ розогъ. Это символически изображенный, во всеобщее свѣдѣніе и назиданіе, текстъ мѣстнаго закона: «хто въ сели на вулыци курытыме, той буде бытый»! „Я слышалъ", разсказываетъ авторъ замѣтки, „что эти символы вывѣшивались прежде у въѣзда въ село, въ воротахъ „царыны"; въ одномъ изъ уѣздовъ, кажется въ Зѣньковскомъ, въ нѣкоторыхъ селахъ они сохранились будто бы на этихъ мѣстахъ и донынѣ».

Библіографія.

Украинскія изданія 1900 года.

II.

Украинская литература за предѣлами Россіи (Галичинѣ, Буковинѣ, Угорщинѣ, Американской Руси) развивала по прежнему довольно интенсивную дѣятельность, слѣдствіемъ чего и явилось огромное, сравнительно, количество цѣнныхъ научныхъ и художественныхъ крупныхъ и мелкихъ изданій, могущихъ сдѣлать честь любой европейской литературѣ.

На первомъ мѣстѣ, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить «Наукове Товариство ім. Шевченка» и его солидныя научныя и другія изданія. Изъ періодическихъ изданій, имѣющихъ огромную цѣнность, помимо журнала «*Літературно-Науковий Вістник*», успѣвшаго за три года своего существованія снискать себѣ репутацію солиднаго органа, удовлетворяющаго духовнымъ потребностямъ значительной части культурнаго слоя общества, дорожащаго интересами родной земля въ ея прошломъ и настоящемъ, — въ минувшемъ году «Науковим Товариством» были изданы: XXXIII—XXXVIII т. т. «*Записок Наукового Товариства*» [1]), „Этнографічний Збірник“ т. VIII и IX; т. т. II

[1]) Рецензъ. на нихъ см. «Кіевск. Старина», кн. X, XI и XII за 1900 г., кн. II за 1901 г., а также „Русская Мысль“, кн. I за 1901 г., Archiv für Slavische Philologie, т. XXII.

в III «*Історія Україні-Руси.* Проф. М. Грушевського, від XI—XIV (т. III «Збірника історико-фильософічної секциі); «*Часопись Правничa*», р. X. Розвідки правничі секциі історично-фильософічної Н. Т. ім. Шевченка (2 книжки); «*Збірник математично-природописно-лікарської секциі Наук. Тов. ім. Шевченка.* Т. IV, вип. II. (часть математична); т. V, вип. II. (Часть лікарська); [2]) т. VI вип. I (Часть математично-природописна); «*Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесность і письменство*, т. II. (Збірникъ фільольогичної секциі Наук. Тов. ім. Шевченка); т. III «*Жерела до исторії Україні-Руси*». Видае Археографічна Комісия Н. Т. ім. Шевченка. Т. III. Люстрациі королівщин в землях холмській, белзькій і львівській з 1564—1565 р. р. Вид. М. Грушевський».

Изъ отдѣльныхъ изданій Н. Товарищества, преимущественно оттисковъ изъ вышеупомянутыхъ періодическихъ изданій, можно отмѣтить слѣдующія: *Володимир Гнатюк.* Словацький опришок Яношік въ народній поэзиі; *В. Охримович.* Про останки первісного комунізму у Бойків-Верховинців у Скільскім і Долинськім судовім повіті; Словарь росийско-украинський. Т. IV (С—V). Зібрали і впорядкували *М. Уманець і А. Спілка*; *Евген Косевич.* Людові університети; Стефан Рудницький. Українські козаки въ 1625—30 р.р.; *Грушевський М.* Розвідки і материяли до істориі України-Руси. III. Відбитки з «Записок Н. Т. ім. Шевченка» и «Жерел до істориі України-Руси», т. II; *Левицький Володимир.* Причинок до теориі дробів тяглих і групи модулової і кліматичні відносини Тернополя; *Романчук Юліян.* Де-які причинки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка; *Верхратський Іван.* Про говор долівський; *Гнатюк Володимир.* Русини Пряшівської епархиі і їх говори; *Павлик М.* Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедій з 1619 р.; *Студинський Кирило.* Хто був автором Αντίῤῥησις'а р 1599?»; *Франко Ів.* Апокріфічне евангеліе псевдо Матвія і його сліди в укр.-руськім письменстві; *Франко Ів.* Слово о Лазаревѣ воскресеніи». Староруська поема на апокріфічні теми; Хроніка Наукового Товариства ім. Шевченка. Ч. I, II и III; *Коренець Денис.* Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею въ р. 1657—58; *Левицкій Володим.* Класифікация наук математичних; *Левицкій Кость.* Про неважність в новім процесі цивільнім; *Сидоряк Семен.*

---

[2]) Оба эти тома помѣчены еще 1899 годомъ.

Студия анатомична над взаємними відношеннями снаряду слухового і міхура плавного у риб шаранових і вюноватих; *Франко Ів.* Карпаторуське письменство XVII—XVIII в.; *Осип Маковей.* П. О. Куліш, огляд його діяльности; *Франко Іван.* Перехресні стежки; *В. Б.* Житє на віру у сибірських селян; *Веретельник Андр.* Рубанє і виготованє дерева; *Вовк Хв.* Звістки й листи; *Вовк Хв.* Знахідки у могилах між Веремьем і Стретівкою і біля Трипіля; *Гнатюк В.* Ткацтво у східній Галичині; *Гошовскій Андрій.* Про новий напрям в науці приватного права; *Дикарів М.* Програма до збірання відомостей про громади і збірки сільскої молоді; *Дністрянський С.* Берненська унія і наше відношенє до неї; *Зубрицький М.* Народній календар, звичаї і повірки привязані до днів тиждня; *Литвинова-Бартош.* Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глух. пов.; *Рудницкій Стеф.* Про плями сонічні; *Франко Іван.* Історично-економ. студия.

Укажемъ также на почтенную дѣятельность «*Українсько-Руской Видавничої Спілки*», основавшейся лишь въ концѣ 1898 г. и въ теченіе 1899 г. успѣвшей дать 12 изданій. [1]) Въ минувшемъ году это общество дало также 12 изданій: «*Шекспір Уілліям.* Приборкана гоструха. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; *Герхарт Гауптман.* Візник Геншель, драма в 5 актах. Переклав Антін Крушельницький (ч. 13); *Коцюбинський Михайло.* В путах Шайтана і інші оповіданя; *Гуцков Карольо.* Уриель Акоста, трагедия в 5 актах. Переклав Лев Лопатинський; *Енгельс Фр.* Початок родини, приватної власности і держави на підставі Л. Моргана; *Шекспір Уілліям.* Коріолян. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; *Яцків Михайло.* В царстві Сатани. Іронично-сентиментальні картини (ч. 21); *Коцюбинський М.* По людському. Оповіданя з бесарабського житя (ч. 24); *Мартович Лесь.* Не-читальник (ч. 23); *Мирний Панас.* Морозенко (ч. 22); *Стефаник Василь.* Дорога. Збірка нарисів.

Давнее Общество «Просвіта», давшее за время своего существованія до начала минувшаго года 235 номеровъ изданій, въ 1900 г. также довольно энергично проявляло свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Имъ были изданы слѣдующія брошюры: „Руський сьпіваник". Зібрав *Кость Федьків* (другий наклад); «Старорускі оповідання. Вибрав и переповів *Іван Франко* (ч. 238); *Добровольский Ст.*

---

[1]) См. обзоръ литературы за 1899 г.—«Кіев. Стар.», кн. II, за 1900 г.

«Ярема». Оповідане з запорожського життя. З російського переповів *Алекс. Борковський* (ч. 241); «Кілько рад і пересторог для хліборобів, годуючих худобу» (ч. 242); *Новаковський Михайло.* «Спілки для ощадности і позичок системи Райффайзена» (ч. 240); *Зальцман Хр.* «Книжка приказок про те, як не належиться поводитися з дітьми». Переклав Т. Біленький. З переднім словом І. Франка (ч. 243—244); «Коляди і щедрівки». З додатком тропарів і антифонів на Різдво Христове і Богоявлене; *Левицький Кость.* «Пропис людности». В додатку „Старорускі оповідання", ч. V и VI (д-ра І. Франка, ч. 245); *Федькович.* І. «Фармазони». Повість. II. «Поезиі» (ч. 245—247); *Ілюстрований календар «Просьвіта»* на р. 1901 р.

Довольно энергично развивало свою дѣятельность и львовское „Руске товариство Педагогічне". Всего въ прошломъ году имъ было издано около 15 книжекъ: *«Казки Андерсена»*. Пята часть (ч. 76); *Переклади А. Кримського* (ч. 77); *«Образки з істориі України-Руси»* (ч. 78); *«Оповіданя для дітей»* (ч. 75); *Мамін-Сибіряк Д. Н.* Дитячі оповіданя. Переклав з російського Андрей Вертельник (ч. 79); *Інформаційний календар* «Руского педагогічного Товариства» у Львові на звич. рік 1901 (ч. 85).

Начавшая было въ 1899 г. издаваться серія подъ назв. «Живі струни», давшая 4 изданія, въ минувшемъ году дала лишь одно— *Владислав Оркан.* «Ніч». Драма в 1 акті. Переклав А. Крушельницький. Зато въ минувшемъ году появилось три новыхъ издательства—«Р. У. Р. П.», «Руска Шкода», «Народна Бібліотека». Первое дало пока лишь два изданія: *«Самостійна Україна»* и *«Дядько Дмитро»*. Оповіданє.

«Руска Шкода» (въ Черновцахъ) издала: *Іван Синюк.* «Образки з життя і природи» и «Десять казок для діточок». Збірка з уст народа на Буковині».

«Народна Бібліотека» издала: *Васыль Стефаник.* „Камінний хрест. Студні і образки" (ч. 1—2); [1]) *Толстой Лев.* „Два старці". З великоруського переповів М. Павлик (ч. 3); *Гоголь Микола.* Тарас Бульба (ч. 4—6). Переклав В. Щурат.

Въ Перемышлѣ изданы двѣ брошюры серіи *«Артистично-Літературних новин":* (ч. 3) *В. Щурат.* «Павло Ліндау. Мелійська Венера», поетична драма в 1 д. (ч. 4); *В. К.* «Образки з Криниці».

---

[1]) Помѣчено еще 1899 годомъ.

Тамъ же открыта новая серія изданій— «*Бібліотека музикальна*»: изданы—ч. 1. Пісні підчас служби Божої на 3-голосний хор жіночий або мужеський; ч. 2. *Копко М.* Пісні (часть церковна) и ч. 3. *Копко М.* На Різдво Христове (розні пісні).

Наконецъ, въ *Коломыи*—давняя серія «*Бібліотека для рускои молодежи*» дала: *Данило Лепкий.* «Селянська. Дитина. Изъ сельскихъ образкивъ» (т.т. 39 и 40); *Мешко.* «Повѣрка». Оповѣданне и др. (т. 38); *Андрей Веретельникъ.* «Два брата». Оповѣдане (т. 42).

Кромѣ изданій различныхъ обществъ или отдѣльныхъ серій, въ минувшемъ году было издано немалое количество книгъ и брошюръ отдѣльными лицами, большая часть которыхъ приходится, конечно, на Львовъ, затѣмъ—Черновцы, Коломыю, Перемышль и др. города.

Во Львовѣ были изданы: *Бачинський Юліян.* Україна—irredenta. Друге виданне, и (его же)—Моя переписка з Михайлом Драгомановим (додаток до „Україна-irredenta"); *Бартошевскій Іоан.* Проповѣди недильни для сельского народа. Друге доповнене видане; *Буря.* Драма в 5 діях Островського. З росийського переклав і видав М. Павлик; *Кузів Ілько.* Короткий погляд на історию читальни руськоі дух. семинарии; *Левицький Іван.* Гетьман Іван Виговський. Історична повість (Бібліотека найзнаменитшихъ повистей подъ редакциею Ивана Белея. Т. LXIV); *Лисенко Микола.* Хор мішаний до слів поэзіи І. Франка: „Ой що в полі за дымове?»; *Шематизм* всечестного кліра гр.-кат. митроп. архидіецезіи львовскои на р. 1900; *Авдикович Орест.* Метелики; его же: Нетлі; *Вернер Сомбарт.* Соціялізм і соціяльний рух у XIX ст. Переклав Льонгин Цегельский (Бібліотека молодоі України); *Ібзен Генрих.* Як ми мертві воскреснемо. Перек. А. Крушельницький; *Мешко Франц.*. Драма на селі. Повість. З словинського переклав Ілько Кузів; *Справоздане дірекціи* Ц. К. академічної гимназіи у Львові на р. шкільний 1899—1900; *Перебендя,* Острожниця. і *К. Зорян.* Хто винен; *Франко Іван.* Із днів журби. Поезиі; *Р. Гамічак.* Коломийки; *Закшевскький Вікентій.* Всесвітна істория для висших класс середніх шкіл. Т. І. Старинна істория; *Кобринська Наталья.* Про «Нору» Ібзена; *Оіоновський Ілляріон.* Словар до Гомерової Одисеі і Іліяди; *Торонський Ал.* Істория библійна старого завіта для гр.-кат. молодіжі середних шкіл.; *Лепкий Богдан.* Стрічки; *Мох Рудольф.* Справа въ селѣ Клекотинѣ. Драмат. сцены зъ панщизня-

ныхъ часовъ; *Підручник для спілок ощадности і позичок системи Ф. В. Райфайзена.* Зладив др. Ф. Стефчик; *Самостойна Украина.* Видповѣдь Романя Сембратовича на статью п. з. «Украінська держава»; *Як пильнувати виборів до Ради державноі, аби добре для нас випали? Баженський Порф.* Руско-народна музикальна гармонія; *Гумористичний ілюстрований календар «Комара» на р. 1901*; *До виборців з четвертоі куриі округа*: Тернопіль—Скалат—Збараж; *Лаврівський Володимир.* Тілоправні Гри. Копана: Lawn Tennis; *Мешко Франц.* Нагула, сільский образок. Зі словінського переклав Ілько Кузів; *Рудович І.* Унія въ Львôвской архидіецезіи; *Енцікліка Папи Льва XIII про робітниче питанне*; *Огоновський П.* Учебник аритметики для низших кляс.

Въ Черновцахъ.—Псалтир. Видае Іван Созанський; *Домашний писар.* Збірка примірів, як укладати ріжні письма; *Жарти для розривки руского селянина*; *Пігуляк Еротей.* Верховиньскі згадки. Повість; *Попович Омелян.* Із житя цісаря Франца-Йосифа I въ 70 уродини цісарські, для руськоі молодіжи; *Ілюстрований буковинський православний календар на рік 1901*; *Шпойнаровський Сергій.* Руска читанка для першоі кляси середних шкіл.

Въ Перемышлѣ.—Митюкъ Викторъ и Ѳеофилъ Луцыкъ. Зборныкъ церковно-народныхъ пѣсень. Вып. I.; *Ночь Виѳлеемска.* Оратория сценічна в 4 актах.; *Смѣхъ и правда.* Вып. I.

Въ Коломыѣ.—Г. А. П(олянскій). Где есть скарбъ закопаный? Наука о томъ, якъ его выдобуты; *Мосора Михаіл.* Народни казки. Часть I; *Каммереръ Вильгельмъ.* Звонок. Переклав Яковъ Зробекъ.

Въ Унгварѣ.—Мѣсяцесловъ на 1901 г. Составилъ отъ имени общества св. Василія Великаго свящ. Юлій Чучка.

Въ *Жовкѣ.*—Християнский календарь Місионара на 1901 рік.

Въ Винтербергѣ.—Илюстрованый Календар Пр. Дѣвы Маріѣ на р. 1901; Приятель жовніра. Календарь на р. 1901.

Остается упомянуть еще о нѣсколькихъ изданіяхъ, вышедшихъ въ Америкѣ, въ Пенсильваніи въ (Олифантѣ), при редакціи газеты «Свобода», а именно: *Стефанъ Макаръ.* Американскій шляхтичъ. Образъ изъ житя рускихъ робитниківъ въ 3-хъ актахъ (ч. 10); *его-же*—Руско-англійскій провідникъ. (ч. 11); *А. Л.* Дорога до свѣдомости. I. Капиталъ и праця (ч. 12); *Календарь для американськихъ Русиновъ* на рикъ 1901; *Покрива Т.* Дорога до свѣдомости. II. Борьба клясъ. III. Для чого робітники організуються?

Таковы результаты культурной, научно-просвѣтительной дѣятельности украинскаго общества въ минувшемъ году за границей,— дѣятельности, по меньшей мѣрѣ, почтенной, свидѣтельствующей о естественной потребности украинскаго народа, постепенно приближаясь, стать на одномъ уровнѣ съ обществами наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ земель. Пожелаемъ же ему дальнѣйшаго успѣха въ этомъ направленіи!

Прим. Давая обзоръ украинской литературы за границей за 1899 г. (Кіевск. Стар. 1900, февраль, стр. 104—108), мы, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, не упомянули о слѣдующихъ изданіяхъ 1899 года: *Ор. Авдикович.* Поезия і проза. Львів, 1899; *Лепкий Б.* З життя. Збірка оповідань. Наклад. Укр.-руської видавничої спілки" (ч. 12); *Національна Бібліотека ч. 2.* Фр. Енгельс. Людвіг Фаербах. Переклад Будового. Накладом «Укр.-руської видавничої Спілки»; *Бібліотека* З—*крайцарова.* Вып. I. Коломыя (3 разсказа); *Варчин Ю.* Цвѣты и бодяки. Образки и оповѣданія. Т. II. (Бібліотека для рускои молодежи подъ редакціею Юліяна Носальского. Вып. XXIV. Томъ XXXVIII). Коломыя, 1899; *Будилецъ Евграф.* Студиі богословські. Проповідник на чудодійну тайну каяня. Чернівці, 1899; *Зробек Яков, парох Вертежки.* Мала парохія. Наклад. автора на цѣль будовы церквы въ Вертецѣ. Жовква. 1899.

В. Д.

Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. Съ портретомъ. *Кіевъ. 1900 г. 108 стр.*

Авторъ воспоминаній, Николай Алексѣевичъ Шрамченко (род. 1813 г. ум. 1888 г.) былъ уроженцемъ мѣстечка Воронежа, Глуховскаго уѣзда; воспитывался сначала въ новгородсѣверскомъ повѣтовомъ училищѣ, потомъ въ новгородсѣверской гимназіи и наконецъ въ Харьковскомъ университетѣ; служилъ непродолжительное время въ канцеляріи Черниговскаго губернатора, потомъ въ военной службѣ, по выходѣ изъ которой поселился въ м. Воронежѣ, гдѣ провелъ весь остатокъ дней своихъ и гдѣ долго онъ дѣйствовалъ въ качествѣ мироваго посредника, почти со времени учрежденія этой должности [1]) и до ея упраздненія въ Черниговской губерніи.

[1]) Замѣнилъ недолго занимавшаго эту должность М. Н. Карпѣку.

Отпечатанныя въ количествѣ всего 50-ти экземпляровъ, воспоминанія его были писаны и изданы не для публики. Въ началѣ ихъ авторъ говоритъ, что берется за перо вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ своихъ дѣтей изложить для нихъ на бумагѣ событія его жизни и вообще все, что припомнитъ. Приступивъ къ этому на 68-мъ году своей жизни, когда свѣжесть многихъ воспоминаній утратилась, а желаніе окончить начатый трудъ могло побуждать торопиться, не вдаваясь въ такія подробности, изложеніе которыхъ требуетъ много мѣста и времени,—авторъ кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Скромная жизнь его, бо́льшая половина которой прожита въ мѣст. Воронежѣ, и ограниченный кругъ людей, съ которыми онъ сталкивался въ жизни, и не давали ему обильнаго матеріала для такихъ воспоминаній, которыя могутъ представлять общій интересъ.

Притомъ, начало и конецъ труда не одинаковы: въ первой половинѣ воспоминаній авторъ сравнительно болѣе подробенъ; видно, что, когда онъ приступалъ къ своей работѣ, у него было желаніе разсказать въ надлежащемъ порядкѣ всѣ главнѣйшія событія своей жизни, и онъ связно и послѣдовательно ведетъ этотъ разсказъ. Но, можетъ быть, недуги и мысль о приближающейся смерти помѣшали ему окончить трудъ такъ, какъ онъ былъ задуманъ: вторая половина воспоминаній имѣетъ отрывочный характеръ и полна недомолвокъ. Такъ, не смотря на то, что самая продолжительная служба автора была въ должности мироваго посредника, и притомъ обнимала то интересное время, когда вводилось въ дѣйствіе положеніе объ освобожденіи крестьянъ, онъ не только не излагаетъ никакихъ подробностей о своей дѣятельности въ этой должности и о всемъ томъ, что связано было съ этой дѣятельностью, но даже вовсе не упоминаетъ о томъ, что онъ когда—либо былъ мировымъ посредникомъ.

Хотя вслѣдствіе указанныхъ условій воспоминанія Шрамченка, написанныя для того, чтобъ удовлетворить желаніе и любопытство своихъ близкихъ родныхъ, представляютъ незначительный интересъ для читающей публики, но, такъ какъ почти вся жизнь автора прошла въ Малороссіи, есть въ нихъ нѣкоторыя черточки, и для насъ небезъинтересныя.

Начавъ съ изложенія имѣющихъ легендарный характеръ свѣдѣній о происхожденіи фамиліи Шрамченковъ и разсказавъ затѣмъ о своихъ родственникахъ—воронежскомъ сотникѣ Андреѣ Ивановичѣ и его братѣ Моисеѣ Холодовичахъ (на сестрѣ которыхъ былъ женатъ

прадѣдъ Н. А. Щрамченка), авторъ передаетъ сохранившіяся въ семьѣ свѣдѣнія объ извѣстномъ въ Малороссіи разбойникѣ Гаркушѣ и набѣгѣ его въ усадьбу Моисея Холодовича. Потомъ, разсказавъ о проживавшемъ въ Воронежѣ генералъ—лейтенантѣ графѣ Н. В. Гудовичѣ, разжалованномъ въ солдаты, онъ прежде чѣмъ приступить къ изложенію свѣдѣній о своемъ воспитаніи, останавливается и говоритъ: «Вѣрно, мнѣ не допѣть затянутой пѣсни, такъ какъ я сдѣлалъ перерывъ, болѣе года не заглядывалъ въ мои воспоминанія, а на семидесятомъ году моей жизни плохая надежда впереди»... И послѣ этого перерыва авторъ становится уже гораздо болѣе кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Ученье его началось въ Воронежѣ у какого-то дядьки Некреши и мѣстнаго священника и продолжалось въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Говоря объ этомъ городѣ, авторъ сообщаетъ о немъ одно свѣдѣніе, интересное для лицъ, знающихъ современное положеніе Новгородъ-Сѣверска. Именно, онъ разсказываетъ, что называемая въ настоящее время «*Кляшторомъ*» часть города, на которой расположены Соборная и Воскресенская церкви, была прежде съ трехъ сторонъ почти неприступна по крутизнѣ горъ, изъ которыхъ одна прилегаетъ къ Деснѣ, а съ четвертой стороны, противъ церкви Воскресенія, отдѣлялась отъ остальнаго города глубокимъ рвомъ, черезъ который, какъ помнитъ авторъ, въ 1823 году былъ устроенъ деревянный мостъ, представлявшій единственное средство сообщенія названной части города съ прочими частями. Мостъ этотъ былъ на столько великъ, что по обѣимъ сторонамъ его на сваяхъ были устроены лавки (кажется, по пяти лавокъ съ каждой стороны, говоритъ авторъ и вспоминаетъ, что первая лавка съ лѣвой стороны отъ города была купца Леньковскаго). Впослѣдствіи этотъ мостъ былъ уничтоженъ, ровъ засыпанъ, и тамъ, гдѣ былъ онъ, отъ бывшаго моста влѣво и вправо, расположены улицы, вслѣдствіе чего мѣстность совершенно измѣнила свой видъ. А составляющія съ трехъ прочихъ сторонъ границу упомянутой части города горы, осыпавшись, сдѣлались менѣе неприступными; къ нимъ прилѣпились и по откосамъ ихъ устроились домики. И теперешніе обитатели, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ глубокихъ стариковъ, не подозрѣваютъ того, что когда-то эта часть города, отдѣляясь отъ прочихъ частей глубокимъ рвомъ, была по своему положенію неприступной крѣпостью.

Затѣмъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о педогогахъ новгородсѣверскаго повѣтоваго училища И. А. Славатинскомъ и Я. Я. Игнатьевѣ и новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскомъ, И. Ѳ. Тимковскомъ, Г. И. Ивановскомъ, Г. П. Македонскомъ, П. С. Левицкомъ и другихъ, причемъ наиболѣе симпатичнымъ изъ нихъ изображаетъ И. Ѳ. Тимковскаго.

Помѣстивъ въ Кіевской Старинѣ [1]) свою статью объ этомъ педагогѣ, мы позволимъ себѣ, въ дополненіе къ сообщеннымъ въ ней свѣдѣніямъ, выписать подробности, сообщаемыя Н. А. Шрамченкомъ: «этотъ человѣкъ», говоритъ авторъ о Тимковскомъ, «и теперь былъ бы не послѣднимъ передовымъ. Отлично образованный умомъ и сердцемъ, онъ зналъ языки французскій, нѣмецкій и въ особенности латинскій (любимый авторъ былъ у него Горацій), умѣлъ поставить себя такъ, что всѣ ученики и учителя уважали, любили и боялись его, хотя онъ всегда со всѣми обходился ласково. Учителя до того унижались предъ нимъ, что, когда онъ посѣщалъ классы, бросались снимать и подавать ему шинель и даже галоши, но, конечно, онъ не всегда допускалъ ихъ до этого. Бывало, если Тимковскій покажется на гимназическомъ дворѣ, то у учителей всегда было видно какое-то замѣшательство, они обращались къ ученикамъ: «господа, поправьтесь», а сами поправляли галстухи и застегивали сюртуки. Когда приходило время экзаменовъ, Тимковскій обыкновенно въ назначенный заранѣе день лично осматривалъ различныя ученическія принадлежности, свидѣтельствовавшія о годовыхъ занятіяхъ каждаго ученика: книги, тетради, разныя записки, переводы съ языковъ, рисунки и проч. и въ именномъ спискѣ учениковъ отмѣчалъ результаты своего осмотра. Затѣмъ назначались экзамены по росписанію, составленному Тимковскимъ. Ни одинъ экзаменъ не производился безъ его участія. Учителя на экзаменахъ были какъ бы второстепенныя лица. Бывало, Тимковскій, пріѣхавши на экзаменъ, привезетъ съ собою книгъ, подходящихъ къ предмету экзамена, попроситъ учениковъ и учителей садиться, самъ идетъ за столъ, розложитъ передъ собою списокъ учениковъ извѣстнаго класса и начинаетъ по списку вызывать учениковъ и лично экзаменовать, въ особенности по русскому языку. Учитель въ это время сидѣлъ въ отдаленіи отъ стола. При всемъ своемъ личномъ участіи на экзаменахъ Тимковскій

[1]) 1891 г. №№ 8—10.

нерѣдко заставлялъ и учителей экзаменовать. Отвѣты учениковъ Тимковскій самъ лично оцѣнивалъ въ своемъ спискѣ безъ участія учителей. Казалось бы страннымъ, какъ могъ Тимковскій такъ много брать на себя, но оно было такъ.»

Небезъинтересенъ также для характеристики старинныхъ нравовъ слѣдующій разсказъ автора: «Директоръ Тимковскій, какъ человѣкъ либеральный и гуманный, пожелалъ, чтобы въ гимназіи, помимо прочаго, процвѣтали и искусства, именно—музыка и танцы. Для обученія учениковъ музыкѣ онъ пригласилъ изъ Шостенскаго пороховаго завода капельмейстера П. В. Пишпека. Учителемъ танцевъ былъ Кригеръ, глубокій старикъ, преподававшій это искусство не долго. Когда онъ удалился, Тимковскій, вѣроятно по рекомендаціи Кригера, призвалъ меня къ себѣ, сказалъ что-то въ родѣ рѣчи о пользѣ пластическихъ искусствъ и поручилъ мнѣ продолжать обученіе танцамъ, что я и исполнялъ, разумѣется, безвозмездно. Ученики, въ благодарность, купили мнѣ всѣ (человѣкъ 25) по фунту конфектъ, которыми я съ ними же и подѣлился».

Переходя къ Харьковскому университету, въ которомъ авторъ былъ съ 1834 по 1840 годъ [1]), онъ, хотя и называетъ время студенчества лучшимъ временемъ своей жизни, къ сожалѣнію, черезчуръ кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ этому времени. Упоминая о П. П. Артемовскомъ—Гулакѣ (бывшемъ тогда деканомъ этико-филологическаго факультета), Н. И. Костомаровѣ (стоявшемъ на квартирѣ у Артемовскаго—Гулака) и А. Л. Метлинскомъ, онъ не сообщаетъ о нихъ никакихъ фактовъ, опубликованіе которыхъ могло бы представлять интересъ [2]).

Затѣмъ, сообщая въ нѣсколькихъ строчкахъ о службѣ въ канцеляріи черниговскаго губернатора (которымъ былъ тогда В. А. Ше-

---

[1]) Сначала авторъ поступилъ на медицынскій факультетъ, а черезъ два года перешелъ на философскій, переименованный послѣ посѣщенія университета Николаемъ I въ этико-филологическій.

[2]) Только для біографіи Амвросія Л. Метлинскаго, котораго другія воспоминанія (напримѣръ Де-Пуле) рисуютъ какъ симпатичнѣйшаго человѣка, можетъ быть, не безъинтересенъ слѣдующій сообщаемый авторомъ анекдотъ: по поводу смерти извѣстнаго профессора и ректора И. Я. Кронберга Метлинскій говорилъ рѣчь въ стихахъ, начинавшуюся словами: «Пронесется вѣсточка по святой Руси.“ Насмѣшливые и недобрые студенты подхватили эту *„вѣсточку“* и затѣмъ превратили ее въ прозвище Метлинскаго.

реметевъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ Имуществъ), авторъ излагаетъ нѣкоторыя подробности своей военной службы, не имѣющія интереса для нашего журнала, за исключеніемъ одного случая, небезъинтереснаго въ этнографическомъ отношеніи. По поступленіи въ военную службу, авторъ, зачислившись въ гусары и нарядившись въ гусарскую форму, которая состояла тогда изъ краснаго ментика съ опушкой изъ черныхъ барашковъ, красной фуражки съ бѣлымъ околышемъ и голубыхъ панталонъ,—ѣхалъ въ Глуховъ, при приближеніи къ которому есть на дорогѣ глубокій оврагъ. Въ то время пролегающую чрезъ этотъ оврагъ дорогу ровняли множество мужиковъ и бабъ, и здѣсь, по разсказу автора, произошло слѣдующее: „не доѣзжая оврага, я вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ горою, такъ что, опередивъ свой экипажъ, медленно спускавшійся по оврагу, вышелъ на противоположную сторону и началъ подниматься по дорогѣ. Бабы увидѣли меня, бросили свою работу и съ изумленіемъ смотрѣли на меня, пораженныя, должно быть, диковинною для нихъ формою, и притомъ на человѣкѣ, неизвѣстно откуда взявшемся, такъ какъ экипажа моего онѣ еще не видѣли. Наконецъ, одна изъ нихъ закричала не-своимъ голосомъ: «Се скарбъ, бый ёго!“ — „Бый ёго“, крикнули другія: „винъ заразъ розсыплется грошыма!“ Нѣкоторыя рванулись на меня съ лопатами. Положеніе мое было и смѣшное и досадное. Въ рукахъ у меня ничего не было. Но на мое счастье показался мой экипажъ, я крикнулъ кучеру, чтобъ онъ подъѣзжалъ скорѣе. Экипажъ подъѣхалъ, я спокойно сѣлъ въ него, и такимъ образомъ приключеніе это кончилось ничѣмъ.“

Потомъ, проходя какъ сказано уже, совершеннымъ умолчаніемъ свою службу въ должности мироваго посредника, авторъ на послѣднихъ страницахъ своихъ воспоминаній излагаетъ свѣдѣнія о мѣст. Воронежѣ и его обитателяхъ.

Къ воспоминаніямъ приложены стихотворенія Н. А. Шрамченка, числомъ 20, изъ которыхъ одно написано по-русски, а всѣ прочія—по-малорусски. Изъ имѣющихся надъ большею частью ихъ помѣтъ видно, что они были написаны въ 1839—1844 годахъ, а самое раннее изъ нихъ относится къ ноябрю 1839 года. Такимъ образомъ, первые опыты автора въ стихотворствѣ предшествовали первому изданію «Кобзаря» Т. Г. Шевченка (1840 г.) и послѣдовали за выходомъ въ свѣтъ въ Харьковѣ сборника стихотвореній извѣстнаго автору А. Л. Метлинскаго («Думки и писни та ще де-що,»

1839 г.). Самъ авторъ говоритъ объ этихъ стихотвореніяхъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Въ ту пору (т. е. въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ) я написалъ, не давая почти себѣ отчета, нѣсколько малороссійскихъ стихотвореній и, правду сказать, плоховатыхъ, потому что къ тому особеннаго таланта отъ Бога не имѣлъ, да къ тому же еще имѣлъ и плохое воспитаніе. Стихи эти впослѣдствіи я забылъ, и впослѣдствіи (sic), перечитывая ихъ, находилъ ихъ неудовлетворительными, а въ иныхъ даже едва сознавалъ, что они мною написаны. Но поэзія въ души моей осталась на всю жизнь. Любовь моя къ природѣ безгранична: радуюсь я травкѣ, пробивающейся изъ—подъ снѣга, готовъ и заплакать, когда вижу увядающимъ распустившійся цвѣтокъ».

Какъ бы подтвержденіемъ послѣднихъ словъ автора является одно изъ его стихотвореній, въ которомъ онъ изображаетъ печальную судьбу цвѣтка, выросшаго и увядшаго въ глуши, и которое мы приведемъ для образчика:

«К в и т к а».

Рожева квитка на степу
Зросла якóсь далеко
И красовалася соби,
А ій було не легко.

—

И бидному сёму цвитку
Въ садахъ вже не буваты,
Бо воля зла въ глухомъ кутку
Сказала розцвитаты.

—

Биля неи уже спорышъ
Та ще ревьяхъ прывився,
И стала квитонька ще гиршъ,
Пахучый духъ извився.

—

Засохла квитонька зовсимъ,
И лыстонько опало,
И квитоньвы на свити симъ
Якъ будто не бувало.

—

И въ мисти тимъ витрець блука,
И плаче винъ дытыной,
И жалибно гука,
И стогне сыротыной.»

Какъ видитъ читатель, поэтичное по мысли стихотвореніе,— очень блѣдно по выраженію, не отличаясь изяществомъ формы. Вообще стихотворенія Н. А. Шрамченка, не обнаруживая таланта, свидѣтельствуютъ лишь о нѣкоторой долѣ поэтическаго чувства и симпатіяхъ къ малорусскому слову, проявленныхъ авторомъ въ раннюю пору развитія нашей украинской словесности.

Н. Ш—ровъ.

Сочиненія графа П. И. Каннста. *Москва 1901 г. Т. I, CCLVII+231 стр.; Т. II, CXLVIII+578 стр.*

Графъ Петръ Ивановичъ Каннистъ—уроженецъ Полтавской губерніи, сынъ бывшаго Полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, а потомъ Московскаго губернатора и сенатора Ивана Васильевича Каннста. Родъ Каннистовъ происходитъ съ острова Занте (Закинѳа), самаго южнаго изъ острововъ Іоническаго архипелага, и погречески фамилія ихъ звучала: Каннисссисъ, въ Каннистовъ же передѣлали ихъ въ Малороссіи, куда переселился одинъ изъ Каннисссисовъ, Петръ Христофоровичъ, съ сыномъ Василіемъ Петровичемъ въ 1711 г. Въ 1702 г. дѣдъ Петра Христофоровича Стамателло Каннисссисъ былъ возведенъ Венеціанскою республикою въ графское достоинство, но осѣвшіеся въ Малороссіи потомки Петра Христофоровича не пользовались графскимъ титуломъ до 1876 года, когда императоръ Александръ II опять утвердилъ за ними родовой титулъ. Василій Петровичъ Каннистъ былъ полковникомъ Миргородскимъ, а потомъ бригадиромъ россійской арміи, и погибъ подъ ударами непріятельскихъ сабель 19 августа 1757 г. въ сраженіи съ пруссаками подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ. Младшій сынъ убитаго, Василій Васильевичъ извѣстенъ въ русской литературѣ, какъ авторъ комедіи «Ябеда», многихъ лирическихъ пьесъ (одъ, элегій и проч.) и одной сатиры. Петръ Ивановичъ (род. въ 1830 г., скончался въ 1898 г.), внукъ Василія Васильевича, какъ-бы унаслѣдовалъ отъ дѣда литературное призваніе и всю жизнь писалъ, хотя почти никогда ничего не печаталъ. На-

стоящее посмертное изданіе его сочиненій является трогательнымъ памятникомъ горячей любви къ отцу со стороны дочери, графини Ины Петровны. Ему предшествуетъ обширная, составленная Иной Петровной, біографія покойнаго писателя. Живо написанная, проникнутая свѣтлымъ и глубокимъ чувствомъ, возстановляющая въ яркихъ очертаніямъ личность писателя на фонѣ окружающаго его общества, біографія эта читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Воспитанникъ Московскаго университета временъ Грановскаго (окончилъ курсъ въ 1852 г.), П. И. Каинистъ на всю жизнь остался идеалистомъ:

Отзывчивой и пылкою душою
На этотъ міръ печально онъ взиралъ,—
Отъ юныхъ дней, какъ солнце надъ землею,
Надъ нимъ парилъ высокій идеалъ.

Служба его проходила въ Петербургѣ: въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ Цензурномъ Вѣдомствѣ, въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати; съ 1871 по 1874 годъ онъ былъ главнымъ редакторомъ Правительственнаго Вѣстника. Съ 1875 г. и до самой смерти П. И. Каинистъ не занималъ никакой должности и проживалъ по зимамъ—заграницею (въ первые четыре года—въ Монтрё, а потомъ преимущественно во Флоренціи и въ Римѣ), а лѣтомъ—въ Полтавскомъ имѣніи Кременчугскаго уѣзда. Литературное наслѣдіе, оставленное П. И. Каинистомъ, распадается на три отдѣла: первый отдѣлъ составляютъ лирическія произведенія, въ числѣ коихъ есть нѣсколько поэтическихъ перловъ; во второй отдѣлъ входятъ двѣ историческихъ трагедіи: одна—вполнѣ оконченная: «*Сенъ-Маръ*» (дѣйствіе происходитъ во Франціи въ 1642 г. при Людовикѣ XIII), другая, изъ русской жизни, «*Стенька Разинъ*»,—осталась не дописанной, и законченный видъ имѣютъ только два первыхъ дѣйствія, которыя и помѣщены въ Собраніи сочиненій; трагедіи «*Сенъ-Маръ*» предшествуютъ обширныя примѣчанія, представляющія цѣлое историческое изслѣдованіе о Людовикѣ XIII и важнѣйшихъ дѣятеляхъ его государствованія;—наконецъ, содержаніемъ третьяго отдѣла служатъ статьи прозаическія—литературныя и публицистическія: 1) Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 годъ включительно; 2) Краткое обозрѣніе журналистики за 1862 годъ; 3) По поводу нѣсколькихъ словъ г. Самарина объ историческихъ трудахъ Б. Н. Чичерина; 4) Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы; 5) О

женскомъ вопросѣ; 6) Записка о дворянствѣ; 7) Министерство земледѣлія.

Любители поэзіи и исторіи въ сочиненіяхъ графа П. И. Каниста и въ біографіи его, составленной графиней И. П. Канистъ, найдутъ для себя занимательное и поучительное чтеніе.

А. С.

Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета. *Выпускъ IX. Подъ редакціей свящ. Евфимія Сѣцинскаго.* **Приходы и церкви Подольской епархіи.** *Каменецъ-Подольскъ, 1900, стр. I—XXIII, 1—1064, 1—175,* in 4°.

Настоящій, солидныхъ размѣровъ, выпускъ «Трудовъ Подольскаго Епарх. Истор.-Статистич. Комитета», содержащій описанія приходовъ и церквей Каменецъ-Подольской епархіи составленъ трудами нѣкоторыхъ членовъ Комитета на основаніи выписокъ изъ современныхъ и старыхъ церковныхъ лѣтописей Подольской епархіи. Въ описанія приходовъ вошли лишь свѣдѣнія историческія, статистическія и археологическія; свѣдѣній же по этнографіи, подобно тому какъ, напримѣръ, въ описаніи Волынской епархіи, трудѣ свящ. Теодоровича, здѣсь не имѣется. Впрочемъ, комитетъ и не имѣлъ въ виду затрагивать иныхъ сторонъ жизни прихода, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, описаніе епархіи, задуманное еще въ 60-хъ г. г., опять грозило бы затянуться на неопредѣленное время: онъ пришелъ къ тому заключенію, что крайне желательно поскорѣе имѣть хотя бы краткія историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквахъ всей епархіи (съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться); но и эти краткія свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе, «не уничтожаютъ потребности имѣть полныя историческія свѣдѣнія о каждомъ приходѣ, документально составленныя и критически провѣренныя, почему и послѣ изданія настоящаго выпуска «Трудовъ» работа Комитета все-таки должна быть направлена къ болѣе систематичному, обстоятельному и детальному описанію приходовъ; издаваемыя нынѣ описанія должны быть расширяемы, провѣряемы и издаваемы въ такомъ примѣрно видѣ, какъ это сдѣлано для Каменецкаго уѣзда въ VII выпускѣ „Трудовъ" комитета» (Предисловіе, стр. XXIII).

Впрочемъ, и въ настоящемъ выпускѣ описанія нѣкоторыхъ пунктовъ (какъ напр. г. Каменецъ-Подольскъ, г. Винница, м. Меджибожъ, Ладыжинъ, Могилевъ, м. Шаргородъ, Баръ, м. Сатановъ, с. Бакота) имѣютъ сравнительно значительный объемъ и составлены довольно подробно, со ссылками на источники; но въ большинствѣ случаевъ, въ среднемъ каждому приходу посвящено около одной страницы.

Приходы въ изданномъ выпускѣ расположены по уѣздамъ и благочинническимъ округомъ. Уѣзды расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

Къ книгѣ приложенъ указатель названій географическихъ и личныхъ, что весьма облегчаетъ пользованіе ею.

Несомнѣнно, настоящее изданіе, первое цѣльное описаніе, хотя и въ общихъ чертахъ, Подольской епархіи, является цѣннымъ справочнымъ изданіемъ, подобно трудамъ Похилевича (для Кіевской губерніи) и Теодоровича (для Волынской).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историческій Вѣстникъ, № 3; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 5) Вѣстникъ Европы, № 3; 6) Русская Мысль, № 3; 7) Научное Обозрѣніе, № 3; 8) Книжки Восхода, № 2; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 3; 10) Ateneum, № 3; 11) Biblioteka Warszawska, № 3; 12) Przewodnik naukowy i literacki, № 3; 13) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2; 16) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 2 и 3; 17) Міръ Божій, № 3; 18) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 2; 19) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 3; 20) Wisła, т. I; 21) Записки Имп. Харьковскаго Университета, кн. 1; 22) Литературный Вѣстникъ, №№ 1 и 2; 23) Извѣстія Общ. Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, вып. 1.

Русская Старина № 3

Къ характеристикѣ В. Н. Каразина. Письмо С.-Петербургскаго митрополита—кіевскому митрополиту (стр. 742).

Рекомендаціонное письмо, въ которомъ Каразинъ аттестуется, какъ человѣкъ „умный, любоученый и благочестивый, особенно пекущійся о пользахъ Харьковскаго университета".

—

Историческій Вѣстникъ № 3.

В. О. Михневичъ. Исторія карточной игры на Руси (Окончаніе) (стр. 978—1012). Попутно отмѣчены игорныя прихоти и увлеченіе кн. Потемкина карточной игрой.

П. А. Тулубъ. Суевѣріе и преступленіе. (Изъ воспоминаній мирового судьи) (стр. 1083—1011). Авторъ, нѣсколько лѣтъ проведшій въ Брацлавскомъ у. Подольской губ., состоя мировымъ судьею, сообщаетъ нѣсколько (4) фактовъ, рѣзкихъ и типическихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько сильно коренятся еще въ народѣ суевѣрія,—вѣра въ вѣдьмъ, чары, наговоры и нашептыванья.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь" (стр. 1229—1245) упоминается о засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества, Археологическаго Института (докладъ А. А. Бобринскаго о древностяхъ Поднѣпровья), Географическаго Общества (докладъ Погодина—„О древности евреевъ въ южной Россіи"), С.-Петербургскаго славянскаго благотворит. общества (докладъ И. Драгомирецкаго „О современномъ положеніи Галицкой Руси"), предварительнаго Комитета по устройству XII археол. съѣзда въ Харьковѣ.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 3.

Ив. Тихомировъ О составѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей (стр. 1—36) (Окончаніе слѣдуетъ). Въ настоящей, первой, части изслѣдованія авторъ дѣлаетъ обзоръ состава лѣтописей краткаго свода (лѣтоп. Аврамки, Супрасльская рукопись, Уварова, Красинскаго и Познанская); указываетъ отличія другихъ списковъ того же свода—Даніиловича, гр. Красинскаго и Познанской рукописи, и наконецъ даетъ обзоръ состава полнаго свода, дошедшаго до насъ въ изданіи Нарбута.

—

Русская Мысль № 3.

Некрологъ А. Я. Конисскаго, составл. *Л. Ч.* (стр. 154—160), сообщающій нѣкоторыя подробности изъ его жизни.

—

Книжня Восхода № 2.

М. Шорръ. Центральные съѣзды еврейскихъ общинъ въ Польшѣ (Окончаніе) (стр. 36—61). Разсматривается дѣятельность генеральныхъ еврейскихъ съѣздовъ въ XVI ст.—XVIII ст., дѣятельность сеймиковъ, начиная съ XVII вѣка, вліяніе ихъ на общественную жизнь.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 3.

Маруся Богуславка, П. Куліша (конець.) (стр. 238—262).

Гречаники, оповіданне Ганни Барвінок (стр. 263—283).

Із оповідань Олекси Кузьми: I. На посаді (стр. 284—304).

По закону, оповіданне Ів. Федорченка (стр. 305—320).

I. *У море*, недрук. вірш Ю. Федьковича (стр. 321).

II. *До дядька Прохора Коваля*, недрук. вірш Ст. Руданського (стр. 321—323).

Маруся. Оповіданне В. Г. Короленка (конець) (стр. 324—351).

Із дрібних нарисів:

I. Пестрий птах, Еріка Гартлебена (стр. 352—354).

II. Палкий роман, Марселя Прево (стр. 354—359).

Із поезий Мікеля Анджельо (стр. 360).

—

Мик. Михайловский і його значінє в росийській літературі, проф. Мик. Кареева (стр. 153—160). Публичная лекція, прочитанная во Львовѣ 8 января въ пользу библіотеки „Науков. тов. ім. Шевченка».

О. Антін Петрушевич. Юбилейна сильветка, д-ра Івана Франка (стр. 171—192).

Видання коштом Івана Череватенка і преміі його імени Б. Грінченка (стр. 193—200). Отчетъ о черниговскихъ изданіяхъ Б. Д. Гринченка на средства, завѣщанныя Ив. Череватенкомъ. Въ настоящее время деньги эти переданы „товариству Просвіта“ во Львовѣ съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ выдавались преміи за научно-популярныя брошюры, написанныя на украинск. языкѣ.

Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літературний нарис, С. Томашівського (Дальше буде) (стр. 201—208).

Хроніка і бібліографія (стр. 209—228). По обыкновенію, богатый матеріалъ для текущей культурной жизни Украины-Руси.

—

Ateneum, № 3.

Zigmunt Kramsztyk. Lirnik i Nebaba (стр. 619—626). Отмѣчены главныя дѣйствующія лица въ повѣсти Гощинскаго „Zamek Kaniowski". Въ отдѣлѣ „Rozbiory i prawozdania" (стр. 644—647)— рецензія на книгу „Józef Tretiak. Szkice literackie. Serya II. Kraków, 1901", въ которой, между прочимъ, помѣщенъ разборъ „Dumy ukraińnej" 17 вѣка, возникшей на Украинѣ при Сигизмундѣ III или вскорѣ послѣ его смерти.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 3.

Rawita-Gawroński. Nieznane młodzi ńcze utwory poetyckie Seweryna Goszczyńskiego (Urywek z pamiętników Pokrzywnickiego) (стр. 266—274). Воспоминанія воспитанника Уманскаго Базиліанскаго училища первой четверти XIX ст.—Каспера Покривницкаго о состояніи учебнаго дѣла въ этомъ училищѣ во время его обученія; въ воспоминаніяхъ приведены нѣкоторыя данныя для біографіи Северина Гощинскаго, не рѣдко не согласныя съ истиной. Въ концѣ авторъ воспоминаній сообщаетъ неизвѣстное стихотвор. Гощинскаго: « Konstytucya 3-go Maja».

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2.

Въ «Приложеніяхъ» (I—XXX) оглавленіе и указатель къ книгѣ «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка» Н. П. Василенка.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія кн. I.

Е. Ѳ. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе) (стр. 385—482). Снимки съ рукописей XI—XV в.в.

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2.

Довнаръ-Запольскій Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (стр. 225—311) (Продолженіе). Обзоръ доходныхъ статей господарскаго скарба, шедшихъ съ дворовъ и волостей, и мѣропріятій, которыя скарбъ принималъ для увеличенія доходности своихъ имуществъ; обзоръ правительственныхъ мѣръ по управленію добрами до введенія волочной уставы.

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 2.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII в.в. (продолженіе) (стр. 81—126). Подробно отмѣчены произведенія западно-русской литературы конца XVI в.—перв. пол. XVII в.: богослужебныя книги, книги Св. Писанія, переводовъ твореній отцовъ церкви, сочиненія обще-моральнаго содержанія: духовнаго и нравоучительнаго; учебная литература.

—

Міръ Божій, № 3.

Въ отдѣлѣ «Критическія замѣтки» (стр. 9—13). г. *А. Б.* отмѣчаетъ «Сорокалѣтіе смерти Шевченка». Упомянувъ вкратцѣ о характернѣйшихъ чертахъ поэзіи Шевченка (гармонія, цѣльность и друг.), авторъ заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими словами. «Его «Кобзарь» — лучшій памятникъ народной славы малорусскаго народа, но самъ Шевченко до сихъ поръ не имѣетъ достойнаго себѣ памятника. Сорокъ лѣтъ прошло со дня его смерти, и пора-бы почтить достойно память величайшаго *народнаго пѣвца* не только малорусскаго народа, а всего славянства, какъ одного изъ благороднѣйшихъ его представителей. Мы увѣрены, не только малороссы, но и все лучшее, что есть въ русскомъ обществѣ, живо откликнулось бы на призывъ. Вѣдь и среди русскаго общества творенія Шевченка пользуются не меньшей любовью и распространеніемъ, чѣмъ и среди малороссовъ, такъ какъ мысли и чувства Шевченка равно близки всякому, кто любитъ народъ и человѣчество. Если у малороссовъ при одномъ имени «батька Тараса» живѣе бьется сердце и теплѣе становится на душѣ, то и для насъ, въ лицѣ Шевченка, встаетъ истинный «апостолъ правды и свободы», какимъ въ правѣ гордиться человѣчество».

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 2.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іерофей Малицкій (1796—1799 г.г.) (продолженіе) (стр. 212—255). Глава II. Внѣшнее и внутреннее благоустройство новоприсоединенныхъ церквей. Въ этой главѣ авторъ говоритъ о разрѣшеніи отдѣльнымъ приходамъ сборовъ «милостиваго подаянія» въ пользу церквей, о ревизіи митрополитомъ Іерофеемъ почти всей епархіи, о заботахъ по очищенію богослуженія новоприсоединенныхъ церквей отъ примѣси уніатскаго бого-

служенія, о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ установленію въ новоприсоединенныхъ церквахъ строгой отчетности.

Н. Петровъ. О новомъ росписаніи стѣнъ великой церкви Кіево-Печерской лавры (стр. 277—296). Рефератъ, читанный въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух. Акад. 22 января 1901 г., въ которомъ излагается подлинный ходъ дѣла въ Комиссіи, образованной Духовнымъ Соборомъ Кіево-Печерской Лавры для оцѣнки и пріема партіи художественныхъ работъ въ великой лаврской церкви.

—

Вѣстникъ Всемірной Исторіи № 3.

Б. Б. Герценъ и Тургеневъ (продолженіе). На стр. 129 отмѣчены попутно отзывъ Герцена объ украинскихъ разсказахъ Марка-Вовчка (Колоколъ, № 71, отъ 15 мая 1860 г.) и симпатичное отношеніе Тургенева къ малорусской литературѣ (Историч. Вѣстникъ, 1899, кн. 3).

А. Мироновъ. Изъ области археологіи (стр. 196—203). Отмѣченъ докладъ: А. Л. Бобринскаго въ засѣд. Археол. института о бытѣ, обстановкѣ и наружности древнихъ обитателей Малороссіи; проектъ устройства въ Каменцѣ-Подольскомъ музея древностей Подоліи; коллекція В. В. Тарновскаго; послѣднее засѣданіе Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда.

—

Wisła, № 1.

Przyczynek do historji rozwoju śpichlerza słowiańskiego (streszczenie pracy K. Rhamma) (стр. 60—74). Авторъ пересказываетъ содержаніе изслѣдованія Рамма о складахъ (амбарахъ), которые, по мнѣнію изслѣдователя, въ древнее время въ славянскомъ мірѣ были 3-хъ родовъ: для зерна, сукна и хлѣба (не вымолоченнаго). Зерновой амбаръ первоначально у всѣхъ славянъ назывался «житницей», хотя и не былъ одного типа.

На стр. 60 помѣщенъ фотографическій снимокъ 97-лѣтняго крестьянина с. Загроды, Ново-Александрійскаго у. Въ отдѣлѣ «Poszukiwania» (стр. 84—88)—глава XXVI «Mazurzenie»—поставленъ цѣлый рядъ лингвистическихъ вопросовъ, на которые желательно получить отвѣтъ, съ цѣлью полученія достаточныхъ данныхъ о степени «мазуренія» (выговора sz, ż, cz, dż—какъ s, z, c, dz). Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 88—92) дана рецензія на

книгу «S. Dobrzycki. O tak zwanym mazurowaniu w języku polskim. Krakow, 1900 (odbitka z t. XXXII Rozpraw wydz. filologicznego Akademji Kraków.).

—

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1.

А. А. Пельтцеръ. Англійскія и Шотландскія баллады (стр. 1—85) (Продолженіе). Указаны, какъ и въ первой части, варіанты къ нѣкоторымъ англійскимъ и шотландскимъ балладамъ въ этнографіч. сборникахъ Драгоманова, Головацкаго, въ „Этнографич. обозрѣніи" (стр. 69—73).

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки. 1. Палеографическія наблюденія (стр. 85—92). Авторъ останавливается на вопросахъ о почеркахъ рукописи и надстрочныхъ знакахъ въ этомъ древнѣйшемъ слав. памятникѣ.

Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. (Продолженіе) (стр. 1—64). Внутренняя жизнь Харьковскаго университета при попечителяхъ Ю. А. Головкинѣ и А. А. Перовскомъ.

—

Литературный Вѣстникъ. (Изданіе Русскаго Библіографическаго Общества). Томъ I, кн. I—II.

Книга I.

Въ отдѣлѣ «Изъ русской печати» (стр. 113) помѣщена замѣтка, заимствованная изъ газ. «Кіевское Слово» — «Псевдонимы А. Я. Конисскаго».

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 127—133) отмѣчены: «Общество изслѣдованія Волыни», «Музей въ Каменцѣ-Подольскомъ».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 135) помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго.

Книга II.

Въ отдѣлѣ «Новыя Книги» (стр. 199—201) данъ отзывъ о книгѣ: «П. Житецкій. «Энеида» Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. Кіевъ, 1900» (оспариваются нѣкоторыя замѣчанія по поводу этой книги І. Франка въ 38 т. «Запис. Наук. тов. ім. Шевченка»).

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 249—256) отмѣчены: «Воронежскій историко-археологическій церковный комитетъ», „Екатеринославская археологическая коммиссія", „Кіевскій историческій музей".

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 259) помѣщенъ краткій некрологъ М. Т. Симонова (*Номиса*).

Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ вып. I.

Н. М. Петровскій. О старинномъ латинско-русскомъ словарѣ (стр. 42—50). Авторъ приводитъ отрывки изъ словаря «Dictionarium latino-ruthenicum», хранящагося, въ рукописномъ видѣ, въ библіотекѣ францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ (подъ № 187 въ каталогѣ). Приведенные отрывки словаря представляютъ немалый интересъ для лингвистовъ, свидѣтельствуя о словарномъ богатствѣ XVII—XVIII в., повидимому имѣющемъ отношеніе къ южной Руси.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Поминки Т. Г. Шевченка въ русскихъ газетахъ и журналахъ въ 40-ую годовщину со дня смерти.

Въ *Петербургскихъ*: 1) Новости, 2) еженед. журналъ „Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“ (въ № 6) («Т. Г. Шевченко»). Авторъ статьи въ этомъ послѣднемъ, Вл. Кранихфельдъ между прочимъ пишетъ: заслуги Шевченко,—пишетъ онъ,—неизмѣримо громадны не только предъ Малороссіей, современную и историческую жизнь которой онъ воспѣлъ въ своихъ звучныхъ стихахъ, но и предъ всей Россіей вообще, съ самымъ темнымъ пятномъ въ государственномъ тѣлѣ которой онъ неустанно и страстно боролся, въ теченіе всей своей многострадальной жизни. Сравнивая эти неустанныя обличенія крѣпостного права съ тѣмъ, что мы находимъ за тѣ же самые годы (1845—1855) въ произведеніяхъ Некрасова, мы должны отдать преимущество украинскому поэту и по количеству и по качеству произведеній, затрагивающихъ крестьянскій вопросъ... Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ указанныхъ произведеній не было напечатано въ свое время, но, несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя были написаны до ссылки, тогда же расходились по Малороссіи во множествѣ списковъ.

Однако, не только тѣ произведенія Шевченка, гдѣ онъ затрагивалъ крѣпостное право, печатались несвоевременно: очень многія его произведенія вообще должны были годы ходить по рукамъ въ спис-

кахъ, прежде чѣмъ принималъ ихъ печатный станокъ. И теперь, въ то время, какъ въ галицкой Украинѣ произведенія Шевченко старательно изучаются, начиная со скромной сельской школы и кончая университетскими каѳедрами, многія произведенія поэта въ Россіи до сихъ поръ остаются неизвѣстными, а, между тѣмъ, въ числѣ этихъ не напечатанныхъ произведеній есть такія (укажемъ, напримѣръ, на «Марію», «Кавказъ» и др.), которыя въ неувядаемый вѣнецъ поэта вплетаютъ лучшіе цвѣты.

Не правда-ли, наконецъ, снять опалу съ твореній поэта, которымъ по справедливости могутъ гордиться славяне и подобнаго которому не знаетъ славянская литература? Сорокъ лѣтъ—это такая давность, въ теченіе которой сглаживается острота мысли, какъ бы отточена она ни была, и остается лишь одна прелесть ея выраженія,—опасность никому и ничему не угрожающая».

3) Русское Богатство, № 2, статья П. К. «*Новые матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченка*», въ которой авторъ сообщаетъ цѣнныя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка, найденныя при разборкѣ архива бывшаго Александровскаго (въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи) батальона. Сообщаемый матеріалъ даетъ наглядную картину назначенія Шевченка на службу въ Оренбургскій край и послѣдующихъ событій его жизни въ этомъ краѣ. Матеріалъ почти весь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, какъ напр. представленіе Шевченка къ повышенію въ унтеръ-офицерскій чинъ, извѣстенъ уже изъ біографія Т. Г. Шевченка, составленной покойнымъ А. Я. Конисскимъ.

4) Міръ Божій (№ 3) (см. обзоръ журн. въ этой книгѣ), 5) «Дѣтское Чтеніе», № 3 (И. Бѣлоусовъ „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко)", 6) Юный Читатель, 7) еженед. журналъ „Сѣверъ", № 9 (Н. Аншинъ. „Т. Г. Шевченко, какъ художникъ", съ рисункомъ Н. Дмитріева «Т. Г. Шевченко въ гробу»), 8) Нива, № 9 (рисунокъ художника Шарварока „Чумакъ"), 9) Биржевыя Вѣдомости (приложенія) (нѣсколько рисунковъ Шевченка), 10) Дѣтскій Отдыхъ, № 2 (біографія и портретъ 11) Журналъ для всѣхъ, № 2 (статья А. Ефименко—см. Кіев. Стар. № 3).

Въ *Москвѣ*—1) Курьеръ (статьи Л. Медвѣдева и стихотвор. В. Гиляровскаго „На могилѣ Шевченка") 2) Русскія Вѣдомости, №№ 56 и 68 (Веденѣевъ „Т. Н. Шевченко"; приведено стихотвореніе Некрасова на смерть Шевченка), 3) Русскій Листокъ, № 55 („Литературная Бесѣда").

Въ *Харьковѣ*—1) Харьковскія Губернскія Вѣдомости, № 54 («Памяти Т. Г. Шевченка»).

Въ *Полтавѣ*—„Хуторянинъ", № 8 (статья С. Р.—„Сорокъ лѣтъ назадъ").

Въ *Одессѣ*—1) Южное Обозрѣніе (передовая статья и статья А—ръ „Кобзарь Т. Г. Шевченка"), 2) Одесскій Листокъ № 52 («Перебенія и Т. Г. Шевченко») и передовая статья въ № 53, 3) Одесскія Новости, № 5224 («Шевченко и Мицкевичъ») и № 5223 «Памяти Т. Г. Шевченка»). Авторъ послѣдней вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «пора уже русскому юношеству на школьной скамейкѣ знакомиться съ жизнью (Шевченка) и съ созданнымъ имъ «Кобзаремъ»..... «Пора помянуть этого человѣка не въ тѣсныхъ кружкахъ «почитателей», пора чествовать великаго поэта не утаенно отъ зрѣнія людскаго»... «Еще въ 1876 г. французскій критикъ Е. Дюранъ высказалъ, что «Шевченко заслуживаетъ цѣлаго ряда изслѣдованій для европейской публики». «А для русской»?—спрашиваетъ авторъ. «Что дали за истекшіе сорокъ лѣтъ наши присяжные ученые? что услышало русское учащееся юношество о Шевченкѣ съ каѳедръ славянской филологіи, что издано о немъ нашими историко-филологическими обществами?... Пусть же эта 40-ая годовщина смерти «батька» Тараса внушитъ его «дитямъ» (а дѣтьми, въ концѣ концовъ, должна признать себя прежде всего вся интеллигенція) достойныя формы увѣковѣченія его памяти». Съ своей стороны авторъ предлагаетъ «хоть скромнымъ *дѣломъ* ознаменовать одесскія поминки Шевченку въ настоящую сороковую годовщину: собрать небольшой капиталъ его имени для выдачи изъ процентовъ его премій за лучшія историко-литературныя изслѣдованія о поэзіи Шевченка или вообще о малорусской народности—въ ея языкѣ, исторіи, во всѣхъ особенностяхъ народной психологіи».

Въ Орлѣ—«Орловскій Вѣстникъ» (стихотвореніе Р. Чеботарева и статья М. Лемке).

Въ *Ярославлѣ*—«Сѣверный Курьеръ, (№ 12) Стихотв. «Гдѣ небо сходится съ землею?» и статья Вас. Смирнова.

Въ *Нижн.-Новгородѣ*: 1) Нижегородскій Листокъ, № 55 (статья Ч. Вѣтринскаго «Памяти Т. Г. Шевченка»; 2) Волгарь (фельетонъ г. Опикса).

Въ *Перми*—«Пермскія губ. Вѣдомости».

Въ *Астрахани*—«Астраханскій Листокъ, № 3523.

Въ *Саратовѣ*—1) «Саратовскій дневникъ», № 44 (статья Ан. Герасимова «Многострадальный поэтъ), 2) Саратовскій листокъ № 45 («Памяти пѣвца Украины»).

Въ *Ростовѣ-на-Дону*—«Донская Рѣчь», № 53 (портретъ Т. Г. Шевченка и обширная статья Ф. Зѣнченко).

Въ *Екатеринославѣ*—«Приднѣпровскій Край,» № 1117 (передовая статья).

Въ *Житомірѣ*—«Волынь» № 45 (передовая статья, въ которой призываются читатели оказать посильное содѣйствіе «Обществу имени Т. Г. Шевченка для вспомоществов. нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высш. учебн. заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ» и «Благотворительному обществу общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» и № 46 («Памяти Т. Г. Шевченка»).

Въ *Симферополѣ*—«Крымъ», № 45 (воспоминанія Н. И. Балабухи о встрѣчѣ и проводахъ праха поэта въ Кіевѣ), въ №№ 47 и 48 (статья С. В. Преображенскаго „Памяти Шевченка".

Въ *Херсонѣ*—„Югъ", № 855 (фельетонъ В. К—ой „Пѣвецъ Украины Т. Г. Шевченко".

Въ *Екатеринодарѣ*—„Кубанскія Областныя Вѣдомости" №№ 44, 46 и 47 (статья редактора Лук. Мельникова „Гражданскіе мотивы поэзіи Шевченка").

Въ *Ставрополѣ*—„Сѣверный Кавказъ" (статья).

Въ *Батумѣ*—„Черноморскій Вѣстникъ", № 46 (замѣтка).

Въ *Баку*—„Каспій", № 44 (статья Г. Д. „Памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка").

Въ *Иркутскѣ*—„Восточное Обозрѣніе", № 42 (фельет. М. Невскаго „Къ сорокалѣтію кончины Т. Г. Шевченка").

Въ *Томскѣ*—„Сибирская жизнь", № 44 (біографич. очеркъ *Z.* и замѣтка Ив. Иванова).

Въ № 42 и 43 «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья Лук. Мельникова «Малорусскія народныя пѣсни про «панщину» и «волю».

Отмѣтивъ тотъ странный фактъ, что величайшее событіе русской исторіи XIX ст.—освобожденіе крестьянъ—не отразилось сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ въ русской поэзіи, авторъ указываетъ, что въ Малороссіи, наоборотъ, поэтическое чувство простого, неграмотнаго народа создало довольно значительное количество пѣсенъ,

содержаніемъ которыхъ является тяжкая доля народа подъ гнетомъ крѣпостного права и затѣмъ то впечатлѣніе, какое произвело на народъ освобожденіе. Въ своей статьѣ авторъ на примѣрахъ показываетъ (главнымъ образомъ изъ «Этнографическихъ матеріаловъ» В. Д. Гринченка, собственныхъ записей въ Подольской губ. и изъ «Кіевск. Стар.»), что думалъ украинскій народъ о своемъ положеніи въ періодъ крѣпостничества, какъ онъ встрѣтилъ про желанную свободу дорогую вѣсть и какъ отнесся онъ къ этой вѣсти.

Въ заключеніи своей статьи авторъ приходитъ къ тому выводу, что «малорусскій народъ и до сихъ поръ еще сохранилъ, хотя, быть можетъ, и въ пониженной уже степени, давнюю способность сознавать ненормальность своего соціально-политическаго положенія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовать противъ этой ненормальности».

—

Въ № 50 и 51 газ. «Кубанскихъ областн. Вѣдомостей» г. П. П. Короленко помѣстилъ интересную статью «Козачій монастырь на Аѳонѣ».

Авторъ, на основаніи разсказа стараго черноморскаго войскового атамана Матвѣева, разсказа, занесеннаго въ протоколъ черноморской войсковой канцеляріи въ 1825 г. (подъ № 873), хранящійся въ настоящее время въ Кубанскомъ войсковомъ архивѣ, сообщаетъ любопытныя данныя о заботахъ запорожскихъ козаковъ объ основанномъ ими же Ильинскомъ скитѣ, за границей, на Аѳонѣ.

—

Въ № 1135 газ. «Приднѣпровскій Край» г. А. Лисовскій помѣстилъ статью „О малорусскихъ народныхъ думахъ“.

Авторъ задался цѣлью представить генезисъ и дальнѣйшее развитіе „думы“, этой замѣчательной формы народнаго творчества. Свѣдѣнія по поводу этого онъ черпаетъ главнымъ образомъ изъ своего же труда „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“, изданнаго въ 1890 г. Полтавск. губернскимъ статистическимъ комитетомъ.

—

Въ журналѣ „Искусство и худож. промышленность“ № III, стр. 61—75 помѣщена статья *Е. М. Кузьмина* „Т. Г. Шевченко какъ художникъ и граверъ“ (со многими снимками).

—

Въ №№ 47—51 газ. „Руслан“ помѣщена статья Остапа Макарушки «Туземний рай в поетичних творах Тараса Шевченка».

Авторъ, анализируя произведенія Шевченка, указываетъ, въ чемъ Шевченко видѣлъ тотъ рай, къ достиженію котораго мы должны стремиться.

—

Въ № 63 газ. „Русскія Вѣдомости", въ статьѣ В. Якушкина „Изъ исторіи проведенія крестьянской реформы на мѣстахъ", цитируется, между прочимъ, отрывокъ изъ воспоминаній одного изъ ярыхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ Н. А. Боровкова, который въ 1864 г. успѣлъ открыть, при содѣйствіи со стороны помѣщиковъ, по школѣ во всякой волости своего участка, а въ многолюдныхъ волостяхъ даже по нѣсколько школъ. «Результаты,—вспоминаетъ онъ,—могли быть еще лучше и процентъ грамотныхъ возвысился бы еще болѣе, еслибы мнѣ не запретили снабжать школы книгами на малорусскомъ нарѣчіи въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ большинство населенія составляютъ хохлы... А жаль! Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ, любовью и охотою подростки учили малорусскія пѣсни и стихотворенія... Въ этомъ административномъ запретѣ я и теперь вижу недальновидность слишкомъ ретивыхъ преслѣдователей сепаратизма (въ данномъ случаѣ—хохломанія) того времени... Вѣдь цензура существовала, стало-быть дозволенные цензурою изданія не могли быть вредными для народныхъ школъ, тѣмъ болѣе постоянно находящихся подъ надзоромъ мироваго посредника, провѣряемаго въ этомъ отношеніи членами-ревизорами училищнаго совѣта".

—

Въ недавно вышедшей изъ печати брошюрѣ профессора И. А. Сикорскаго: „Нравственное значеніе личности Владиміра Соловьева", между прочимъ проводится параллель между жизнью и философскимъ направленіемъ Соловьева, съ одной стороны, и трудами и дѣятельностью другого русскаго философа конца XVIII и начала XIX в., Г. С. Сковороды—съ другой.

«И у Соловьева, какъ и у Сковорды (кстати сказать, его предка) общія заботы—о познаніи себя. Оба стремятся возбудить въ людяхъ высшія чувства, возвышенныя нравственныя стремленія; оба борются съ матеріализмомъ и атеизмомъ. Но по духу вѣка, Сковорода болѣе останавливается на господствовавшемъ въ его время невѣріи, Соловьевъ болѣе поражается нравственнымъ равнодушіемъ. Сковорода и Соловьевъ одинаково обладали высоко-художественнымъ сильнымъ,

глубокимъ, оригинальнымъ языкомъ. По силѣ, языкъ Сковороды напоминаетъ словесныя стрѣлы Эразма Роттердамскаго; языкъ Соловьева отличается поразительной тонкостью въ анализѣ нашихъ духовныхъ состояній. Сковорода говоритъ о людяхъ дѣтоумныхъ, Соловьевъ—о тѣхъ, которые вводятъ истину, но ненавидятъ ее за то добро, которое въ ней есть. И Сковорода, и Соловьевъ во многомъ имѣли сходную судьбу. Наконецъ, оба философа отличались аскетическимъ образомъ жизни; но аскетизмъ не исключалъ у нихъ жизнерадостнаго настроенія духа, которое они признавали необходимымъ поддерживать въ себѣ и въ другихъ.

—

Въ № 53 газ. «Волынь» дано сообщеніе о „Народной легендѣ", пріуроченной къ „Покровской" горѣ м. Троянова, Житомірск. уѣзда. Согласно этой легендѣ, церковь, построенная „на оскверненномъ мѣстѣ", въ наказаніе, на первый разъ, перешла на другой берегъ р. Гнилопяти, а когда жители снова начали постройку на старомъ мѣстѣ, церковь «ввійшла въ землю», а на ея мѣстѣ выросла гора, которую и назвали „Покровой". На этой горѣ было, очевидно, когда-то кладбище (несомнѣнно, христіанское).

—

Въ № 5 еженедѣльнаго польскаго журнала „Prawda", издающагося въ Варшавѣ, помѣщена цѣнная критическая статья г. A. R. „Antologia małoruska" (Wik—1798—1798).

Признавая, что упомянутая антологія, при всѣхъ внѣшнихъ качествахъ, даетъ читателю общее, но согласное съ правдой представленіе о томъ, какими путями шла народная поэзія въ теченіе столѣтія, авторъ статьи останавливается, въ частности, на языкѣ антологіи, на отношеніяхъ, въ поэзіи украинской, украинской націи къ польской и еврейской, на характерѣ новѣйшей поэзіи, въ нѣкоторой части своей уже недоступной пониманію простого народа.

Статья написана весьма обстоятельно и вполнѣ безпристрастно.

—

Въ журналѣ „Педагогическій Сборникъ», № 1, (прилож. V, стр. 175—180) помѣщены біографіи еписк. Гавріила Бужинскаго, Гавріила Розанова, еп. херсонскаго (1781—1854) и Георгія Конисскаго.

Въ журналѣ „Странникъ", № 1, помѣщены статьи: А. Лопухинъ. Духовныя свѣтила XIX в. Иннокентій, арх. Херсонскій (стр. 1—15) и 100-лѣтній юбилей арх. Таврич. Иннокентія (стр. 195—197).

—

Въ журналѣ «Kraj» данъ обстоятельный отзывъ объ изданіи „Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изд. Кіев. Губ. статистич. комитета. Кіевъ, 1900“ и краткій отзывъ о книгѣ „Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западн. Краѣ; ихъ возникновеніе и средства содержанія“. Кіевъ, 1900.

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію драматическою цензурою.

По 1 февраля 1901 г.

Непевни висты. Драма въ 3 д. и 4 одм. Сочиненіе Мыколы Бошно-Бочного.

Сватови—якъ не перша чарка, то перша палка. Сельськи сцены въ 3 д. зъ музыкамы, танцямы та спивамы. С. Е. Зиневича. (Правит. Вѣстн. № 41).

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

5 февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ отчетъ по дѣламъ комитета, уже совершеннымъ, и намѣтилъ рядъ дѣлъ, которыя предстоитъ совершить—въ отношеніи устройства спеціальныхъ командировокъ и собиранія свѣдѣній по различнымъ древностямъ. Такимъ образомъ, предстоящимъ лѣтомъ предполагаются экскурсіи по изученію архивовъ (Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго), церковныхъ древностей (проф. Е. К. Рѣдина); церковныхъ архивовъ—(проф. А. С. Лебедева), говоровъ населенія Курской губ. и древностей (проф. М. Г. Халанскаго), по собиранію предметовъ для этнографической выставки (проф. А. Н. Краснова, Н. Ѳ. Сумцова, А. М. Покровскаго и др.), по производству раскопокъ кургановъ (пр. А. М. Покровскаго, Е. П. Трифильева, Н. А. Федоровскаго, проф. Л. Ю. Шепелевича и др.).

Проф. Н. А. Красновъ предложилъ краткій проектъ экскурсій съ цѣлью составленія этнографическихъ коллекцій по Харьковской губ. для выставки при археологическомъ съѣздѣ. Этотъ проектъ будетъ предложенъ московскому предварительному комитету, въ распоряженіе котораго, какъ извѣстно, харьковское губернское земство, по просьбѣ его и харьковскаго комитета,

предоставило 2,000 руб. въ качествѣ субсидіи для составленія этнографическихъ коллекцій. Скромная сумма 2000 руб., какою можетъ располагать комитетъ, лишаетъ возможности поставить организацію собиранія матеріаловъ такъ широко, какъ того требуетъ дѣло; приходится ограничиваться тѣмъ, что позволяютъ средства. Систематическій обзоръ всей губерніи и ея уѣздовъ немыслимъ при этихъ условіяхъ. Въ виду этого, по проекту, нужно выбрать мѣста наиболѣе типичныя, взявъ по уѣзду на крайнемъ сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ губерніи. Наиболѣе удобными по различнымъ соображеніямъ будутъ для этой цѣли уѣзды: Старобѣльскій, Купянскій, Изюмскій, Зміевскій, или Валковскій и Сумской, Ахтырскій или Лебединскій, Волчанскій Харьковскій. Такъ какъ практика показала, что однодневное пребываніе въ селеніи рѣдко когда позволяетъ добывать достаточное количество матеріаловъ, посвящать же по нѣсколько мѣсяцевъ на уѣздъ не позволяютъ ни время, ни средства экскурсантовъ, то предполагается выбрать въ каждомъ уѣздѣ до пяти пунктовъ, осмотръ которыхъ—по предварительномъ ознакомленіи съ литературою о краѣ и по разспроснымъ свѣдѣніямъ—окажется особенно интереснымъ. Эти пять пунктовъ и должны быть изучены болѣе подробно, посвящая на нихъ 3—4 дня и въ общей сложности около мѣсяца, или 20 дней на уѣздъ. Считая расходы по экскурсіи (разъѣзды, фотографіи, коллекціи предметовъ и др.) на уѣздъ въ 350—400 руб., возможно командированіе изслѣдователей въ 4—5 уѣздовъ. При составленіи коллекцій нужно руководствоваться программами. Жилище и его варьянты, хозяйственныя постройки и проч. должны быть воспроизведены на фотографіяхъ систематически и примѣнительно къ тому, какъ это дѣлается въ научныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ Австріи и въ Германіи. На фотографіяхъ же должны быть даны изображенія одеждъ, полевыхъ работъ, различныхъ видовъ употребленія самодѣльныхъ орудій, внутренности хатъ, а если возможно, то и характерныхъ обрядовъ и празднествъ; примѣнительно къ программѣ надо фотографировать и образцы кустарныхъ производствъ.

Основными предметами для составленія коллекцій должны быть предметы кустарнаго производства, которыхъ желательно представить возможно полныя коллекціи, и древняя одежда. Что

же касается другихъ предметовъ быта, то чѣмъ ближе коллекція ихъ будетъ къ дезидератамъ программъ, тѣмъ лучше, но точнаго опредѣленія и перечня заранѣе дать затруднительно, такъ какъ сохраненіе ихъ въ быту—случайное и заранѣе указано быть не можетъ.

Предварительный комитетъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу изученія народнаго быта, культуры, съ покорнѣйшей просьбой—придти ему на помощь всѣмъ, чѣмъ только это возможно будетъ—для наивозможно лучшаго устройства этнографической выставки при съѣздѣ, которая послужитъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея.

Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ въ архивѣ курскаго Знаменскаго монастыря и отмѣтилъ, въ качествѣ интереснаго матеріала для иконографіи—опись имущества архіерейскаго дома, отъ 1770 года. Здѣсь, между прочимъ, описана одна интересная икона: „изображеніе на деревѣ Христа отрока, спящаго на крестѣ, вокругъ на маringахъ золотомъ писанный курпедиментъ, внизу слова: хочай тѣло восхотѣло, и прочая, высота 7 вершковъ, ширина двѣ четверти и два вершка". Проф. Лебедевъ находитъ сходство описываемой иконы съ той, что предоставлена въ распоряженіе предварительнаго комитета и музея изящныхъ искусствъ университета г-жей В. Н. Свѣтъ...

По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина,—эта икона представляетъ собою краткій переводъ извѣстнаго въ христіанской иконографіи изображенія „недреманнаго ока", нерѣдко встрѣчающагося въ росписяхъ аѳонскихъ церквей, а также русскихъ (напримѣръ, Іоанна Златоуста въ Ярославлѣ), равно на иконахъ, воздухахъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Судя по характеру работы—икона г-жи Свѣтъ юго-западнаго происхожденія, XVIII вѣка.

Заслушано отношеніе московскаго предварительнаго комитета, въ которомъ послѣдній обращаетъ вниманіе харьковскаго комитета на сохраняющіеся при этнографическомъ отдѣленіи Румянцевскаго музея рисунки съ малороссійскихъ костюмовъ, собранныхъ нѣкогда для политехнической выставки въ Москвѣ; кромѣ этого,—дѣлаетъ слѣдующее добавленіе къ изданнымъ харьковскимъ комитетомъ программамъ: „въ виду того, что историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ

народной пѣсни, которая, благодаря всеобщей нивеллировкѣ, исчезаетъ въ Малороссіи, какъ исчезаетъ народная пѣснь и въ остальной Россіи, обратить вниманіе мѣстныхъ ученыхъ Обществъ и земствъ на необходимость сдѣлать для малороссійской народной пѣсни то, что дѣлается Императорскимъ русскимъ географическомъ Обществомъ и этнографическимъ отдѣленіемъ московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи для собиранія великорусской пѣсни, возстановленія ихъ исполненія, гармонизаціи ихъ и пр., и на основаніи этого пожеланія, просить общества и земства не только принять мѣры къ собиранію народныхъ пѣсенъ и мотивовъ, но и объ изысканіи средствъ къ ихъ изданію и сохраненію среди народныхъ массъ". При этомъ же прибавляется, что въ этнографическомъ отдѣленіи московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, равно какъ и въ русскомъ географическомъ Обществѣ, лежатъ нѣсколько сборниковъ пѣсенъ, которые не изданы до сихъ поръ по недостатку средствъ.

Комитетъ постановилъ: 1) обратиться къ московскому комитету съ просьбой о предоставленіи вышеуказанныхъ рисунковъ для этнографической выставки, 2) обратиться къ харьковскому историко-филологическому Обществу съ просьбой—принять на себя трудъ собиранія и изданія малороссійскихъ пѣсенъ и ходатайствовать предъ харьковскимъ губернскимъ земствомъ объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствія и денежной помощи, 3) просить этнографическое отдѣленіе московскаго Общества командировать для записи малороссійскихъ пѣсенъ спеціалистовъ-музыкантовъ въ Харьковскую губернію.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ очеркъ покойнаго Г. С. Чирикова „Каменныя бабы въ Харьковской губер.", написанный имъ еще въ 1879 году; въ виду интереса сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній, рѣшено напечатать его въ трудахъ предварительнаго комитета.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами изученія имъ свѣдѣній, полученныхъ харьковскимъ статистическимъ комитетомъ,—о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что количество каменныхъ бабъ, сравнительно съ данными 1880 года,—уменьшилось: ихъ теперь пока зарегистровано 84; изъ нихъ на курганахъ стоятъ теперь

всего 13 (въ Зміевскомъ уѣздѣ—1, въ Купянскомъ—2, въ Старобѣльскомъ—1, въ Изюмскомъ—9, изъ общаго числа 44). Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ, притомъ небольшой величины, грубой работы, служатъ межевыми знаками. Большая часть каменныхъ бабъ находится на мѣстахъ первоначальной ихъ установки, но часть—привезена изъ другихъ губерній: Херсонской, Воронежской, Екатеринославской, Новороссійскаго края. По отношенію къ нѣкоторымъ извѣстно, что онѣ выкопаны изъ мѣстныхъ кургановъ (Зміевского уѣзда). Преданій, связанныхъ съ каменными бабами, сообщено немного: о происхожденіи ихъ: 1) каменные боги, 2) люди, окаменѣвшіе, когда ругали сильно пригрѣвавшее солнце или плевали на него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ каменнымъ бабамъ привязывали конокрадовъ, зимой поливали водой.

М. А. Поповъ и М. Д. Линда, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о каменныхъ бабахъ въ г. Харьковѣ, сообщили, что таковыя имѣются: на Екатеринославской улицѣ, противъ церкви св. Димитрія, у дома бывшаго Ковальчукова—три; одна—въ оградѣ Каплуновской церкви; одна на Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Солнцева.

Постановлено обратиться къ губернаторамъ: херсонскому, таврическому, полтавскому, курскому, воронежскому и предварительнымъ комитетамъ: новочеркасскому, екатеринодарскому—съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ чрезъ посредство г.г. исправниковъ и земскихъ начальниковъ, по программамъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, и о доставленіи ихъ харьковскому комитету.

Заслушано предложеніе Ив. П. Поддубнаго, воспитанника харьковской гимназіи, нынѣ имѣющаго въ С.-Петербургѣ картографическое заведеніе,—издать на свои средства къ археологическому съѣзду археологическія карты. Постановлено благодарить г. Поддубнаго за это предложеніе и просить объ изданіи топографическаго описанія Харьковской губерніи съ планами всѣхъ уѣздныхъ городовъ намѣстничества, имѣющагося въ библіотекѣ харьковскаго университета, или рукописнаго атласа Харьковской губерніи 1802 г., хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ.

Постановлено—согласно предложенію проф. М. Г. Халанскаго: просить администрацію университета обратиться съ просьбой къ курской епархіальной власти о передачѣ Императорскому харьковскому университету старопечатныхъ книгъ, имѣющихся въ церкви села Болховца, Бѣлгородскаго уѣзда, и о предоставленіи университету старопечатныхъ книгъ XVI—XVII в. Маклаковской библіотеки (въ Путивлѣ, Курской губ.)—для выставки старопечатныхъ изданій, имѣющей быть во время археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: 1) о высылкѣ воронежскому губернскому статистическому комитету 53 р. 40 к. на расходы по напечатанію программъ для собиранія свѣдѣній къ археологическому съѣзду; 2) о предложеніи г. Бабенко услугъ по пріобрѣтенію предметовъ для этнографической выставки въ сл. Верхнемъ Салтовѣ; 3) о пожертвованіи П. В. Ивановымъ (изъ Купянска) черезъ комитетъ музею изящныхъ искусствъ,—иконы св. Георгія; библіотекѣ историко-филологическаго Общества—двухъ старинныхъ печатныхъ книгъ и четырехъ листковъ рукописей. Постановлено г. Бабенко благодарить и предложить ему вознагражденіе, по соглашенію, за доставленные предметы древности; благодарить П. В. Иванова и г-жу В. Н. Свѣтъ.

—

Другое засѣданіе Комитета состоялось 5-го марта.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что въ комитетъ начали поступать уже въ большомъ количествѣ свѣдѣнія по программамъ о различныхъ древностяхъ Харьковской губ., какъ отъ священниковъ епархіи, народныхъ учителей, такъ и отъ частныхъ лицъ; равно—кромѣ свѣдѣній, и самые предметы древности. Такимъ образомъ, если присылка предметовъ древности будетъ и впередъ продолжаться, если покорнѣйшая просьба комитета объ этомъ найдетъ откликъ въ обществѣ, то успѣхъ археологической выставки, при первомъ въ нашемъ краѣ археологическомъ съѣздѣ, будетъ обезпеченъ.

Предметы древности присланы слѣдующими лицами: 1) о. благочиннымъ города Купянска—монеты XVIII—XIX вѣковъ; 2) священникомъ Грабовскимъ (с. Купьевахи, Богодуховскаго уѣзда)—крестъ XVIII вѣка съ рельефными изображеніями, Требникъ Петра Могилы; 3) священникомъ Кипріановымъ

(с. Русскіе Тишки)—Дѣянія Апостольскія, 1739 г. печати типографіи Спіоски; 4) священникомъ Юшковымъ (с. Селимовки, Изюмскаго уѣзда)—Четвероевангеліе, кіевской печати, 1746 г., въ окладѣ; 5) священникомъ Лобковскимъ (с. Бабаи)—оловянные церковные предметы, икона на полотнѣ Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 6) священникомъ Дикаревымъ (Острогожскъ)—древній вѣнчальный вѣнецъ; 7) Н. Чуднымъ (Харьковъ)—икона Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 8) г. Познанскимъ (Острогожскъ)—мѣдный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа; 9) учителемъ стецковскаго земскаго училища г. Шкорбатовымъ—документы (г. Островерхова) и мѣдныя монеты (крестьянъ); 10) юрьевскимъ реальнымъ училищемъ—предметы, добытые при раскопкахъ г. Яковлевымъ; 11) учителемъ верхне-салтовскаго училища г. Бабенко—рядъ документовъ, иконъ, старопечатныхъ книгъ; 12) учителемъ Т. В. Проскурниковымъ—фотографіи съ различныхъ памятниковъ древности г. Корочи; 13) священникомъ Поповымъ (Сеньково, Купянскаго уѣзда)—фотографія церкви; 14) профессоромъ Н. О. Куплеваскимъ (Харьковъ)—четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и кость скелета (изъ находокъ въ деревнѣ Аксютовкѣ); 15) А. И. Конвисаромъ (Ахтырка)—абшидъ значковаго товарища Марквы (1777 г.), 16) о. І. Филевскимъ—фотографіи церквей.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ: 1) сообщеніе А. М. Катрухина о курганахъ возлѣ слободы Сватовой Лучки, у хутора Ѳомовки (Хомивки): группы кургановъ по два, по три; два городища по берегамъ рѣки Красной, у Ѳомовки и на участкѣ земли крестьянъ Рыбальченко, и рядѣ „могилокъ“ у той-же Ѳомовки; 2) предложеніе И. С. Шаровкина—въ даръ глиняной копилки и для выставки колекціи старинныхъ монетъ; 3) предложеніе И. В. Попова (изъ Екатеринослава)—выслать рукописи времени Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II-й, относящіяся къ дѣламъ Новороссійскаго края; 4) сообщеніе г. Левандовскаго о курганахъ въ имѣніи М. А. Ефремова въ с. Александровскомъ, Таганрогскаго округа, въ количествѣ 6—8 штукъ, высотой до 2½ аршинъ; 5) сообщеніе Б. С. Познанскаго о курганахъ Воронежской губерніи, уѣздовъ Коротоякскаго и Павловскаго; 6) сообщеніе Т. В. Проскурникова о древностяхъ г. Корочи: Думчевѣ курганѣ, Ханскомъ колодезѣ

и о валѣ на рѣкѣ Рати; 7) о дарѣ г-жи Г. П. Радаковой альбома таблицъ, копій въ краскахъ орнамента на различныхъ предметахъ, главнымъ образомъ, на тканяхъ крымскихъ татаръ.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ*, указавъ на то значеніе, какое имѣетъ изученіе народнаго костюма въ исторіи культуры, и отмѣтивъ, что малороссійскій костюмъ еще мало изученъ, изслѣдованъ, познакомилъ съ трудомъ *Б. С. Познанскаго*, посвященнымъ малороссійскому костюму. Въ виду высокихъ достоинствъ труда г. Познанскаго, рѣшено напечатать его въ „Трудахъ предварительнаго комитета".

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* прочелъ: 1) сообщеніе г. *Яковлева* о случайной раскопкѣ кургана у с. Скотоватого, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., при которой были найдены каменныя плиты изъ краснаго песчанника, костяки, головой къ востоку, глиняная посуда различной формы и величины; 2) докладъ Яковлева о случайныхъ археологическихъ находкахъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Докладчикъ обращаетъ вниманіе на весьма печальное явленіе—огибель массы кургановъ и всего, что въ нихъ заключается, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, благодаря невниманію гг. инженеровъ, завѣдующихъ работами: „Инженеры, дѣлая изысканія новостроющей линіи, говоритъ г. Яковлевъ, измѣряютъ каждую пядь мѣстности, по кототорой пройдетъ дорога; они видятъ сотни разъ тѣ курганы, которые потомъ можно будетъ срѣзать и уничтожить, и имъ прежде всего слѣдовало бы исполнять тѣ правила, которыя они же вписываютъ въ контракты подрядчикамъ и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность; почему бы имъ не взять на себя труда по раскопкѣ встрѣтившихся кургановъ, могилъ и проч. и этимъ предупредить расхищеніе и уничтоженіе археологическихъ богатствъ данной мѣстности? За послѣдніе годы на югѣ Россіи проведена масса желѣзныхъ дорогъ, а много-ли предметовъ, найденныхъ при этомъ, попало въ руки археолога и сдѣлалось достояніемъ науки?"

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* прочелъ сообщеніе учителя купянскаго духовнаго училища г. Попова о древностяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ г. Купянска и пожертвованныхъ имъ музею древностей харьковскаго университета.

Заслушаны предложенія П. В. Иванова: 1) объ извлеченіи изъ „Межевыхъ журналовъ" генеральнаго межеванія Харьков-

ской губ. матеріаловъ по ея исторіи и географіи; 2) объ извлеченіи того-же рода матеріала изъ „Дозорныхъ книгъ"; 3) объ описаніи шляховъ Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго въ ихъ настоящемъ состояніи; 4) объ устройствѣ предварительной выставки по иконографіи.

А. Я. Ефименко сообщила о находкахъ различныхъ предметовъ древности въ Донецкомъ городищѣ.

По обсужденіи докладовъ и предложеній, рѣшено: докладъ г. Яковлева представить на заключеніе археологическаго съѣзда, г. Шаровкина—просить о высылкѣ его предметовъ для выставки; И. В. Попова просить о высылкѣ его рукописей; представить докладъ о „межевыхъ журналахъ", на изданіе же матеріала изъ оныхъ необходимо изысканіе средствъ; для описанія шляховъ—просить московскій предварительный комитетъ назначить особую экскурсію; рѣшено также произвести предварительное обслѣдованіе Донецкаго городища.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сдѣлавшимъ сообщенія, равно пожертвовавшимъ или представившимъ для выставки предметы древности. Въ члены комитета избранъ Б. С. Познанскій.

Е. Р.

деревомъ и въ немъ деревяна голдарея, бумажними шпалерами выбита. При дворѣ хата-мазка, въ коей живетъ дворникъ, винокурня нововистроена. плетеная, колодязь рубленый".

Дворъ Захара Р—ча устроенъ былъ въ другомъ концѣ Галицы, и образовалъ тамъ „слободку Горбанювку"; здѣсь былъ „будинокъ нововыстроенный о 9-ти покояхъ, свѣтлиця съ комнатою, напротивъ—другая хата, подъ кровлею соломяною... При томъ дворѣ—дворъ гуменній, ровомъ окопанный; въ ономъ клуня на 4-хъ сохахъ, при клунѣ хата рубленая, въ ней живетъ подсусѣдковъ два... Лѣсъ болшій, зовемій Лютовка, въ ономъ дерево на будовлю и на разное строеніе годное; другой лѣсъ тамъ же, на о—вѣ рѣчки Галицы, съ разнимъ родючимъ деревомъ... Неподаль двора, послѣ роздѣлки, вновь вистроено подсусѣдческихъ хатъ 14; мелница на рѣчки, поузъ *городище* текущей, другая—въ с. Галицѣ; поблизу оной мелницѣ вѣтрянихъ млиновъ два; за дворомъ—вновь вистроенный броваръ новой".

С. Петровка, Галка, поселена не позже пол. XVII в.; при разореніи Галицы она уцѣлѣла; при отдачѣ Раковичу, П—ка называлась селомъ, а Галица—слободою, какъ показывали мѣстные старожилы въ пол. XVIII в. Объ отдачѣ П—ки Раковичамъ см. Галицу. **Кр. А.** 53 д. **В.** ? **В.** 84 д. Пс. 14 д. **Г.** 32 д. 40 х. **Д.** 76 д. 131 х. 8 бд. х. (влад. Евдокіи Стаховичъ). **Кз. В.** нѣтъ. **Г.** 7 д. 9 х. Пс. 6 бд. х. **Д.** 5 д. 5 х.

С. Сальное поселено „на удольи чистой ровной степи", сказано въ описаніи Пащенка, но тутъ же, въ старину, значилось и уроч. *Дуброва Салная*, отмѣченное въ актѣ 1666 г. [1]). Въ ревизск. книгахъ за 1731 и 1740 гг. показаны двѣ слободки: одна, **Старосалная**, а другая **Новосалная**. Обѣ они поселены Павломъ Раковичемъ, по впослѣдствіи одна изъ нихъ перемѣнила свое названіе, и въ описаніи Пащенка описано только одно *село Салное*, вѣроятно то, которое въ 1740 г. значилось слоб. Старосалною. Слоб. Новосалная едвали не была переименована въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча.

---

[1]) Обозр. Румянц. Описи, 187.

Въ слоб. Старосалной въ 1731 г. было—31 д., а въ 1740 г.—21 д. 25 х. При раздѣлѣ сыновей Андрея Р—ча, с. Сальное досталось Павлу, который тутъ и жилъ. Дворъ его въ 1767 г. описанъ такъ: „Въ немъ строеніе—свѣтлиця съ комнатою и грубою зеленою; напротивъ пекарня рубленая, при ней сбоку коморка рубленая; другая свѣтлица съ комнатою, въ оной печь зеленая; потолоковъ [1]) два: одинъ, подшалеваній панелями и канизами (карнизами?) подтягненій, другій—обыкновенній, двери снѣсарской (столярной) работы; комната одна шпалерами бумажными выбита. При дверахъ замки, въ двохъ мѣдніе жолтіе, а въ третьихъ—желѣзной, тульскіе; полы въ обоихъ комнатахъ деревяніе; въ сѣняхъ кладовая, двѣ окошка зъ гратами (решетками) желѣзными... Людскихъ хатъ двѣ: одна—рубленая, другая—мазка; баня рубленая; стадня, воромъ окиданная; садъ разного родючего дерева; въ саду—пасѣка; гребля и мелница, новоустроенніе, ставъ рыболовній болшой". Кр. 1753 г.—14 д. 14 х. 52 бд. х. 1780 г.—78 д. 101 х. 21 бд. х.

Д Степановка „поселеніе имѣетъ на чистой удолистой степи" (Пащенко), въ полуверстѣ отъ с. Ровчака. Выше приведена догадка, что это поселеніе первоначально называлось *слоб. Новосалною*, переименованною потомъ въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча. При раздѣлѣ сыновей послѣдняго, Ст—ка досталась Ивану, отъ котораго перешла къ дочери его Марьѣ, б. замужемъ за майоромъ Бринкеномъ. Кр. 1753 г.—16 бд. х. 1780 г.—21 д. 22 х. 7 бд. х.

Д. Татаровка поселена Андреемъ Р—чемъ, и затѣмъ досталась внуку его Федору Степановичу Р—чу. Кр 1753 г.—21 д. 21 х. 71 бд. х. 1780 г.—39 д. 57 х. 10 бд. х.

Д. Шнаковка поселена зятемъ Павла Р—ча, Ив. Ив. Шнакомъ, который завѣдывалъ сосѣднимъ владѣніемъ Вейзбаха. Шнакъ потомства, повидимому, не оставилъ и Шнаковка перешла къ брату его жены Андрею Р—чу, а отъ послѣдняго до-

---

[1]) Повидимому, идетъ рѣчь о потолкахъ, изъ которыхъ одинъ былъ какой то особенный, какъ будто бы рѣзной...

сталась сыну его Ивану, а затѣмъ перешла къ зятьямъ его—Бринкену (см. Степановку) и об. провіантмейстеру Кобеляцкому, женатому на Варварѣ Р—чъ. Кр. 1753 г.—3 д. 3 х. 17 бд. х. 1780 г.—29 бд. х.

С. **Кривеньки (Вейзбаховка)** поселены на Галицкихъ земляхъ, „на степномъ мѣстѣ, при озерѣ безъ названія". Въ 1727 г. извѣстный генералъ гр. Вейзбахъ купилъ у Галицкаго казака Тимофея Кривенка участокъ земли, около озера Мокреца, за 32 коп., и основалъ тутъ хуторъ. Къ этому хутору Вейзбахъ присоединилъ, въ 1734 г., другой участокъ, вымѣненный у Павла Раковича за два „дворища" въ с. Галицѣ, купленные у того же Кривенка. Такимъ образомъ возникъ хуторъ, названный **Кривеньками**. По смерти бездѣтнаго Вейзбаха, имѣнія его перешли къ женѣ, которая умирая въ 1736 г., Кривеньки завѣщала майору Измайловскаго полка Осипу Гампфу. Послѣдній продолжалъ скупку сосѣднихъ съ Кривеньками земель—у казаковъ сосѣднихъ селъ: Галицы, Мал. Дѣвицы и Толкачовки, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ садить въ Кривенькахъ слободу. Къ 1750 г. населеніе послѣдней настолько увеличились, что слобожане стали просить Гампфа о построеніи церкви. Устройство церкви должно было привлечь въ Кривеньки еще бо̀льшее населеніе, и одинъ изъ сыновей Гампфа—Иванъ обратился къ Кіевскому митрополиту съ просьбою о разрѣшеніи построить церковь, при чемъ далъ (въ 1750 г.) слѣд. обязательство, которое должно было обезпечить существованіе церкви: „Вѣдомо творю, что когда по желанію родителя моего, въ футорѣ его Кривенковомъ, а по общему того жъ футора обывателей прошенію, начнется строитись коштомъ его, родителя моего, церковь древляная, во имя свят. Христова Николая, и до совершенного окончанія прійдетъ, то ко всегдашнему въ ней священнослуженію потребная, яко то: свѣчи, ладанъ, просфоры—получатиметъ оная церковь отъ дому родителя и отъ доброхотныхъ прихожанъ; такожъ и кругъ книгъ церковныхъ, сосуды церковніе, священнослужительскія и олтарныя одѣянія, иконостасъ, колоколня и колоколы, имѣютъ быть за собственный коштъ его жъ, родителя моего, споряжены. А кто къ оной церкви за парохі-

алного священника будетъ опредѣленъ, то за трудъ служенія его будетъ давано отъ прихожанъ, такъ какъ ихъ подписка явствуетъ, и отъ дому родителя моего, теперь и в предьтекущіе времена, все тое, какъ церкви Божьей потребное, такъ священнику, яко и причетникамъ церковнымъ даватимется всенепремѣнно. Годового жалованья повсягодно: священнику—денежнаго, 10 рубл., а хлѣбного: ржи 2 четверти, ячменю—четверть, проса—полчетверти, гречки—полчетверти, гороху—четверикъ, и какъ пахатной земли, такъ и сѣнокосу, сколко ему потреба будетъ, столко отводитимется зъ дому нашего, и домъ жилой устроенъ будетъ; дячку, денежного—4 рубля, пономарю—денежного, 3 рубля и поля пахатного, буде пожелаютъ, отведется имъ на ихъ потребу, для приробленя хлѣба; а отъ прихожанъ дячку и пономарю будутъ даваніе прежніе датки. Для жилля же имъ будутъ устроени избы..." По смерти Осипа Гампфа, въ 1760 г., сыновья его, подпоруч. Густавъ и капит. Иванъ, подѣлились полученными отъ Вейзбаха имѣніями, при чемъ Кривеньки достались Ивану Гампфу, а по смерти его, этимъ селомъ въ 1768 г. владѣла вдова его Анна съ дочерью Марьей [1]). Въ 1783 г. Кривеньки принадлежали женѣ бригадира Ланге, вѣроятно женившагося на Марьѣ Гампфъ. Отъ Ланге Кр—ки перешли къ Корбе. **Кр. Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 53 д. 82 х. 84 бд. х. **Кз.** нѣтъ.

С. Заудайка, лѣв. бер. Удая, противъ Монастырища,—представляетъ собою выселокъ послѣдняго, разбросанный и теперь еще по лѣсамъ, которыми покрыты здѣсь берега Удая. По описи 1740 г., здѣсь показано: „посполит. обывателей двор. 4, козач. и ихъ подсосѣдк. и владѣльцами скупленныхъ двор. 26". „Свободные посполитскіе дворы" и „угодія" с. З—ки были отданы во владѣніе, вмѣстѣ въ Монастырищескими, въ 1763 г., б. тов. Максиму Саханскому (с. 202). „Ордеръ" гетмана объ отдачѣ Саханскому М—ихъ и З—ихъ крестьянъ и „угодій", для исполненія, былъ порученъ в. тов. Вас. Михайловскому, но послѣдній донесъ, что гетманскаго „ордера" исполнить онъ не можетъ, такъ какъ ни въ М—щѣ, ни въ З—кѣ никакихъ „свободныхъ

[1]) Изъ Румянц. Описи.

посполитскихъ дворовъ"—не оказалось, а не оказалось ихъ потому, что всѣ они уже раньше были „скуплены" Романовичами. [1]) Несомнѣнно, что объ этомъ обстоятельствѣ не могъ не знать самъ Соханскій, конечно предварительно уже забравшій всѣ нужныя справки о томъ, на что̀ получалъ универсалъ; но тѣмъ не менѣе универсалъ на З—скихъ крестьянъ былъ выпрошенъ и „ордеръ" объ исполненіи его былъ данъ, при чемъ С—ій, слѣдовательно, разсчитывалъ, что скупленные Романовичами дворы онъ отберетъ въ силу незаконности этой скупли. Но какъ видно надежда на на податливость Р—чей не оправдалась, и Михайловскій донесъ въ генер. к—рію, что въ З—кѣ никакихъ посполитскихъ дворовъ не оказалось. Генер. к—ріей тогда заправлялъ только что поставленный вмѣсто Безбородка—генер. писарь Туманскій, который, будучи хорошимъ знатокомъ общественнаго быта гетманщины, [2]) нашелъ возможнымъ предоставить Михайловскому особыя права для исполненія прежде даннаго „ордера", вслѣдствіе чего гетманомъ былъ подписанъ слѣд. любопытный универсалъ.

„На посланній отъ насъ къ вамъ (в. т. В. Михайловскому) ордеръ объ отдачѣ наданныхъ б. тов. Соханскому въ м. Монастырищахъ и с. Заудайки свободныхъ посполитскихъ дворовъ и угодій, присланнымъ къ намъ, сего ноября 23 д., доношеніемъ представляете, что изъ сотенной Монастириской к—ріи вѣрной выписки изъ ревизіи 745 г., по которой грузинамъ тамо отдача была, не дано; а о похатнихъ и сѣнокоснихъ земляхъ обявленно, яко інніе землѣ во владеніи церковномъ, інніе на сотенную к—рію якобы пренадлежатъ, степъ же обявленъ козачьимъ. Почему опредѣленній отъ полк. Прилуцк. к—ріи къ сей же отдачи значк. товарищъ (?), обявля, что отъ насъ повелѣнія нѣтъ слѣдовать (т. е. производить слѣдствіе) о завладѣнныхъ грунтахъ, въ далшую отдачу не вступилъ і отъехалъ

---

[1]) По вѣдом. 1753 г., въ Монастырищѣ свободн. посполитыхъ была только одна бездворн. хата, а въ Заудакѣ—3 дв. и 1 бдв. х.

[2]) Относительно публичной его дѣятельности см. эпизодъ съ Клищинцами, описанный въ Чтен. въ Общ. Нестора-Лѣтоп., XI, 161 и слѣд.

о чемъ и ви къ нашей резолюціи представили. А отъ б. тов. Соханскаго, особливимъ доношеніемъ, представленно, что при оной отдачи *многіе недопущенія отъ сотника* (*Петра*) *и в. тов.* (*Федора*) *Романовичевъ происходятъ. Судія же абшит—ный Романовичъ* (*Иванъ*) *особо прислалъ къ намъ доношеніе, прося чтобъ купленніе имъ въ ономъ мѣстечку и селѣ Заудайки грунта оставлены были за нимъ безъ отдачи Соханскому.* Да особливо сотенная Монастириская старшина и козаки Монастирискіе и Заудайскіе прислали къ намъ доношеніе, обявляя, что ви требуете извѣстія и о козачихъ земляхъ, а при м. М—щѣ изъстари имѣется степъ, которимъ они по роздѣлу между собою владѣютъ, и просили къ вамъ предложенія о неотдачѣ Соханскому ихъ козачихъ земель. И мы приказываемъ вамъ... въ м. М—щѣ и с. З—ки, наданное отъ насъ б. тов. Соханскому унѣверсаломъ, *все отдать безъ упущенія.* А сверхъ того, *кто въ ономъ м. М—щѣ и З—ки, изъ свободныхъ дворовъ, грунтовъ и угодій, послѣ состоявшагося запретителнаго указу въ 742 г., искупилъ либо неналежно завладѣлъ, тое по вѣрному слѣдствію отобрать.* И сколко изъ за кого, какихъ дворовъ, грунтовъ и проч. угодій *отобрано будетъ*, прислать къ намъ именную вѣдомость *къ разсмотрѣнію и опредѣленію.* Да и о тѣхъ грунтахъ, которіе показаны церковными либо на сотенную к—рію надлежащими, изслѣдовать же; буди на то никакихъ правилнихъ крѣпостей и документовъ нѣтъ, а оніе должни бить свободніе, объ ономъ изслѣдовать же коликимъ числомъ того степу козаки владѣютъ обще, а коликое число кѣмъ завладѣно. А что явится изъ того неналежно кѣмъ завладѣнное, *все отобрать и описавъ именно коликое число пахатного поля и сѣнокоснихъ поль и степу—отобранно будетъ, репортовать же къ намъ для имѣючого быть о томъ крайнего опредѣленія*“... [1]) Такимъ образомъ, въ силу этого универсала, незначительный Глуховской чиновникъ (в. тов. Михайловскій) получалъ право произвести слѣдствіе—сколько мѣстными сотниками „скуплено“ за 20 л. (1742—63) земли, отобрать

[1]) Универсалъ подписанъ Разумовскимъ 2 дек. 1763 г. Подлинникъ въ нашей б—кѣ.

у скупщиковъ все то, что ими „скуплено неналежно“ (*незаконно*) и затѣмъ о результатѣ своихъ дѣйствій—донести въ Глуховъ „для крайняго опредѣленія“. Несомнѣнно, что всѣми дѣйствіями Михайловскаго руководилъ самъ Соханскій, потому что универсалъ былъ написанъ точно подъ его диктовку... Романовичи должны были уступить, но не во многомъ: значительная часть „скупли“ осталась за ними, какъ въ М—щѣ (с. 205), такъ еще болѣе въ Заудайкѣ, въ которой Соханскій успѣлъ отбить отъ Романовичей только 4 дв. съ 5-ю хат., причемъ у трехъ братьевъ Романовичей (Петра, Федора и Степана Ивановичей) осталось „скупли“—17 дв. съ 19-ю хат. [1]) **Кр. А.** 19. д. **В.** 10 д. **В.** 38. д. **Пс.** 15 д. **Г.** 5. д. 5 х. **Д.** 25 д. 32 х. **Пс.** 6 д. 7 х. **Кз. В.** 31 д. **Г.** 27 д. 33 х. **Пс.** 13 бд. х. **Д.** 22. д. 52 х.

С. Андреевка, „ставокъ Лыска“, образовалась, можетъ быть, изъ Бакаевскаго выселка, [2]) разселившагося среди лѣсовъ, какъ и Заудайка. По описи 1740 г. здѣсь: „поспол. обыват. дворъ еденъ, а козачьихъ и ихъ подсосѣдк. и владѣльцами скупленыхъ двор. 15“. Скупля была произведена преимущественно Романовичами. **Кр. А.** 7 д. **В.** *нѣтъ*, **В.** 11 д. **Г.** 2 д. 2 х. **Д.** 1 д. 4 х. („коронныхъ“) и 8 д. 9 х. „владѣльческихъ“ **Кз. В.** 40 д. **Г.** 8 д. 8 х. **Пс.** 5 бд. х. **О.** 15 д. 31 х.

С. Хаенки, Иченка, по свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, въ XVII в. принадлежали къ ратушнымъ селамъ, затѣмъ отданы Мазепою Дм. Горленку, а вѣрнѣе—самимъ имъ захвачены. Послѣ измѣны Мазепы, Х., по универсалу 1710 г., отданы Скоропадскимъ Андрею Горленку (с. 23), у наслѣдниковъ котораго и остались. **Кр. П.** 7 д. **А.** 34 д. **В.** 16 д. **В.** 15 д. **Г.** 5 д. 5 х. **Д.** 26 д. 35 х. (полковника Горленка). **Пс.** 3 х. **Кз. В.** 13 д. **Г.** 13 д. 14 х. **Пс.** 5 д. 5 х. **Д.** 24 д. 32 х.

Д. Вороновка, Иченка, въ XVII в. принадлежала къ ратушнымъ селамъ; Скоропадскимъ отдана охочекомонному полковнику Федяю, а потомъ, въ 1717 г., Михайлу Ягельницкому, въ то время Журавскому сотнику, отъ котораго затѣмъ перешла

---

[1]) Такъ значится въ описаніи Іащенка.

[2]) С. Бакаевка находится на противоположномъ берегу Удая.

къ сыну его Ивану, который, въ чинѣ бунч. тов., владѣлъ В—кою въ 1779 г. **Кр. А.** 28 д. **В.** 10 д. **В.** 17 д. **Г.** 12 д. 12 х. **Д.** 11 д. 15 х. („разныхъ владѣній“) **Кз. В.** 3 д. **Г.** 2 д. 2 х. **Пс.** 4 бд. х. **Д.** 5 д. 8 х.

Д. Грабовъ, Иченка, по вѣд. 1718 г. означено такъ: „селце Грабовъ на купленномъ“, съ 8-ю дворами посполитыхъ. По ревизіи 1728 г.—подсосѣдковъ 12 х., Андрея Горленка, Павла Карася и „попадѣ Суханской“. По ревиз. 1731 г. тѣ же подсосѣдки показаны въ количествѣ 10 х., изъ нихъ 4—„попа Петра Суханского“ и 6—значкового“ Павла Карася, причемъ добавлено, что подсосѣдки „на куплениxъ ихъ земляхъ поселены“. Наконецъ, по ревиз. 1740 г. Грабовскіе подсосѣдки (9 х.) показаны въ перечнѣ козаковъ, причемъ 6 х. принадлежали Соханскимъ. Тѣ же подсосѣдки значатся и по вѣд. 1780, въ количествѣ 15 д. 34 х. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Грабовъ былъ поселенъ не раньше нач. XVIII в., нѣсколькими сосѣдними владѣльцами.

Иченская сотня занимала мѣстность, ограниченную съ сѣвера—верховьями Удая, а съ юга—верховьями рѣчекъ Нежеревой и Смоши, при чемъ тутъ же находились незначительные притоки этихъ рѣкъ: Иченка, Гужовка, Ржавецъ и др. Мѣстность имѣла характеръ полулѣсной, съ сѣрой и песчанной землей, кромѣ Парафіевскихъ земель, представлявшихъ почти сплошную черноземную степь.

Иченскіе сотники. Семенъ Герасимовъ, 1653. Иванъ Вовченко, 1672. Иванъ Стороженко, 1687. Александра, 1691. [1]) **Андрей Ивановичъ Стороженко, 1703—715. Григорій Андреевичъ Стороженко, 1715—737. Андрей Григорьевичъ Стороженко, 1741—752. Иванъ Новицкій, 1753—767. Иванъ Романовичъ, 1772—778. Петръ Романовичъ, 1780.**

Изъ настоящаго списка сотниковъ видно, что почти полвѣка этою сотнею заправляли Стороженки, документальнымъ ро-

---

[1]) «Передъ нами урядомъ мѣскимъ Іванскимъ, войтомъ Стефаномъ Погребнимъ а бурмистрами Грицкомъ Семенченкомъ, Фескомъ Бѣлоцерковцемъ, *сотникомъ Александрою*, атаманомъ Лескомъ Дейнекою, ставши очевисте» ... (Изъ *рукописн. купчей, 1691 г., 5 мая*).

доначальникомъ которыхъ былъ Прилуцкій полковникъ Иванъ С—ко (с. 17). Сынъ его Андрей, получившій сотничій урядъ еще при Дм. Горленкѣ, пережилъ на этомъ урядѣ трагическій 1708 г., и уже въ февр. слѣд. года получилъ отъ новаго гетмана и другое с. Томашовку, а передъ смертью, въ 1715 г., село—Ступаковку[1]) По смерти Андрея С., Иченскимъ сотникомъ сталъ сынъ его Григорій. Это былъ человѣкъ настолько замѣтный и образованный, что при выборѣ новой генер. старшины, послѣ поставленія Апостола гетманомъ, Григорій С. былъ назначенъ кандидатомъ въ генер. бунчучнаго и, кромѣ того, былъ посланъ, въ числѣ четырехъ, „ко двору монаршему съ тѣмъ, что избранъ гетманъ". Въ генер. старшину С. однакожъ не попалъ, такъ какъ ген. бунчучнымъ утвержденъ былъ другой; за то онъ былъ опредѣленъ въ 1734 г. въ число членовъ коммиссіи „для перевода и свода правныхъ книгъ".[2]) Женатъ Григорій С. былъ на дочери Черниг. полк. судьи Василія Томары, Ульянѣ, а послѣ ея смерти, на вдовѣ Якима Кулябки, Евдокіи Андреевнѣ Лизогубъ, которой доставалась четвертая часть отцовскихъ богатствъ.[3]) Въ 1737 г. Григорій С. почему то былъ уволенъ отъ сотничества, съ чиномъ бунч. товарища.[4]) Изъ сыновей Григорія, отъ 1-й ж., извѣстны три: Андрей, унаслѣдовавшій отцовскій урядъ, Степанъ и Петръ. Въ 1756 г. они дѣлились отцовскимъ наслѣдствомъ, при чемъ, судя по части, доставшейся младшему,[5]) видно, что

---

[1]) Время «надачи» Томашовки указано въ имѣющ. у насъ рукописи—*Списокъ универсаловъ, выданныхъ на маетности* въ к. XVII и нач. XVIII в., а относительно Ступаковки—1715-й годъ указанъ въ ревизск. книгѣ 1740 г. Ср. Кіевск. Стар. 1884 г., февр., 209.

[2]) Зап. Марк., I, 246, 247, 304, 343.

[3]) О перв. женѣ см. Кіевск. Стар. 1885 г., май, 18, а о второй—Дневн. Ханенка, 227, 237, 238.

[4]) К. Старина. 1884 г., февр., 213. Портретъ Григорія С—ка изданъ при Кіевск. Стар. 1890 г.

[5]) Доставшаяся Петру С. часть заключала въ себѣ: «Сотнѣ Ичанской хуторъ *Василювщина*, въ коемъ дворъ панской, имѣющій такожъ довольное хоромное и проч. строенія, при томъ подданніе и мелницъ двѣ съ винокурнимъ заводомъ.—Сотнѣ Иваницкой дер. *Ступоковка*, со всѣми подданными, сотнѣ Ичанской дер. *Лучковка*, со

наслѣдство было богатое.—Подѣлившись съ братьями отцовскимъ наслѣдствомъ, Петръ въ февралѣ 1748 г. женился на дочери Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, которая принесла ему кромѣ 700 р. деньгами, еще очень богатое приданое въ движимости. Но въ октябрѣ того же 1748 г. Петръ умеръ, при чемъ желая обезпечить молодую вдову, завѣщалъ ей въ „вѣчное владѣніе" все свое движимое имѣніе. [1]) Это завѣщаніе однакожъ не помѣшало старшимъ братьямъ захватить значительную часть движимости, находившейся въ усадьбѣ умершаго въ х. Василювщинѣ. При этомъ особенно обижалъ молодую вдову Степанъ С., „приключая ругательства и употребляя такихъ словъ: мы де едни Стороженки шляхта и за мною жена—зъ дому гетманского имѣется..." [2]) Жалуясь на насилія братьевъ мужа, вдова представила въ генер. к—рію списки своего приданаго и завѣщанной мужемъ движимости, указывающіе на богатство домашней обстановки тогдашней, даже средней, козацкой старшины. [3]) Споръ вдовы Петра

всѣми подданными, дворцемъ, мелницею и половиною лѣсами, полемъ и сѣнокосами всѣми.—Подъ сел. Обѣчевомъ хуторъ.—Въ м—ку Монастырищахъ, на подваркахъ, хуторъ.—Подъ с. Обѣчевомъ, на р. Удаи, половина млиновъ прозиваемихъ Роповъ„,—Х. Василювщина находился въ 2-хъ верст. отъ Ични.

[1]) Вотъ начало этого любопытнаго по мотивамъ завѣщанія. «1748 году, сентября 30 д. Я нижеподписавшійся, чрезъ сей мой доброволній записъ.... чиню извѣстіе, что оставшомусь по умершому отцу моему сотнику Ичанскому Григорію Стороженку наслѣдственное мое движимое имѣніе, яко то: сребро, посуду всю, лошадѣ, такожъ рогатой и нерогатой скотъ, винокурніе казани и протчое все движимое, которое, по умертвіи отца и по роздѣлки зъ братами моими, мнѣ досталось и собственно въ моей власти состоитъ, такожъ и мною нажитое—женѣ моей Меланіи Павловнѣ дочери Минѣцковнѣ, за честное ея въ супружествѣ полученное мною дѣвство, за добродѣтелное и любезное въ житіи моемъ съ нею обхожденіе и, при случаи тяжкой моей болѣзни, за все прилежное мене смотрѣніе и за протчіе добродѣтелніе ея подъятіе труда, дарую и во вѣчное владѣніе уступаю...»

[2]) Объ этомъ Степанѣ Стороженкѣ и его отношеніяхъ къ своей бабкѣ, по матери, см. Кіевск. Стар. 1885 г., май, 19.

[3]) Списокъ приданаго напечатанъ въ апр. кн. Кіевск. Стар. за 1901 г.

С. съ деверями кончился нескоро, хотя Глуховскія власти, повидимому, во многомъ защитили обиженную. Обстоятельства, при которыхъ Андрей С. пересталъ быть Иченскимъ сотникомъ, намъ неизвѣстны. Онъ оставилъ двухъ сыновей Григорія и Александра, которые оба еще были малы, чтобы замѣстить отца. [1]) Преемникомъ Андрея С. былъ Иванъ Новицкій, вѣроятно, внукъ охочекомъ. полковника Ильи Новицкаго. Новицкій пробылъ на сотничествѣ 14 лѣтъ, и въ 1767 г. самъ отказался отъ этого уряда, можетъ быть, желая посадить на свое мѣсто сына.—Памятникомъ своего сотничества Н—кій оставилъ х. *Жадьковку*, которую онъ

---

[1]) Прилагаемъ здѣсь краткій родословникъ Стороженковъ, наглядно указывающій ихъ общественное положеніе.

		№ отца.
1.	*Иванъ Стороженко*, сотникъ Иченскій, 1687, полковн. Прилуцкій, 1688—692 ж. *Марья*.	
2.	*Андрей*, сотникъ Иченскій, 1703+715. . . . . Ж. *Матрона Гнилозубъ*.	1
3.	*Григорій*, сотн. Иванцкій, 1716.	1
4.	*Григорій*, сотн. Иченскій, 1715—737 . . . . . Ж. 1, *Ульяна Васильевна Томара*, 2, *Евдокія Андреевна Лизогубъ*, вдова *Якима Кулябки*.	2
5.	*Иванъ*, сотн. Иванцкій+1726. (См. Зап. Марк., I, 157).	2
6.	*Степанъ*, сотн. Яблуновскій, 1738—742 . . . . . Ж. *Марфа Андреевна Горленко*.	4
7.	*Андрей*, сотн. Иченскій, 1741—752. . . . . Ж. *Настасья Ивановна Романовичъ*.	4
8.	*Петръ*, в. тов. +1748. . . . . Ж. *Меланія Павловна Миницкая*, 2-й м. *отст. ес. Григоровичъ*.	4
9.	*Данило*, р. 1741 г., отъ 2-й ж., бунч. тов. Жилъ въ сл. Лисогорѣ. . . . . Ж. *Катерина Федоровна Лысенко*.	4
10.	*Михаилъ*, р. 1741, майоръ 1772. . . . . Ж. *Дочь ген. бунч. Николая Ханенка*.	6
11.	*Григорій*, р. 1745, сотн. Иванцкій, 1770—780. . . *Катерина Николаевна Бороздна*.	7
12.	*Александръ*, войск. тов. 1765. . . . . Ж. *Фекла Ивановна Себастіановичъ*; ея втор. м. кн. *Владиміръ Орбеліани*.	7

(Ср. Кіевск. Стар. 1884 г., февр., 220—221.

поселилъ въ это время. Добровольный уходъ Н—аго съ уряда виденъ изъ того, что послѣ его отставки, временное завѣдываніе сотнею поручено было изъ Глухова—его сыну. Этотъ же сынъ явился и главнымъ кандидатомъ для замѣщенія отца. Но явился и другой—въ лицѣ Григорія Стороженка, сына б. сотника Андрея. Каждый изъ кандидатовъ привлекъ на свою сторону по группѣ выборщиковъ и оба были этими группами выбраны; оба же они и пожаловались въ Глуховъ—на неправильность выбора противника. Стороженко писалъ: „сотника Новицкаго сынъ Иванъ Новицкій, еще ни въ коемъ званіи не состоящій, только означенною сотнею временно управлять опредѣленный, да атаманъ Иванъ Романовичъ и асаулъ Иванъ Булига—избирали сотника непорядочно, ибо онъ, Новицкого сынъ, съ сотенными старшинами согласясь, сами себе, именно: Новицкого, Романовича да писара Носка—кандидатами поставили, и весма малое число козаковъ съ селъ сотнѣ Ичанской собравши, велѣли на составленномъ выборѣ подписатись почти усилно: яко жъ, когда которой атаманъ, съ козаками своими—повелѣннимъ числомъ, для означенного выбору явился, то другихъ ожидать имъ присутствующими не велѣно, но подписавъ, ихъ (козаковъ) заразъ отпущали; и такъ всѣхъ порознь переписали, не давъ имъ времени для общаго совѣту и согласія. А хочай, изъ того собранного числа козаковъ оспориванно, что не по приличію означенныхъ лицъ въ кандидаты поставлено, и на мене нижайшого былъ при томъ—о удостоеніи на сотничой чинъ—голосъ, однакъ все тое присудствующими приглашенно (замолчано) ихъ проэктами и разными обманами, якожъ онъ, Н—кій, козакамъ, отъ коихъ обо мнѣ голосъ былъ, и сіе самъ выговаривалъ, что будто я въ сотничой чинъ не желаю, и въ томъ, яко бы ему, Н—му, далъ подписку..... Мене же нижайшого сотнѣ Ичанской козаки, согласно и безъ всякаго ихъ отъ мене принужденія, въ сотничой чинъ выбрали и какой въ томъ выборъ мнѣ дали, оной представляю...“ При этомъ Стороженко приложилъ какъ „выборъ“, подписанный козаками, такъ и особое отъ послѣднихъ въ Глуховъ „доношеніе“, въ которомъ, его сторонники указываютъ на неправильность выборовъ Н—каго почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ писалъ и самъ С—ко. При этомъ сторонники С—ка приводятъ рядъ обидъ, причиненныхъ имъ

прежнимъ сотникомъ Новицкимъ, и добавляютъ, что они боятся такихъ же обидъ и отъ его сына, а между тѣмъ „за бывшого прежде онаго Новицкаго—умершаго сотника Андрея Стороженка, такожъ и прежде оного Андрея еще предковъ Стѳроженковыхъ, сотниками Ичанскими бывшихъ, имъ никакихъ обидъ въ управленіи сотнею не происходило...“ [1])

Новицкій, съ своей стороны, обвинялъ С—ка тоже въ „злоумышленіяхъ“: „по полученіи указа о выборѣ на мѣсто отца моего—двухъ или трехъ кандидатовъ, какъ въ сотенномъ Ичен-скомъ правленіи куренные атаманы съ козаками, такъ и въ полковой Прилуцкой к—ріи, полковіе старшины съ сотниками, бывъ въ собраніи, доброволно и безъ всякаго пристрастія избрали на сотничество Иченское, въ кандидаты, меня и сот. Ич—ихъ—атамана Ив. Романовича и писара Фед. Носкова, въ чемъ и надлежащіе по указному наставленію, выборы подписавъ, при доношеніи въ Малор. коллегію отправлены.—А между тѣмъ в. тов. Григорій Андреевъ сынъ С—ко, не будучи поставленъ въ кандидаты, но легко и злоумышленно въ обиду мою, пришедъ

---

[1]) Жалуясь на обиды сотника Новицкаго, сторонники С—ка указываютъ большею частью на даровыя сотнику работы, полевыя и домашнія. Напр., козакъ с. Парафіевки Ковбасенко—«въ сотника Новицкого, чрезъ полторы недѣли, оралъ; въ хуторѣ его, Н., 3 дни въ дворѣ свинѣ напоевалъ. Онъ же К. посланъ былъ въ Елисаветъ зъ харчевимъ запасомъ, волами парою и возомъ, а обратно оттоль ему сотнику въ Ичень, на своемъ возѣ и волами своими, привезлъ возъ соли безъ заплаты.» —«Козакъ того же села Омелченко въ сотника Н. работалъ чрезъ 2 недѣлѣ, въ винокурнѣ, а чрезъ 2 недѣлѣ—крупи ему далъ зъ другимъ козакомъ; онъ же, О—ко, на сотничихъ возахъ, къ подрядомъ овсомъ, въ Елисаветъ, ѣздилъ и тамо промедлѣлъ чрезъ 6 недѣль, безъ заплаты. Въ отамана Романовича, онъ, О—ко, чрезъ двѣ недѣлѣ скотъ пасъ.» Несомнѣнно, что жалобщики говорили правду, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, умалчивали, что за эти сотнику ихъ работы, они были тѣмъ же сотникомъ увольняемы отъ походовъ и другихъ «общенародныхъ повинностей.»—Такъ велось въ гетманщинѣ... Судя по приведеннымъ фактамъ, Новицкій во всякомъ случаѣ не былъ тяжелымъ правителемъ.

въ сотенное правленіе, домогался поставить его въ кандидаты, и при томъ въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ высокомонаршихъ указовъ зерцало состоитъ, поступалъ крайне горячо, неучтиво и бранно—на меня, на старшинъ и на бывшихъ притомъ козаковъ; тайно сзывалъ до себя атамановъ и козаковъ, споивая ихъ, ласкательствомъ и устрашеніемъ приводилъ, чтобы его поставили въ кандидаты.—Тѣмъ не будучи доволенъ, когда уже надлежащіе выборы на меня и на предписанныхъ старшинъ подписанны, въ полк. Прил. к—рію отправлены и отъ оной же к—ріи полковіе жъ выборы учинены, тогда онъ, С—ко, взявъ съ собою, на особенной возокъ, нѣсколько вѣдеръ горѣлки, ѣздилъ по всей сотнѣ селамъ, упоивая оною, перепрошивая и уговоривая на свою сторону курѣнныхъ атамановъ и козаковъ—на подложно составленномъ имъ нѣякомсь писмѣ въ томъ, что якобы его, С—ка, желаютъ въ сотню Ичанскую сотникомъ—подписатись; на которомъ писмѣ не моглъ онъ, С—ко, на свою сторону прочихъ себѣ козаковъ склонить къ подпису, какъ только Гмиранскихъ и Парафѣевскихъ, да и то не всѣхъ... Сверхъ сего, онъ же, С., далъ разніе обманчивіе подписки, которими онъ себя обовязалъ—облегченіе въ нарядахъ тѣмъ козакамъ дѣлать и тѣхъ никогда не наказывать, которіе бы не преступали усиловаться, чтобъ ему, С., быть сотникомъ.—Когда тотъ же С. усилно старался на меня навесть какое нибудь сомнѣніе, предъ козаками, и уговорить ихъ, чтобъ они меня отреклись и не желали болѣе сотникомъ, то начали козаки между собою поговаривать, что меня нѣсколко опасно избѣрать въ сотники, затѣмъ де, что соглашусь легко *на регулярство* и *ихъ де могу къ тому понудить*;[1]) а понеже етая поговорка произносилась толко между козаками Гмиранскими, которыхъ С—ко напоемъ и ласкателствомъ на свою сторону склонилъ, то со всего видно, что онъ жъ, С., единственно причиною тѣхъ козаковъ возмущенія...

Изъ Глухова получено было распоряженіе—произвести слѣдствіе объ Иченскихъ выборахъ, причемъ открылось, между про-

---

[1]) Вотъ чего боялся народъ и чего боязливо ждалъ отъ Румянцова....

чимъ, что Иваницкій козакъ Давыденко, являвшійся въ Глуховъ съ уполномочіемъ отъ Иченскихъ козаковъ поддержать выборъ С—ка, представлялъ „вѣрющій листъ"—на ходатайство отъ Иченскихъ козаковъ—„подписанный безъ ихъ согласія..." Въ Глуховѣ, повидимому, ни тотъ, ни другой изъ претендентовъ утвержденъ не былъ. Слѣдующимъ, послѣ Ив. Новицкаго, сотникомъ въ Ичнѣ былъ Иванъ Романовичъ, поставленный въ 1771 г. изъ „значк. товарищей", какъ сказано въ вѣдом. полковыхъ чиновниковъ за 1774 г.; слѣд., это не былъ Иченскій сот. атаманъ, поставленный при выборахъ Н—аго „вторымъ кандидатомъ". Преемникомъ Ив. Р—ча былъ братъ его, которымъ и закончилось козачье управленіе въ Ичнѣ.

Села Иченской сотни.

М Ичня, рч. Иченка, въ полов. XVII в. была, повидимому, самымъ населеннымъ пунктомъ въ Прилуцкомъ полку. Хотя по списку Пшездѣцкаго въ Ичнѣ было 1494 домохоз., а въ Варвѣ 2037, но по свѣдѣніямъ 1654 г. (о числѣ приведенныхъ къ присягѣ въ Прилуцкомъ полку) жителей въ Ичнѣ оказывается болѣе, чѣмъ въ другихъ сотенныхъ центрахъ: въ Ичнѣ—1798 „челов." [1]), въ Прилукѣ—1423, въ Срѣбномъ—1228 и въ Варвѣ—983 чел. По „реестрамъ" 1649 г., въ Ичнѣ, какъ и въ Варвѣ было по двѣ сотни. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Ичня тогда была поселеніемъ настолько нестарымъ, что въ „тарифахъ" 1628 г. [2]) она вовсе не означена. Какими причинами былъ обусловленъ такой быстрый ростъ населенія въ Ичнѣ—сказать трудно. Ядромъ послѣдней были, видимо, водяныя мельницы, около которыхъ и возникло поселеніе [3]); въ то же время, это поселеніе очутилось на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ: одной—изъ Кіева въ Роменъ, а другой—съ юга, чрезъ Прилуку, на сѣверъ, къ Стародубу (см. ниже). Такія

---

[1]) Полагаемъ, что и здѣсь обозначены тѣ-же домохозяева («господаря»).

[2]) См. у Яблоновскаго, Zródła Dz., XX, 1, 65.

[3]) По описн. книгамъ 1666 г. въ Ичнѣ показано *девять водяныхъ мельницъ*, всѣ «на рѣкѣ Ичнѣ». Черезъ 114 лѣтъ, ихъ оставалось еще шесть.

мѣстности обыкновенно представляютъ много выгодъ для населенія, которое поэтому и стремится въ нихъ.

При полякахъ, у Ични было одна особенность, которой не видимъ въ другихъ мѣстахъ „Заднѣпрія“: Ичня была центромъ особаго *Иченскаго козачьяго полка*, начальникъ котораго назывался „полковникомъ войска *его корол. мил.* Запорозкого Иченскимъ“. Въ январѣ 1648 г. такимъ полковникомъ былъ Петръ Гловацкій, какъ это видно изъ одного его продажнаго акта [1]). По другимъ свѣдѣніямъ, въ 1649 г. былъ и другой Иченскій полковникъ Степанъ Гловацкій, память о которомъ сохранилась въ книгахъ одной изъ Иченскихъ церквей [2]). Извѣстно, что въ числѣ полковниковъ Хмельницкаго, въ самомъ началѣ возстанія, былъ и Гловацкій. Въ латинской хроникѣ Юзефовича онъ называется Петромъ Гловацкимъ (Petrus Glowacki, tribunus). По польскимъ свѣдѣніямъ, Гловацкій (имя не указано) лѣтомъ въ 1649 г. осаждалъ Рѣчицу (Минск. губ.), но былъ самъ тамъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ на колъ [3]).

---

[1]) Приводимъ здѣсь выданную имъ купчую запись Лохвицкому жителю Самохвалу, взятую нами изъ Румянцовск. описи. «Я Петръ Кгловацкий, пулковникъ войска его кор. мл. Запорозкого Иченский, вѣдомо чиню и сознаваю тымъ моимъ листомъ добровольнимъ, записомъ вѣчнитъ продажи, кождому, кому о томъ вѣдати належитъ теперъ и напотомъ, завжди, ижъ я, маючи волность з права посполитого своимъ якъ хотѣти шафовати, млинъ при городѣ Лохвицкомъ, на рѣкѣ Сулѣ, мнѣ Божимъ правомъ и прирожонимъ, яко синови власному и сукцессорови по родичахъ моихъ милыхъ припалий и належачій, учтивому Васкови Самохвалови, исъ подворкомъ до того жъ млина належачимъ, за сумму певную, тоесть двѣстѣ зол. полскихъ, уступилъ и продалъ способомъ вѣчистой продажи», и т. д., «съ подписомъ руки моей власной, при печати притисненой, даю въ Лохвици, 15 дня генваря, 1648 року. Петръ Кгловацкій, пулковникъ войска его кор. мил. Запорозкого Иченскій». (Подлинникъ б. мож. писанъ по-польски; о немъ на копіи сказано: «1769 году февраля, 18 д., такову подлинную крелость принялъ и росписался Роменского повету подкоморского суда возной Андрей Самохвалъ».

[2]) Опис. Черниг. Епарх., VI, 507.

[3]) Сборн. Лѣтопис., изд. Кіевск. Ком. (1888), стр. 147 и Памятники, изд. 2-е, той же коммиссіи, I, 358.